

Александр Бутенко

Если бы Конфуций был блондинкой

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84
Б93

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бутенко Александр
Б93 Если бы Конфуций был блондинкой / Александр Бутенко. —
[б. м.] : Издательские решения, 2017. — 360 с. — ISBN 978-5-
4485-4449-1

Книга недорогая, содержит картинки, деструктивных демонов сознания не будит, можно легко доверить даже пенсионерам, депутатам и беременным без риска истерических реакций, рекомендована ангелами в человеческом обличье.

УДК 82-3
ББК 84

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Александр Бутенко, 2017
© Светлана Бутенко, иллюстрации, 2017
© Дмитрий Алфёров, иллюстрации, 2017
ISBN 978-5-4485-4449-1 © Сергей Архандеев, дизайн обложки, 2017

ГЛАВА 0. ЭПИГРАФ

*Весьма порой мешает мне заснуть
Волнующая, как ни поверни
Открывшаяся внезапно суть
Какой-нибудь немыслимой херни*
(с) Игорь Губерман

Хто не пьет цяй, тот цьмо!
(с) Конфуций

ГЛАВА 1. ГЛОРИЯ МУНДИ

Мой дед как-то присел, призадумался, подперев рукой подбородок. Потом вдруг выпалил:

— Скучно без славы. Чем бы мне прославиться? Пойти, что ли, церковь поджечь?..

Я его спросил:

— Так а как люди узнают, что это именно ты поджёг?

— А я буду стоять рядом и объяснять — видите, церковь горит? Это я поджёг! Во-о-от...

Камо грядеши: 65, 32

ГЛАВА 2. АРАХИСОВОЕ МАСЛО. БОЖЕ, ХРАНИ АМЕРИКУ. И КИТАЙ

В первый раз я о нём узнал в школе — к нам приезжали американские христиане, привозили гуманитарную помощь.

Это сейчас никакого американца к нашей школе не подпустят на ружейный выстрел, повесят табличку с надписью «педофил», обольют смолой, вывалят в перьях, обоссут и подожгут, а тогда — приезжай кто хочешь, пропагандируй что хочешь.

Учителя забежали бледные, как библейский конь — «Американцы! Настоящие американцы! Вы смотрите, не смейте ничего говорить, не позорьте нас».

В чём могло заключаться опозоренье, никто не понял, но и без того самим было как-то волнительно — американцы, настоящие американцы — и где? У нас в школе! Вот чудеса!

Мы не знали, какие они. Я американцев представлял только по голливудским боевикам. Искренне считал, что погони и перестрелки в центре любого американского города — это нормально, суровые будни, больше у них ничего и не происходит.

Завидовал им, конечно же — у нас тут не стреляют, и никаких погонь — а у них вон и стреляют, и погони.

Жизнь у них настоящая, а мы прозябаем ни за грош.

Мы сидели в классе, переговаривались.

Влетела завуч и зашипела, как змея с отдавленным хвостом — «Тихо, тсс, тихо!».

Зашли ОНИ. Их было трое.

Двое мужичков, одна тётенька.

В то, что это американцы, сразу верилось — они были опрятные. Вроде бы такие же голубые рубашки, такие же в мелкий рубчик брюки, какие носят хронические инженеры в НИИ — но всё равно как-то по-другому. Так опрятно выглядят или американцы, или Свидетели Иеговы (иногда в одном флаконе).

Нога у тётки была в каких-то восстанавливающих перетяжках, после гипса.

Все трое улыбочивые — что необычно и само по себе, в наших-то широтах; ну и так, как американцы, у нас никто не улыбается — чтобы видно было до основания обе десны.

У нас так даже ослы скалиться не умеют — а они вон легко. Казалось вот-вот, и губа завернётся, как горящая в камине газета.

Тётка, дружелюбно улыбаясь, заговорила. Училка английского её переводила, хотя мы, даже с нашими скудными познаниями, в общем-то смысл улавливали.

Она рассказала, что они ездят по разным странам, везде, где люди нуждаются в помощи, бескорыстно помогают и несут благую весть.

Недавно ломала ногу, и вот теперь пока вынуждена ходить — она дружелюбно попыталась нас развеселить подмигиванием — в таких вот смешных манжетках.

Только самые отважные в этот момент рискнули улыбнуться уголками губ. Тишина стояла совершенно замогильная, каждый молчал, чтобы не опозориться.

Слышно было только, как что-то посвистывает — то ли ветер за окном, то ли чьё-то предобморочное дыхание.

В итоге, они просто начали ходить между рядами, робко клали каждому на парту пару книжечек — детская Библия и ещё какие-то, с картиночками, где совершенно диснеевский, хипповый Иисус с большими, влажными, как у оленёнка Бэмби глазами, трогал каких-то перекошенных страждущих, валяющихся посреди улицы в простынях.

Ещё каждому по апельсину — апельсины были совершенно точно иноземными — у нас таких не продавалось — большие, оттенка червонного золота.

А ещё — дали по куску хлеба, и начали намазывать сверху что-то, из большой банки, пестревшей иноземными словесами.

Это было оно, арахисовое масло.

Я тогда вообще не представлял, что такое существует.

Да, я ничего не знал об Элвисе Пресли, заработавшем на почве неадекватной любви к арахисовому маслу ожирение, приведшее его к скоропостижному отбросу коньков.

Учителя начали шикать — много не ешьте!

Это было божественно! Я на тот момент мало что пробовал вкуснее.

Я обожал арахис, но подумать не мог, что его можно вот так зрелищно намазывать на хлеб.

Но потом настал горький миг — американцы уехали, масло забрали с собой.

Я стал им завидовать еще более люто — мало того, что у них там перестрелки и погони, так еще и в перерывах между очередной погоней и перестрелкой они жрут арахисовое масло.

Боже, судьба моя горькая, зачем, зачем, Боже, зачем ты, диснеевский Иисус, послал меня сюда, в эту часть мира, где нет перестрелок, погонь и арахисового масла?!

Горе, горе мне, неразумному! Пеплом посыпаю главу свою.

Шли годы. Пропал формат разъезда американцев с гуманитарной помощью.

Начали скудновать, но появляться разные вкусоности.

Дорогой, но иногда позволяемый, в наш макрокосм вполз Макдональдс. И остался.

Я ждал, ждал, когда оно появится, арахисовое масло.

И дождался. Оно появилось. Я стоял в магазине, и не верил глазам — peanut butter. Характерная баночка. Made in Texas.

Дорогая, конечно, но не дороже сладкой детской мечты.

Купил. Осторожно открыл. Вдыхал аромат и готов был расплакаться.

Это действительно было оно, после такой долгой разлуки. Мои мучения и терзания были вознаграждены.

Спасибо, Иисус! Прости, что я совсем не сберёг книжки с картинками тебя — они оказались неинтересными.

Когда пошла вся эта современная хренотня, ну, санкции там, вставание с колен и разная прочая дребедень — я в числе основного испугался за арахисовое масло. Оно ведь в Штатах делается, а Родина наша богата радетелями, которые мне начнут объяснять, что сегодня я играю джаз, завтра Родину продам, и оттого необходимо срочно отбросить от себя эту богопротивную гидру, запретить ввоз арахисового масла, а то, что и ввезли — давить бульдозерами на границе.

Ну, вы знаете, как оно у нас, что мне вам рассказывать.

А вот недавно наткнулся на масло, сделанное в Китае. Это уж вряд ли пропадёт.

По вкусу идентично.

Мне полегчало. Можно жить.

...Интересно, что стало с теми американцами, что угощали нас маслом и апельсинами? Погибли, небось, во время очередной перестрелки.

Камо грядеши: 73, 92

ГЛАВА 3. ПОЕЗД ПО РОССИИ

Поезд по России — сто грамм и вперёд.
Она. За дверями вагона последнего. Она. В небеса провожали пропащего.

Должно быть, поезд — самый точный российский символ.

Дорога. Либо в абстрактное «домой», либо в абстрактную «чужбину». Ну, либо, тоже по-русски, этапом.

Стужа, за окном проносятся нескончаемые просторы, неприкаянная земля, вечно обречённая ждать хозяина.

Есть в этом особая, надрывная романтика. Есть что-то очень русское в стремлении взять билет в плацкартный вагон, и ехать — ехать, ехать, ехать... Просто ехать, ниоткуда и в никуда. То ли на полустанок детства, то ли на этаж, где отпевают.

Ехать ради дороги. Ради ощущения своей малости и ничтожности перед звенящей, холодной вечностью, где стирается грань между живыми и мёртвыми, где в воды Леты можно входить дважды, трижды, многожды.

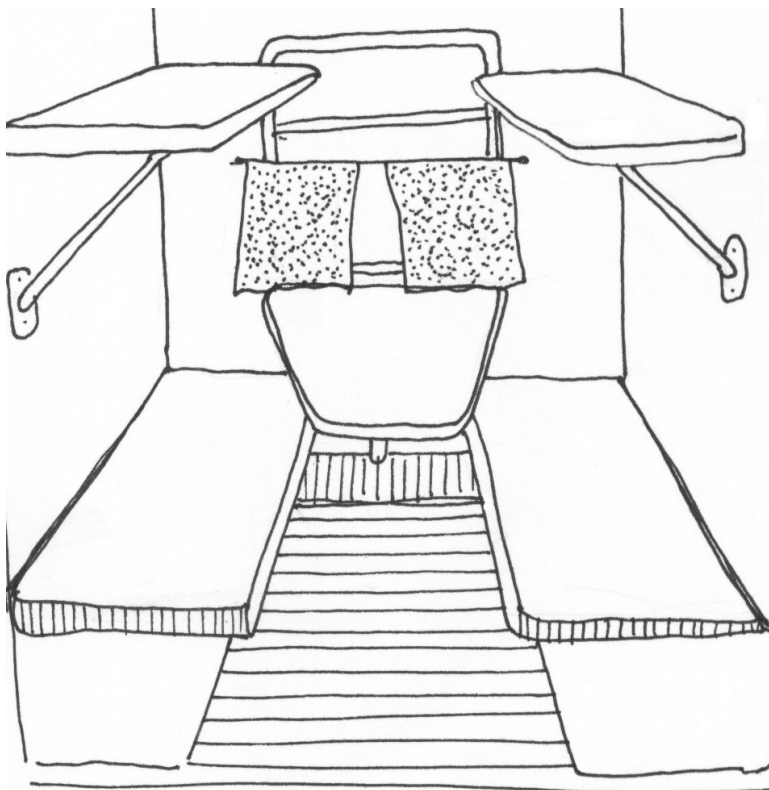
Рассказы попутчиков об умершем зяте, родившейся дочери, уехавшем служить на Камчатку племяннике.

Обрывки чьих-то воспоминаний — стариковских сожалений об ушедшем, страданий о настоящем.

О будущем? Нет, о будущем говорят мало. Оно всегда абстрактное. Там вроде как должно стать лучше, несмотря на то, что день ото дня становится только хуже. Такой уж парадокс.

Дорога ради дороги.

Горький пакетик чая в стакане — не помощь в пути, он и есть путь, самоцель и Уроборос русского бытия. Влажный матрас, гремящие рундуки.

Люди, с серыми и голубыми глазами — едут в дорогу ради того, чтобы пить чай, слушать разговоры, дышать углём, сыроватым холодом плацкарта.

Ощущать это дразнящее прикосновение — вот он, Смысл. Великий смысл всего и вся, вьётся как балтийская салака, шаркает хвостом — хватаешь его, а он выскальзывает. И вновь дразнится. Скручивается то в знак Ом, то в стихи тоскующего поэта, то в истину на дне винной бутылки.

Нигде так близко не дразнится иллюзия Постижения Смысла, как в поезде.

Лежишь на полке, насквозь прозаичная ситуация — а кажется, что абсолютно всё понял.

И неразборчивые голоса из динамиков полустанков — сладкоголосые сирены. И влажный матрас — ласковый плен.

Вечный фронт — доехать, дойти, добрести. Поддержать тело горячим дошираком, смахнуть оцепенение дум.

Разбежаться от разгульности вагона-ресторана, палёной водки на последние, до великой медитации перестука колес.

Одиночества, расфасованные по полкам вагонов, как яйца в холодильнике. Как брикеты в морозилке.

Этот человек — мясо. Этот — брюква. Этот — банка пива. А этот уже испортился — выбросить пора.

А когда дорога подходит к концу, то даже самую яркую радость от возвращения в родные места вытесняет грусть — а Смысл вновь ускользнул. Вновь махнул хвостом и исчез. Подразнился, поматросил и бросил.

Ушёл соблазнять других.

Дорога завершается. До новой дороги, и нового горького пакета чая в гранёном стакане, в алюминиевом подстаканнике.

Камо грядеши: 60, 41

ГЛАВА 4. КАК Я УВЕРОВАЛ В БОГА

Дело было так: жил я ещё на Пятницком в Москве, а прямо под домом, в соседнем подъезде, был круглосуточный магазин.

Там продавалась сангрия. Настоящая испанская — вкусная до невероятности. Пьётся как компот, аж мурлыкаешь. А потом — хрясь, и хмель накрывает, приятный такой, южный, окутывающий.

И стоил тетрапак сангрии, как сейчас помню, 96 рублей.

Дороже, чем в безакцизной Андорре, рае алкоголика, но вообще — почти даром за такую вкусноту.

А я выпить не дурак был. Но с деньгами сущая чересполосица — то есть они, а то мелочь на проезд собираю.

И вот — часов 11 вечера. Денег нет. Безумно, просто до одури, хочется сангрии.

Сотня, всего одна сотня деревянных рублей может спасти гиганта мысли, отца русской демократии, но этой сотни нет.

И возопиет гигант мысли, отец русской демократии.

Все юбилейные десятки и двушки уже израсходованы. Коллекционные два доллара одной купюрой — их и разменять негде, а ежели бы и было — на то время это меньше шестидесяти рублей.

Как неадекватный алкаш-подорва кланчить у продавщиц, увещевая, что завтра принесу? Не прокатит. Даже несмотря на то, что они меня в лицо знают — я завсегдатай.

Корешам позвонить? Да тоже, редко беспокоящая совесть восстаёт — звонит хмырь посреди ночи, сто рублей на сангрию кланчит — горестная картина. Не того желал я уважаемым мною людям.

Чё делать? Делать чё?!

Начал перерывать всё, в поисках сотни.

Посмотрел коллекцию денег, купюр и монет — ничего подходящего.

Перерыл зимние куртки — а вдруг где купюра осталась? Нет.

Перерываю одежду, потрошу книги, смотрю — может, где заначки есть? Я однажды нашел пятихатку в книге, осталась от жены после развода. Избалован прецедентом.

Перерываю и Бога молю — «Господи, яви чудо, ниспошли сотню! Ты вино в кровь превращаешь, чудны дела твои — тебе сотню мне ниспослать — тыфу, фигня».

Осталась крайнее — я взмолился: «Господи, яви чудо! Если явишь — я в тебя уверую!».

И вдруг... Я не понял, что произошло — я перерывал какую-то одежду, какие-то бумаги, коробки, что-то дёрнул, и прямёхонько после этих слов — не знаю откуда, наверное, правда материализовалась из воздуха — сотня. Новенькая ещё такая, как из станка, ровная — и красиво-красиво взлетела и, кружась, как январский снег, долго, зрелищно, вращаясь вдоль оси и по периметру, прокувыркалась в воздухе и легла на пол.

У меня дыхание перехватило. Тронул — настоящая.

Откуда? Ниоткуда!

Я на измене — держу в руках, боюсь, что она превратится в дым или резаную обёрточную бумагу — одеваюсь наскоро, валенки на босу ногу, иду в магазин.

Заветная полка — там сангрия (ещё не было ограничений на продажу алкоголя).

Беру её подмышку, протягиваю сотню.

Молюсь, чтобы это всё оказалось явью.

Мне дают 4 рубля сдачи, чек, и я оказываюсь за линией касс — с 4-мя рублями и тетрапаком восхитительнейшей сангрии.

Боже! Господи! Как же она была вкусна!

Она текла фруктовыми струями, как нектар, врачуя мою тревожную, израненную душу.

Там, где протекали сладкие ручьи — затягивались и врачевались рубцы.

Тетрапак был выпит, и это было ровно столько, сколько нужно для счастья.

С тех пор я уверовал в Бога. И даже не оттого, что обещания нужно выполнять — нет, я уверовал оттого, что это знамение. В такого Бога хочется уверовать.

И вот, с тех пор я верующий.

Не религиозный — боже упаси, религию я как считал опиумом для народа, так и считаю — а именно что верующий. Я совершенно точно знаю, что Бог есть. Он не может не быть.

И Дарвин — великий учёный, ноль базара, но всё-таки нас, человечество, создал Бог. Ну, или мы попали на эту планету с другой планеты, где нас создал Бог.

Камо грядеши: 29, 55

ГЛАВА 5. МОСКВА-СИТИ. В НАЗИДАНИЕ НАРОДАМ ДРЕВНОСТИ

Как быстро, на самом-то деле, проходят эпохи. Быстро и резко.

Остап Бендер как-то сказал своим спутникам, Козлевичу, Шуре Балаганову и Паниковскому, после сладкого сна в стоге сена, с одеколонным запахом, и выпитого утром кувшина топлёного молока: «Молоко и сено, что может быть лучше! Всегда думаешь — это я ещё успею. Ещё много будет в моей жизни молока и сена. А на самом деле никогда этого больше не будет. Так и знайте: это была лучшая ночь в нашей жизни, мои бедные друзья. А вы этого даже не заметили».

Всё, что мы делаем, видим в жизни — когда-то увидим в последний раз.

И всё, до чего мы дотронулись сегодня — в этом дне и останется.

Каждый день мы что-то проживаем в последний раз. И никогда не узнаем, что именно.

Как много ссылаются на время излёта СССР, на дикие 90-е. Мама дорогая — а ведь это всё уже 20—30 лет назад было.

Даже десятилетие с символичным названием «нулевые» — и то, оно ведь уже давно завершилось. А мы этого как-то не заметили, мои бедные друзья.

Были в 90-е, в нулевые, персонажи, которые казались небожителями — олигархи, политики, приближенные к телу.

Где они все?

Падших с Олимпа очень быстро забывают.

Была эпоха быстрых карьер. «Новые русские». Кончилась эпоха. И анекдоты про новых русских тоже кончились.

Была эпоха затяжной, очной войны на Кавказе, болота, из которого, казалось, ни на одном бульдозере не выехать. Кончилась.

Были нулевые, время обжиралова. Время сумасшедших цен на нефть.

Мы, простые обыватели, попали в странную прослойку, ошибочно сопоставляемую с мифическим «средним классом». Это такой класс, у которого денег уже чуть больше, чем нужно для выживания, но безнадежно меньше, чем нужно для перехода на качественно иной уровень.

Как там в мульте про необратимость: «У тебя никогда не будет БМВ пятой модели. Никогда не будет квартиры в Алых Парусах. К тому времени, когда ты на это, может быть, и заработаешь — и тебе это будет не нужно, и ты никому не будешь нужен».

Что делать в такой ситуации? Только жрать. С горя и радости.

Настало странное время — во все забегаловки и рестораны не попасть. В иные стояла очередь, ждали, пока освободятся столики.

Все срочно начали разбираться в суши и сашими, рассказывать повару-узбеку премудрости приготовления рыбы фугу и настоящего ирландского кофе. Мудрствовать о различиях гас-

паччо. Козырять именами божественных коктейлей.

Денег было — жопой жри.

Пришёл в Альфа-банк просить кредит на миллион с мутными документами — отказали. Доехал до другого отделения Альфа-банка же — выдали. С лёгкой даже брезгливостью, словно эти миллионы напоминают им о собственной никчемности.

В стране стояли заводы, деградировала провинция, но в столицах крутились дурные, огромные деньги. Никто не знал, что с ними делать, а они прибывали, как из волшебного горшочка.

Было ощущение киберпанка, полной виртуальности происходящего. Каждый себя воспринимал как персонажа какого-то бессмысленного, но красочного фильма.

Идея не важна, но был важен экшн. Действие в его чистом виде. Эдакий Джон Ву, если кто-то понимает, о чём я, и помнит, кто это такой.

Жизнь текла по ночам. К 9 — 10 вечера просыпались и ехали в ночное. Куда? В клубы, на концерты. В бары, где текло рекой бухло. На квартиры к случайным знакомым.

Всегда находились деньги. Я тогда занимался криминалом — был организатором лохотронов, на бедность не жаловался.

Но даже если не взять с собой кошелька — всегда находились те, кто был счастлив угостить. Деньги считались мусором, летели в прорву.

Менялись как в калейдоскопе квартирки в Бутово, куда кто-то подтягивал марокканский гаш, коттеджи на Рублёвке, где глупые чики и шампанское, дискотеки, танцы, дым сигар, скромное обаяние русской богемы.

И да — гонки по ночной Москве.

Смерти не было, педаль газа утапливалась в пол. Гремела

музыка, рядом визжали, хватали за рукав какие-то девчонки, о которых не мог вспомнить ни их имена, ни откуда они вообще подцепились.

Останавливались на случайных пяточках, закидывались коллекционным бухлом из горла.

В калейдоскопе клубов постоянно попадались какие-то странные знакомые лица, лихие, хмельные друзья, рука шла вперед в приветствии — братан! Клуб бессмертных смертников.

Беспорядочный секс. Лихой, как в подростковые.

В чьей-то хате, на заднем сиденье. На росе Воробьевых гор.

Выразительная как диагноз Москва, когда светает, уже спал порок ночи, но ещё не проснулся день. И, как вампир, едешь домой — точнее, не домой — не было у нас дома — на базу. То место, где будешь сегодня ночевать. Ой, точнее, дневать, не ночевать.

В магазинах покупалась икра, коллекционное шампанское.

В каждом кафе чадили корпоративы. На праздники творилось безумие — выступления под фанеру престарелых героев эстрады прошлого века исчислялись гонорарами в шесть-семь цифр.

Набор архетипичен — пьяная бабища, желающая жестко пороться и немедленно, руководители отделов, горько курящие и с пузиками.

Кто побогаче — строили безумные небоскребы, устраивали безумные вечеринки с голыми официантками, собирающие благотворительные миллионы. Ванны с шампанским, сверкающие дорогие тачки и мигалки.

Лоснящееся лицо Сергея Полонского, строящего Москву-Сити, самые высокие небоскребы Европы и его эпохальное «Все, у кого нет миллиарда долларов, могут идти в жопу».

Похоже, его самого настиг злой рок — он стал уникальным примером, показал дорогу собственному напутствию.

Мало кто из миллиардеров мира сумел потерять миллиард, но Полонскому это удалось. Причем в один год.

Москва-Сити, оставшись без многомиллиардной подпитки, быстро скисла. Офисные помещения, за одно только экскурсионное посещение которых ранее взималось по сто баксов, стали сдаваться по среднемосковским ценам.

Сам Полонский просидел год в камбоджийской тюрьме, потом получил камбоджийское гражданство... а впрочем, что я вам о нём рассказываю? У него уже нет миллиарда, он может идти в жопу.

Кому они нужны, без денег и без власти?

Пусть знают, суки, почём труд хлебороба. И так будет с каждым упавшим с Олимпа. Не в чести у наших традиций почтенная старость — вы когда-нибудь видели у нас уважаемых стариков? Ну вот то-то же.

Что осталось? Ну, только Москва-Сити, как памятник.

Я называю это место «пять минут Токио». Это одно из любимых моих мест в Москве.

Оно ровно такое же, как наша страна, наша эпоха. Блестящее и убогое одновременно. Обречённое на насмешки потомков. Наследие «нулевых». Нулевое наследие.

Пока мы говорили о лихих 90-х — мы просрали нулевые.

Ну, хоть суши поели, на корпоративах поплясали, коллекционный марочный коньяк попробовали.

Ещё одна эпоха, которая уже ушла, осталась нами незамеченной.

Кто-то был с нами в это время и навсегда сейчас ушел. А мы даже не можем вспомнить их имена.

«Молоко и сено, что может быть лучше! Всегда думаешь — это я ещё успею. Ещё много будет в моей жизни молока и сена. А на самом деле никогда этого больше не будет. Так и знайте: это была лучшая ночь в нашей жизни, мои бедные друзья. А вы этого даже не заметили».

Камо грядеши: 83, 44

ГЛАВА 6. БИТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

Это Аркадий Иванович Сурин, мой учитель по экономике, так говорил, когда выводил причинно-следственные связи явлений. И лукаво щурился, поменяв из оригинала утверждения одну букву.

Это вообще вечный спор, лишенный причём, как по мне, всякого смысла — бытие ли определяет сознание или сознание определяет бытие. Да оба утверждения справедливы и взаимосвязаны.

Хуже только спор про первородность яйца или курицы — ну понятно же, что первым было яйцо, как первая ступень белкового синтеза. Путём коацервации образовалось первое белковое образование, ставшее прообразом яйца, а дальше уже созревавшие в этом прообразе яйца белковые структуры пошли себя преобразовывать — и через сколько-то там тысяч тысяч лет эволюции (не сразу же, разумеется), совпавших с тектоническим «кипением» планеты, катализирующим реакцию, дело дошло уже до того, что из яиц стало получаться что-то подобное современной курице.

Но это фигня — мы сейчас не об этом, мы о сознании, бытии и битии.

Так вот, сознание и бытие — вещи взаимосвязанные. Как история и личности — и так, и эдак. И личности творят историю, и история создает предпосылки для проявления личностей.

Мы все в этом мире — маленькие, жалкие и беспомощные философы. Мы видим крохотные частицы огромной, недоступной нам картины и начинаем считать, что вся картина такая же, как та частица, которую видим мы.

Отсюда все святыя войны — одни людишки начинают уничтожать других за то, что они видят другой фрагмент картины мира, хотя картина эта всё равно одна.

Одни назначают свой фрагмент более важным, чем остальные, и дают себе право меряться характерами. Точнее — не характерами. Это меня однажды дети, лет 10–12, спросили, есть ли у меня жена. Я сказал — нет, развёлся. Они понимающе покачали головами — «не сошлись характерами?». Я умилился. И ответил честно — «нет, не сошлись гордынями».

В этом смысле — абсолютно бессмысленны споры. В людских спорах нищие с пустыми карманами спорят с другими нищими с пустыми карманами о том, кто кого богаче.

У нас нет возможности охватить всю картину мира.

Поэтому мы все хватаем себе кусочки картины и назначаем их главными. В соответствии с ними строим свой стиль жизни, свой сценарий. От которого, кстати, практически никогда не отступаем — именно поэтому я смотрю не на то, что человек делает, а на то, как он это делает и зачем.

В этом смысле — любой человек быстро становится понятен, если понаблюдать за ним в мелочах. В глобальных, значимых вещах люди склонны носить маски, играть роли. А вот в мелочах быстро спаливаются.

Забавно — но мы все, каждый из нас, даже когда воображаем себя дико сложными, достаточно примитивны — у нас есть свой сценарий жизни, и всё, что в жизнь приходит, мы обрабатываем

уже в соответствии с имеющимся сценарием, с уже сформированными программами поведения.

Никого жить учить не надо — мы все как-то умеем. А те, кто не сумел — уже не с нами.

У нас у каждого есть своё бытие, определяющее сознание. И своё сознание, определяющее бытие.

И кардинально отказаться от них — не получается. Только постепенно корректировать, допуская другие модели жизни, нежели своя, привычная. Исследуя другие жизни, проявляя к людям любопытство — кто как живёт? Как у него устроено? Каких людей он к себе привлекает? Какой фрагмент Большой Картины Мира он сейчас видит?

Можно этого и не делать. И это тоже выбор, достойный уважения.

Но тот, кто теряет интерес к Картине — по сути уже мёртв.

Сошел с игровой доски с нулевой суммой. Его место заняли другие и поехали дальше.

Камо грядеши: 67, 23

ГЛАВА 7. КОГДА УЙДЁМ МЫ СО ШКОЛЬНОГО ДВОРА, ПОД ЗВУКИ НЕСТАРЕЮЩЕГО ВАЛЬСА

Заиграло любопытство — полазить по социальным сетям, посмотреть одноклассников — а кто кем стал?

Чуть стыдливо так, украдкой — словно за чем-то недозволенным в замочную скважину наблюдаю.

Хочется сюрпризов. Чтобы чья-то судьба удивила. Или зло-радного удовлетворения, когда чья-то судьба так и не стала яркой — с фотографий смотрит всё то же лицо одноклассника, только чуть потолстевшее, добавившее самодовольства.

Что-то злорадное и гадкое в этот момент шевелится внутри.
Далеко мне до аристократской горделивости, что и мечтать.
Не Гагарин я. Не Гагарин.

Просто набрал в соцсетях свою школу и год выпуска, и пошёл смотреть людей.

Смотрел лица. Вспоминал, какими их помню, смотрел на то, кем они стали.

Мало кому обрадовался, поймал себя на такой мысли. А тех немногих, которых хотел найти — не нашёл. Пашку Я., например.

Пашка — типичный архетип Ареса, бога войны.

Маленький, веснушчатый, типаж школьного хулигана из «Ералаша». И словно вылитый живьём из стали. Железная боевая машина.

Он мог выйти на пять минут в булочную за хлебом, и то успеть подраться.

Дрался он много. Он привлекал драки, они постоянно вокруг него случались.

Как истинный Арес — он ценил мужскую дружбу, боевое братство было сакральным. Он помнил добро.

Он был очень опасным врагом и бесконечно надёжным другом.

У него было обострённое чувство справедливости.

Его коробили учительские любимчики. Он холодно презирал училку литературы, которая ставила своим любимчикам хорошие оценки просто за то, что они весь урок кивали и говорили ей «Да-а! Да-да... да-а-а».

А был и другой эпизод — он много изводил молодую учительницу истории. У них была настоящая война, даром что без иприта и траншей.

Но в конце года она ему честно поставила пятёрку, на которую он предмет и знал, хотя у неё были все возможности на нём отыграться и отомстить. Она не стала этого делать. Пашка пре-

кратил её травить — он очень уважал честность и благородство. Сполна это оценил, счёл это справедливостью и ответил уважением.

Как типичный Арес — он тосковал по войне, ему было скучно.

Я за него боялся, что однажды он не сможет себя удержать, не сможет встроить свой взрывной нрав в лицемерие гражданской жизни.

Так оно и произошло — избил какого-то случайного знакомого, который, по словам самого Пашки, сам на него неожиданно, без видимой причины напал — я ему верю, это было вполне в его духе, таких притягивать. К несчастью, избитый оказался ментом.

Тянулось дорогое дело, адвокат сделал невозможное — Пашка отделался условным сроком.

Но я за него переживал ещё сильнее — другой подобный инцидент засадил бы его за решётку надолго.

Я знал, что Пашка нашёл себе девушку в Брянской области и часто ездил туда — и к ней, и просто, меньше светиться в Москве, которая затягивала его в криминальные компании.

В какой-то момент он пропал, и больше я его не смог найти.

Я не знаю, где он. Он может быть сейчас в тюрьме, на войне, а может быть и среди мёртвых.

Я скучаю по нему. Мне очень хочется, чтобы эта его бестолковая, но восхитительно честная, неукротимая и подкупающе обаятельная жизнь продолжалась.

Зато нашёл в соцсетях Анну Л.

Как-то, в 8-м, наверное, классе, мы ездили от школы в Петербург.

С нами ездила она, Аня, в которую я был неистово влюблён. Я таял от одного её присутствия. У неё была очень особая, тонкая, козерожья красота, походка как у беговой лани и чувственный,

возбуждающий, грудной, ласковый, вкрадчивый голос.

А ещё она была отличница, а я был задрот, и горестно назначил себя не имеющим никаких шансов.

Тогда, в Питере, был единственный раз, когда мы поговорили. (Она была из параллельного класса.) Не помню о чём, помню только, что изо всех сил старался не покраснеть. А после этого был весь томим невероятной истомой, словно всё тело изнутри гладят кошки.

Она мало поменялась, эта особая, изящная козержья красота, не подвластная времени, стала только тоньше и благороднее.

Много фотографий, где она гибкая, стройная, интересная. И неизменно одна.

Причем ладно бы не было её в мужской компании — в компании подруг фотографий тоже нет.

Одна в Италии, одна в Испании, одна среди монастыря, одна на вечеринке, одна в Коста-Рике. Везде одна.

Много обращается к Друзьям (пишет с большой буквы) — неясно, кто они такие. Много стихов, которые и в 15 лет уже звучат наивно — та-дам та-дам, где же настоящие мужчины-рыцари? Та-дам та-дам, которые будут пять лет нас завоёвывать, падать на колени, стреляться на дуэлях, и за всё это время даже не намекнут на постель, и верные, и красивые, и поэмы будут посвящать, и серенады петь и та-дам та-дам та-дам...

Много гордых фраз из серии «лучше одной, чем с кем попало», и все эти юношеские романтизмы — «всё кругом в царстве пошлости, а я всё ещё верю в добро и любовь».

Она социально успешная. И очень какая-то лично незрелая.

Меня это впечатлило. Возможно, оттого, что я в свои подростковые годы назначил её для себя недостижимой небожительницей.

Она — лучшая ученица школы, до сих пор её портрет

на самом видном месте, на стенде при входе. Как иду на выборы, забрать на память очередной избирательный бюллетень в коллекцию — смотрю на неё с нежностью, люблюсь.

Она — богиня бальных танцев, её знает вся школа, а я — нескладный, очкастый подросток, играющий в приставку.

А я ведь её как человека и не знаю. Она осталась для меня чем-то неземным, платоническим, грёзой, которая волшебна ровно до тех пор, пока она недосягаема.

Я её придумал для себя, а тут — странно увидеть её живым, несовершенным, хотя и по-прежнему очень обаятельным человеком.

Как много, оказывается, вообще могут значить в жизни люди и их придуманные образы, даже если время единственной встречи ограничилось минутой.

Вот Сергей — мерзкий человек. Я ещё тогда вспоминал слова из Шукшина: «таким мерзким только в милицию идти». Ну и да, никакого сюрприза — мент.

Вот Наталья — она была застенчивой и рослой, и своего высокого роста стеснялась. Как мне потом передали — она была в меня влюблена. Если бы мне сказали тогда, в школе — я бы не поверил. Как это — симпатичная девушка влюблена в меня? В меня? Влюблена?

Антон — харя не пролазит в дверь.

Евгений — всегда искусственно поддерживал имидж эдакого сладенького красавчика и теперь довёл его до абсурда.

Николай — был худощавого телосложения скинхед. Я знал, что он увлётся тяжёлой атлетикой. Мама-дорогая! Лицо не изменилось, но к голове словно приставили скопище громадных, накачанных шаров, тягающих штанги.

Руслан — один из немногих приятных людей. Очень какой-то порядочный, человеческий. Тихий и светлый. Собирает деньги,

какие-то немыслимые миллионы, на операцию сыну в Штатах.

Вера — работает в банке, не замужем, детей нет. Юлия — работает администратором в магазине, не замужем, детей нет. Анна — врач, не замужем, детей нет. Елена — лаборант в НИИ, не замужем, детей нет.

Вера, Ольга, Татьяна, Наталья и ещё человек 15 девок — работают, не замужем, детей нет, фамилии не менялись.

Почти у всех — фотографии без мужиков. Практически у каждой — эти фирменные, копируемые слоганы: «просто я стопроцентная женщина!». Или фотка с томным взглядом на фоне стены турецкого отеля: «меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть!».

После окончания школы я лишь один раз целенаправленно встретился с бывшей одноклассницей, Мариной.

Инициатива была её. Она сама разыскала меня в соцсетях, увидела мои фото и написала заглавными буквами ошарашенно — «ЭТО ТЫ????!!!! ЭТО ПРАВДА ТЫ????!!!!».

Так получилось, что из своих одноклассников я изменился наиболее радикально.

«Был мальчик-одуванчик, а сейчас такой мужик!» — с неподдельным одобрением сказала она мне, когда мы таки встретились.

Марина — красивая девка. Экстравагантно одевалась, чем доводила меня в школьные годы до бурления.

Сексуально она была для меня самой привлекательной из одноклассниц. Героиней стыдных подростковых грёз.

За два года учёбы в одном классе мы даже не поговорили ни разу диалогом.

Странно было встретиться с ней позже, пообщаться так, как будто два года совместной учёбы, в 10–11 классах, мы только и были неразлучными друзьями.

«Юля стала архитектором, работает у богатеев на Рублёвке,

Оксана ушла работать секретаршей, и сейчас от шефа в третий раз в декрет уходит, — рассказывала мне Марина судьбы одноклассников, известные ей, — Таня стала парикмахером, Юля стилистом, Нелли лесбиянкой», — последнее, произнесённое как социальное достижение, меня развеселило особо.

«Про Пашку что-нибудь слышала?» — с надеждой спросил я, они ещё и жили в одном доме. — «Отметелил он года четыре назад тут под подъездом кого-то. Но это давно было. А так — ничего не знаю. Пропал».

Очень тепло с Мариной попрощались. Договорились как-нибудь встретиться вновь и, разумеется, больше не встретились.

Были слухи, что кто-то из активистов собирал одноклассников. Но меня никто об этом не известил.

Становиться инициатором самому — ну как-то резона нет.

Увижу я этих людей, которые исчезли из моей жизни теми майскими днями — что я им скажу? Что они скажут мне?

Как кто-то сказал про сборища бывших одноклассников — они нужны для того, чтобы трахнуть таки тех, кого не успел трахнуть тогда.

А мне даже и этого не сильно нужно.

Аню Л. я так и хочу оставить романтической грёзой своего подростковья. Хочу запомнить её недостигаемой.

А остальных, кого «трудно найти, легко потерять и невозможно забыть» — нашёл легко, забыл безболезненно.

Я закрываю строку поиска. Больше я не увижу этих людей.

Любопытство удовлетворено. Какие-то призраки нашли своё вечное успокоенное пристанище. Там им и место.

Мёртвые к мёртвым. Живые к живым. Призраки к призракам.

Камо грядеши: 45, 73

ГЛАВА 8. УТРО — ВРЕМЯ ДЛЯ ЛЮБВИ

Утро — время для любви. Любовь — это не спать вместе, это вместе просыпаться.

Особенно когда за окном синяя мгла зимнего дня, на дорогах столпились серые змеи автоколонн. Прохожие извергаются паром. Мегаполис собирается в новый рабочий день.

Город собирается — а мне туда не надо.

Не надо вместе с ними стоять в серых автозмеях. Не надо надрывно кашлять в варежку, пробираясь к остановке по сугробам.

Во всей романтической науке боготворена ночь, как время волшебства и разврата.

Эх, глупые люди! Ну очевидно же, что утро — лучшее время для утех.

Когда ещё не слетел какой-то окутывающий сон, когда обнимаешь притягательное тело, а оно обнимает в ответ, а тяжёлое одеяло обнимает обоих.

Ночью огни, война и ложь. А утром интимность, самый свой запах. Очарование сонливости, в тумане которой находишь прелестнейшие холмы и сокровеннейшие изгибы.

Под звуки флейты теряется голова.

Пищит будильник. Не первый уже раз.

Будильник не мой, девушки.

Она охает, начинает выбираться, похожая на сонного зверька. Или недовольного мультяшного диснеевского персонажа.

«Оставайся», — говорю я ей.

Она замирает. Именно для того, чтобы замерла, я и сказал.

Сидит на кровати, сонная, голая, с мило отпечатанной на целуемой щеке подушкой.

Грустно повисли грудки. Вздывается очаровательный животик.

Выдохнув, она качает копной смявшихся волос: «Нет».

И что-то очаровательно и грустно канючит про какую-то там работу, на которую ехать по серой автозмее.

Она надевает трусы, спрятав королевскую рошу, в которой ещё так недавно царила удалая утеха.

Я смотрю на её прелестные складки на животе, зная, что каждая секунда неумолимо быстротечна, и эти чуть-чуть нависающие райские холмики сейчас исчезнут под футболкой.

Смотрю, как колыхнется её грудь, как не сразу ноги попадают в колготы.

Я провожаю её и возвращаюсь в еще теплую постель, хранящую запах.

За окном чуть рассвело, натянулись цепи транспорта и людей.

Она, в забавной красной шапке с помпоном, пробирается по сугробам.

Утро.

Глупые люди! Утро — время для любви, не для работы. Работать и ночью можно, а любить уже будет поздно.

Некоторое время лежу под одеялом, наблюдая, как из полумрака выплывают привычные вещи.

Иду на кухню. Ставлю чайник.

Камо грядеши: 67, 78

ГЛАВА 9. ЕВРЕИ. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

С евреями я был связан всю жизнь, с тех пор, как родился в Днепропетровске, за глаза называемом Днепрожидовском, городе, который всего лишь век назад был еврейским на треть.

«Евреев меньшинство, но везде их большинство» — в моей жизни евреи всегда и везде оказывались где-то рядом на фронтах культуры, науки, искусства, общения, исследования.

Приезжая в новое место, начиная заниматься новой деятельностью, я не сомневался — прежде всего столкнусь с евреями.

Евреи оказывались в каждой компании — соратниками, участниками. Иногда противниками, причем самыми шумными.

Всегда деятельными и увлечёнными.

Интересно, но евреи меня всегда выделяли и всегда оказывали мне особое внимание.

Поначалу меня это просто забавляло. Но когда евреев в моей жизни стало слишком много, настолько, что это уже невозможно было считать случайностью, я задумался — кто они? Почему они так причудливо концентрируются? Чем я их притягиваю? Что они во мне так стабильно находят?

Какое-то время евреям считали меня, да иногда и продолжают считать.

Оттого, что «слишком умный».

Объясняли этим мою хитрожопость, мобильность, изворотливость. Да и финансовую сторону жизни, которую я всегда умел налаживать, не страшась начинать дела с нуля и учиться по ходу.

Забавно — евреев в обозримом пространстве моей родословной нет.

Украинцы, русские, поляки, финно-угры, цыгане, уйгуры, малые народности Урала, казаки донские, запорожские, казаки-разбойники да гайдамачий сброд — есть, а вот евреев — ну хоть бы один.

Когда я хотел себе израильский паспорт, я очень кропотливо всё лазил — никого, чёрт бы побрал.

Не будет мне израильского паспорта.

Евреям приписывают множество качеств, которые им, по моему опыту, совершенно не свойственны.

Например, скупость и стяжательство.

В моём опыте — евреи всегда были первыми, кто вкладывал деньги в новые, зачастую авантюрные мероприятия. Кто рисковал, безвозмездно жертвовал. Помогал, проявлял щедрость. Делал всё, что скупости прямо противоположно.

Евреи часто получают прибыль, это правда. Но ещё чаще, из того, что я знаю — евреи деньги теряют. Прогорают, просчитываются, терпят неудачи.

Так они учатся — пробуют всё, узнают то, что работает, и берут в свой опыт.

Ещё часто евреев представляют расчётливыми и хитрыми.

Евреи всегда очень увлечённые и своему увлечению отдают всех себя. Да, среди них много фанатов. Но вот что любопытно — в своей увлечённости они совершенно теряют стороннюю критичность, слепнут, начинают видеть только то, что вписывается в их сегодняшнюю картину мира и становятся элементарными жертвами нечистоплотного обмана.

Да-да, я знаю — «когда родился хохол, еврей заплакал» — нет ничего более простого, чем обмануть еврея.

Если мне понадобится кого-то обмануть, особенно с целью чем-то завладеть — я пойду к еврею. Приду, расскажу с горящими глазами еврею любой безумный концепт и попрошу на него денег — еврей их даст.

Испробовано. Не единожды.

Евреев так легко обманывать, что это даже уже становится неинтересным — как ребёнка обмануть, никакого азарта.

Они всему изначально верят. Еврей, даже самый ушлый, всегда в глубине души доверчив как ребёнок и неисправимый идеалист.

К евреям вообще редко равнодушны. Они заметны, как ни крути.

Они чем-то выделяются, даже когда ведут совершенно ровный образ жизни и выполняют непримечательные функции.

К ним часто испытывают неприязнь, считая их более удачливыми пронырами.

Вменяют им то, что «они везде пролезли».

Поневоле задумаешься — а чем так насолили-то? Чего на них столько копий?

Интересное я увидел у Карен Хьюитт, автора «Понять Британию»: «Почему в Британии нет антисемитизма?» — «Потому что ни один англичанин не согласится считать себя глупее какого-то там еврея».

Ага! Вот оно.

Антисемитизм — он свойствен тем, кто сознательно или несознательно считает себя глупее еврея. По умолчанию считает, что с евреем ему конкуренции не выдержать. Еврей им — это тот, кто изначально умнее, опытнее, хитрее.

Вообще главный корень мирового антисемитизма настолько прост, что странно, почему его так упорно не замечают: за всё время, за всю мировую человеческую историю евреи — это единственный народ, который всегда был практически поголовно грамотным, а иудейская цивилизация — единственная, которая ставила грамотность как религиозную норму.

Замечали ли вы — евреи постоянно учатся. В любом возрасте, в любом деле. Они не боятся начинать новое даже в зрелых годах. Евреев убийственно много в науке — это не случайно: мир университетов, книг, исследований, экспериментов, опытов, открытия нового — их мир.

Учение — это богоугодно. Это радость сама по себе.

Неудивительно, что евреи всегда оказывались, несмотря на малую численность, в числе управленцев и администраторов — именно потому, что в века всеобщей неграмотности

не хватало именно этих умений — структурировать, упорядочить, наладить логистику, архивы, учёт, записи — очень кропотливую, ценную и зачастую неблагодарную, между прочим, работу.

Многие задаются думой — а отчего так много евреев было в русской революции? Отчего творческая интеллигенция, куда не копни, наполовину «ихняя»?

Да оттого же. Революции, в своей административной части, управление да творчество — удел образованных. А в тогдашней России, вопиюще неграмотной, образованных людей было от силы миллиона два, условно один из которых — это солянка всех народностей и сословий, успевших обучиться грамоте, а другой миллион — евреи, которые грамотными были всегда, по умолчанию.

Ну и получается, как есть — каждый второй. А поскольку око-вы старого мира пали, вместе со старыми условностями — каж-дый ищет спутников жизни и соратников в своём социальном классе. Ну и логично, что в самом образованном классе неми-нуемо с евреями перемешаешься, все эти Маяковские и Лили Брик — да просто чисто статистически.

Сейчас роль евреев угасает.

Есть народы локальные и глобальные. Локальные — живут в масштабах своей чётко очерченной земли. Глобальные — влия-ют на дела мира.

Возможно, именно поэтому притирка между русскими и евреями такая непростая — русские тоже народ глобальный.

Когда два локальных народа делят землю — рано или поздно они её переделают. Выжженную.

Безумнее, когда два глобальных народа начинают делить воздух.

Евреи всегда были глобальным народом. И прямо на наших глазах постепенно перестают им быть: часть евреев стала изра-ильтянами — совершенно другим народом. Локальным.

А часть неуклонно ассимилируется в тех странах, в которые их занёс рассеивающий ветер.

Всеобщая грамотность перестаёт быть уникальным явлением. Вместе с ним перестаёт быть особенным положение евреев.

Сменится всего лишь одно-два поколения.

Да сами вспомните — наверняка у вас есть знакомые, которые рассказывают: «а у меня дедушка был еврей», а сами при этом ничем давно от вас и сверстников не отличаются. Скажи «а у меня дедушка был татарин (черкес, калмык, немец)» — прозвучит так же обыденно.

Все горячие антисемиты поступают исключительно неумно, травя евреев: если вы действительно желаете еврею исчезновения — не гоняйте его, этим вы его только тренируете.

Просто подождите одно-два поколения — евреи ассимилируются. Станут частью других народов.

Так же, как они растворялись в других народах всю мировую историю, несмотря на формальные религиозные запреты.

Евреи очень притягательны. Потому что они очень живые, живучие и жизнелюбивые. Поэтому можно их любить или не любить, хаять, ругать, ненавидеть, спорить с ними — но к ним тянет. С ними интересно.

Удивительная смесь многовековой мудрости и одновременно детской горячей открытости миру. Мудрость седых фолиантов и вместе с тем взбалмошная земная страсть — кто хоть раз тонул в черных еврейских глазах — знает, о чём я говорю.

Все евреи, что меня окружали, всегда проявляли ко мне искренний, подкупающий, бескорыстный интерес, в истинность которого я долго не мог поверить.

Мне понадобилось много времени, чтобы осознать — а ведь я им интересен точно так же, как и они мне. Они у меня учатся

и жадно пьют меня запоем точно так же, как и я их.

И когда я сопереживаю их неудачам — они ведь точно так же сопереживают моим.

И когда я радуюсь им успехам — они тоже, по-детски шумно, ярко и чисто радуются моему успеху.

Есть такая притча, о православном и иудее, которых спросили, что бы на выбор они попросили у Бога — богатство, славу, уважение или мудрость.

Оба выбрали мудрость. Но объяснили свой выбор по-разному.

Православный сказал: «Будет у меня мудрость, и тогда мне не понадобится ни богатство, ни слава, ни уважение».

Иудей сказал: «Будет у меня мудрость, будет тогда и богатство, и слава, и уважение».

Это то, чему у евреев стоит научиться: чтобы сберечь душу, вовсе не обязательно отказываться от материального аспекта бытия. Скорее, напротив — мудрость сердца поможет направить материальные блага так, чтобы расти самому, сохраняя чистоту, и помочь другим.

Корень еврейского бескорыстия в том числе и в этом.

И ещё: евреи убеждены, что хороший человек должен быть богат — именно потому, что он хороший человек.

Евреи часто сердятся разным бессеребренникам, но мало кто понимает — если они сердятся о чьей-то материальной несостоятельности, значит, считают этого человека хорошим, любят его, заботятся о нём так, как они это умеют и понимают.

Когда я это понял, то это наполнило меня признательной нежностью — это ведь вы, оказывается, ругались не со зла, а именно потому, что считали меня хорошим человеком и возмущались, почему я, хороший человек, лишён того, что мне должно принадлежать по праву.

Хорошо, что я сейчас осознал этот особый механизм еврей-

ской заботы. И я говорю вам спасибо за вашу заботу. Принимаю её с благодарностью и по полной цене.

Одно из самых трогательных еврейских качеств, очень редких, очень чистых, очень сильных — умение помнить добро.

Вы можете перессориться потом, наговорить гадостей. Пути могут разойтись. Мнения могут поменяться.

Но вы можете быть уверены — если вы с чистым сердцем когда-то сделали еврею благодеяние — он обязательно это отметит, запомнит и будет благодарным за это всю жизнь.

Очень специфический еврейский опыт научил их высоко ценить истинную человечность.

Это очень тонкое, очень человеческое, очень хрупкое качество — умение платить добром за добро. Евреи это умеют.

Не ради славы, анонимно, не ради выгод, против конъюнктуры.

Удивительная верность и великодушие.

На самом деле сейчас идёт с одной стороны логичный, светлый, а с другой — очень щемяще необратимый процесс — евреи исчезают. Естественным путем ассимилируются.

Всё больше будет полукровок, четвертькровок, однавосьмая-кровок.

Не быстро, но евреи станут частями других народов, подарив им свои одни из самых лучших качеств.

Я давно замечал — нет более верных и преданных патриотов, в самом лучшем смысле этого слова, чем те, кого скрепила мудростью часть еврейской крови.

Евреи исчезают, и мне грустно от этого.

Грустно так, как грустно прощаться с чем-то, что навсегда уходит, оставаясь в сердце нежной, светлой, осенней печалью.

До свидания, друзья. И прощайте.

Я обещаю — я расскажу своим детям о вас, о вашей удивительной истории, о вашей заботе и любви. О том, какие вы, и о том... уфф, как же мне, оказывается, тяжело это говорить... и о том, что я люблю вас.

Смерть — это начало новой жизни.

А жизнь вечна.

Вы сами меня этому научили.

Камо грядеши: 54, 91

ГЛАВА 10. КАК Я СТАЛ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ. СКАЗКА-БЫЛЬ

Владимир Владимирович Маяковский некогда в своем нетленном произведении описывал, как он стал собакой, а я вот расскажу вам сейчас, как я стал генеральным директором.

А было это так: пошли я и Лана велосипед выгуливать.

Шли-шли, днём и ночью, и под зноем, и под сырым дождем, и спали в стогах сырых, и питались гнильём.

Прошли Тридевятое царство и пришли в парк, Митинский ландшафтный.

А там гора. С драконом, как положено.

Сидит дракон в пещере и взгляды кидает на мир окружающий.

Ну, сидит и сидит, и пусть себе сидит.

А я Лане и говорю: «А видишь гору? А хочешь, я с неё как реальный пацан пыщь-пыщь скачусь, смело и отважно, и потом ещё и газку наподдам?».

А она и говорит: «Белены что ли объелся, милоч? Бога побойся, ирод окаянный».

А я говорю: «Не, нуачо? Во славу прекрасной дамы».

Истинно есть — чем более глуп подвиг в честь прекрасной дамы, тем больше это её покорит.

Ну, я такой подъехал к краю горы, чувствую себя Дон Кихотом, и только собрался велосипедом в омут, как тут — ла-ла-ла, ла-ла — в кармане телефон звонит.

Ишь ты, думаю — кто это меня в такой момент оборвал? Не иначе Господь Бог, понял, что смс-кой опередить не успеет, позвонил сразу.

А у меня ещё мелодия на телефоне клёвая — я пока к трубке подойду, так каждый раз ещё потанцую.

Ну, короче, достаю я телефон и смотрю в него — кто это там звонит?

А это не Господь Бог, это Кузьмич.

Знаете ли вы Кузьмича? О, вы не знаете Кузьмича! Всмотритесь в него. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он...

Кузьмич галантный и степенный.

Невежливо зеваю при длинном церемонном приветствии.

Далее к делу, торжественный и зычный голос сообщает мне сквозь мембраны тайваньских динамиков: «Собранием межгалактического совета, решением умнейших и гениальнейших представителей человеческой расы и соплеменных галактик, принято решение...

...назначить Бутенко Александра Владимировича генеральным директором новосозданной межгалактической корпорации «Копикэт» («Sorucat»), замаскированной под общество с ограниченной ответственностью.

Всю полноту славы и лавр возложить на вышеозначенного».

Ну, негоже от таких галактических даров отказываться.

«Ладно, беру. Не хвильтесь, всё будет в лучшем виде и безопаснейшим способом для галактики. Разрешите приступить?»

«Приступайте!»

Ну, вот я и гендир.

Так вот оно и было, ни слова не приврал. Ну, разве что чуть-чуть, в несущественных мелочах.

Да, ну и вовремя всё произошло — руль-то у велосипеда оказался развинченный, и мне пришлось на него возлагать меры физического воздействия.

Ну а так — сказке конец, кто слушал молодец, все идут спайки, час уже поздний.

Целую всех на ночь в лобик, чмоке!

Камо грядеши: 87, 72

ГЛАВА 11. ГЕРМЕС

Я Гермес.

Гермес — покровитель торговцев, денег, дохода и прибыли. Разумности, гибкости, ловкости, а так же плутовства, обмана, мошенничества, воровства и красноречия.

Это тот, кто покровительствует заключению союзов и альянсов.

Бог атлетов — тех, кто готовит свое тело для материального мира и перемещений в нём.

Покровитель глашатаев, послов, пастухов и путников.

Тех, кто находит рост в дороге.

Покровитель магии, алхимии и астрологии. Всех оккультных наук — недаром долгое время они назывались герметичными, т.е.

закрытыми. Не для всех.

Посланник богов, объявляющий наступление новых эпох и волю богов, проводник душ умерших в подземное царство Гадеса.

Удел Гермеса — пересекать границы. Связывать миры.

Единственный бог, который легко перемещается из мира живых в мир мёртвых, не принадлежа ни одному из них.

Когда умирает кто-то, кто представлял собой совсем не этот мир — именно удел Гермеса проводить его.

Я могу видеть разные миры, перемещаться в них — но не могу их менять, и не могу приносить артефакты одного мира в другой — я лишь проводник.

Считайте, что у меня служебный пропуск, не дающий права на провоз ценностей.

Ко мне особенно часто в последнее время обращаются с просьбой посодействовать в каком-либо мистическом опыте выхода за грань — а мне трудно понять, во-первых, зачем вам это, а во-вторых — чем я вам помощник?

Да, я умею находиться в других мирах и умею ходить сквозь границы — но вас я туда не перетащу.

Только если пойду с вами проводником, но имейте в виду — я-то вернусь обратно, а вот вы уже нет.

У Гермеса есть жезл, который погружает в сон и выводит из сна — свои послания Гермес часто передаёт во сне, нужно уметь только их читать.

Этот же жезл мирит врагов — показывает им, что есть мир, где они могут отказаться от своей вражды.

Гермес — бог находок. Всё найденное, особенно как бы случайно — послано Гермесом. Он вам благоволит.

Хотя, конечно, это ваше дело — принимать подарки или отказываться от них.

Просто помните: если не принимаете подарков, то их перестанут дарить.

У Гермеса отсутствует мораль.

Моральные увещевания Гермесу выглядят по меньшей мере странно, по большей — жалко и убого.

Мораль — это всего лишь свод правил, действующих в маленьком-маленьком мирке — а миров Гермес видит миллионы.

Гермес презрительно относится к тем, кто видел лишь один мир и считает, что в других мирах действуют точно такие же правила. Он-то точно знает, что то, что действует в одном мире, оказывается бесполезным в другом.

Мораль — это оковы, а Гермес это ветер. У него крылышки на сандалиях, помните?

Ветер не сковать и не запереть, он летает где хочет, и ни одному самому могущественному богу не под силу его остановить.

Гермес не может себе позволить быть моральным — он экспериментатор, он постоянно открывает новое и идёт туда, куда до него никто не ходил.

Исследователь может быть только беспристрастным. Иначе никакого открытия не свершится.

По этой же причине ловкость легко сочетается с воровством.

Свое первое воровство Гермес совершил в день своего рождения.

Примечательно, что когда его таки заловили, то он так обаятельно разыграл дурачка, хлопая глазками, что его хоть и обязали вернуть награбленное, но заприметили и благодеяниями одарили.

Эту грань я хорошо знаю — это моя внутренняя блондинка, миленькая, с хлопающими глазками и в розовом, которой легко всё прощается.

Гермес тогда же, в день своего рождения, продал кучу вещей и получил прибыль.

Куй железо, не отходя от кассы — явно Гермес на какой-то попойке сморозил, а молва разнесла.

Гермес любвеобилен. Недаром он фаллическое божество, и свальный грех — это по его части.

Гермес никогда не сравнивает любовников и любовниц. Он точно знает, каждая любовница — отдельный мир, необъятная Вселенная для исследования. Только эта женщина может быть такой, только она может так пахнуть, только она может так выглядеть, только её можно так трогать, гладить и ласкать. Она единственная, во всём мироздании другой такой нет. Её можно исследовать и упиваться ей бесконечно.

Гермес очень легко оттого влюбляется, и каждый раз по-настоящему.

Потому что опыт может быть зашкаливающим, но каждый раз всё по-новому.

Один человек — одна чувственность, и нет похожих.

Невозможно любить одну, конкретную женщину, если в принципе не любишь женщин — гласит мудрость. Гермес это знает. Он очень любит женщин.

Гермес — лукавый мальчик. Покровитель детей.

Он их спасает — когда детям плохо, когда они без защиты, когда они боятся, что их забыли и никто их не любит — Гермес их слышит.

Гермес именно тот, кто ловит детей над пропастью во ржи.

Он покровитель заблудившихся детей — он найдёт их, обязательно скажет, что их любят, и спасёт их, выведет.

Дети его любят — он разговаривает с ними на одном языке. Он может так же ребячиться, дурачиться и нести чепуху, бегать, высунув язык, и валяться на полу. Придумывать истории.

Дети знают, что он только притворяется взрослым, но он всегда может встать на колени, чтобы быть с ребёнком глаза

в глаза, обнять его, и сказать, что любит — честно и незамысленно. Любого любит — хорошего, плохого, такого, сякого. У Гермеса нет морали — он любит просто так, а не за заслуги.

Детей не обманешь — если их действительно любят, они это чувствуют. И откликнутся.

Гермеса зовут те, кто боится сделать шаг.

Кто слишком уцепился за свой мир и неработающие ценности, до ужаса боясь покинуть свою иллюзию безопасности.

Все, кому нужна помощь Гермеса — позовите. Просто позовите, не формулируя повод.

Найдите внутри себя потерявшегося ребёнка — и позовите. Гермес услышит.

И это — нет правил. Правил нет.

В соседний мир отойдёшь — а там уже другие законы.

Не быть свободным, следуя правилам.

А не быть свободным — не быть счастливым.

Слушай сердце. И ветер.

Камо грядеши: 88, 79

ГЛАВА 12. SMS ОТ БОГА

Бог — невозможная для обсуждения тема, потому что в ней никогда не будет общей терминологии.

Я не знаю, что отвечать на вопрос, верю ли я в Бога.

Да какая разница, верю ли я в Бога — главное, что Бог верит в меня.

Он создал меня по своему образу и подобию, и, как истинный любящий отец, отпустил меня в мир, зная, что я разберусь.

Кого Бог любит, того и испытывает.

Бог постоянно готовит мне встречи именно с теми испытаниями, которых я больше всего боюсь. Постоянно позволяет мне учиться проходить сквозь собственный страх.

Не прятаться в кусты, не скидывать ответственность на других, не прятаться за другим именем — я не я, лошадь не моя, а подниматься и идти сквозь огонь.

Ад ведь — тоже божественное изображение.

У меня это работает безошибочно — только я сформулирую для самого себя, с чем я боюсь встретиться — именно это Вселенная мне и предоставляет в качестве испытания.

Мне страшно, но я уверен в одном — Бог не посылает мне испытание, если не знает, что я в силах его пройти.

И он всегда помогает мне — посылает знаки, подставляет опоры, освещает путь.

Когда я не в силах идти — несёт меня на руках.

Я вырос в нерелигиозной семье.

Публичные священники всегда были в моей картине мира приравнены к дармоедам, и ещё никто не убедил меня в обратном.

За малым исключением религиозные люди представляют собой гадливое зрелище истеричек, высмеивающих соринки в чужих глазах, не замечая в своём бревна.

В моем понимании Бог не только не имеет отношения к религии, но и прямо ей противоположен.

Любая религия в моем понимании — удаление от Бога.

Любой догмат — убийство Бога в себе.

Бог — личность, и создаёт личностей.

У некоторых придерживающихся христианской доктрины я встречал брезгливое отношение к буддизму, хотя, казалось бы — чем он им мешает, особенно при том, что известен своей миро-

любовистью?

А дело в том, что в буддизме нет Бога-хозяина, Бога — высокопоставленного чиновника, Бога-родителя. В буддизме человек — сам хозяин своей судьбы. И ответственность — тоже на каждом.

У каждого человека уже с рождения есть всё, чтобы быть счастливым и чтобы самому прокладывать собственный путь.

Очевидно, именно это многих и не устраивает. Они совсем не хотят остаться без Бога-хозяина.

Не находя хозяина в Боге — начинают искать его в людях, идеях, алкоголе, наркотиках, политике.

Это всё страх одиночества. Страх встретиться с той самой пустотой, полнейшей безосновностью, подвешенностью в чёрном пространстве.

А мы одиноки и не в силах это изменить.

У меня нет знаний о Боге, но они мне и не интересны.

У меня есть чувство Бога. Я его чувствую. Он общается со мной через сердце.

Когда его голос звучит через сердце — я чувствую себя живым.

А иногда он шлёт мне послания — случайным (якобы) словом, человеком, фразой, книгой, картиной, ситуацией.

Он ведёт со мной разговор через своих посланников. Он, как любящий отец, даёт возможность постигать огромный мир, слышать и различать язык его маленьких деталей. Дает мне столько времени, сколько мне необходимо.

Я называю эти послания SMS-ками от Бога.

Меня веселит, когда представляю эту картину — пи-пип в кармане, лезу туда, достаю телефон, прищуриваюсь — «у вас 1 сообщение от Бога».

Хы-хы-хы!

MMS получить тоже было бы любопытно — ну мы же все по натуре сплетники, интересно хоть одним глазком взглянуть — чё там у него да как, но у меня телефон, старенькая Нокia, их не принимает.

У меня нет цели расшифровать каждую из них.

Чаще всего это и не нужно.

Ум — это знание о мире, а мудрость — умение в этом мире жить. Мне гораздо более мила мудрость. Ум же — от лукавого.

Камо грядеши: 42, 95

ГЛАВА 13. МОДА С ССЕКСОМ. О ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ. КОГДА НЕПОДСУДНЫ ПЕДОФИЛЫ

Мы были «ребята с нашего двора».

Точнее — с нашей улицы. Потому что дворы только у частных домов, увитые виноградом и со статусом дипломатической неприкосновенности, а частный сектор был разделён параллельными улицами.

Одна улица — одни правила. Другая улица — другие.

Гулять с девкой с соседней улицы было можно. Но чревато. Необходимо ибо удовлетворить жадные интересы уличных старейшин. Принести дань неопределённым, но жестоким богам.

Интересное положение было у нескольких дворов в переулках — ребята оттуда либо вынуждены были выбирать, с кем они, либо держать альянс.

Я был с Постышева. Середина улицы, рядом с вагонеточной дорогой из шахты 5/6. (Дело происходило в Димитрове, Донецкой области). Избавлен от выбора. Самим фактом прикреплён к группировке.

На улице две компании — старшая и младшая.

Старшая, подростковая и раннезрелая, собиралась на лавочках, усатые парни щупали девок, те в ответ покрикивали и огрызались, но тела подставляли ещё более ретиво.

Это была такая игра.

Пили вино и водку, иногда кто-то приносил гитару, с появлением магнитофонов сразу же всё пространство захватил «Сектор Газа» — точный и бесповоротный символ той эпохи, ранних 90-х.

Я был из младшей компании. Мы были братьями и сёстрами старших.

Мы тайком наблюдали за ними, копировали их, хотя сами больше копались в песочнице, играли в карты на лавочках или в тени шелковицы. Гасали на великах, ходили купаться на ставок, играли близ шахты.

Мы дети. Знаем друг друга с детского сада. Все соседи.

В порядке вещей было прийти спонтанно кому-то к воротам и начать кричать — «вы-хо-ди-и-и!...».

«Да что вы разорались-то, черти!» — в сердцах высунется мать в окно, — «сейчас он (она) выйдет».

Гуляли допоздна. Вечером на едва освещённой улице, один столб на 15 дворов, слышались крики — «Ваня-я-я, домо-о-о-ой!».

«Щя-я-я-яс! — кричит из темноты Ваня, а нам добавляет: — Через час».

Знали, что захоти мы затеряться — никто не найдёт нас в тайниках нашей улицы.

Войнушки и прятки, игра в мафию и разбойников — мы знали все схроны.

Вот здесь, в зарослях бузины, если заховаться — с двух шагов, и то уже не видно.

Вот здесь старый дручок лежит, под него ляжешь — как будто и нет никого.

А здесь у угольного сарая доска ослабла — за неё можно протиснуться.

В тайниках прятали наши пластмассовые пистолеты.

Дети анархии, правнуки гуляйпольских анархистов.

Южане растут быстрее. Мы очень рано заметили, что мы мальчики и девочки.

В условиях вольницы мы все очень рано знали, причём с большой степенью достоверности, откуда берутся дети.

Никому из нас не приходилось читать книжечек из серии «как рассказать ребёнку, что аист — это туфта».

Мы смотрели, что делают старшие. Как они обнимаются и целуются на лавочках, обжимаются, отпускают волнительные пошлости — «а шо, Натаха, а пойдём в балку размножаться, а?».

Мне было лет пять, наверное. В школу точно ещё не ходил.

Ане О-ко было на год больше. Я с ней дружил.

Точнее, это скорее она со мной дружила.

Я был стеснительным, а она очень такой не по-детски ласковой и бойкой.

Я был у неё дома. Она жила у бабушки. Родители выживали в диких 90-х, работали где-то вахтой, не видя дочь годами.

Бабушка, школьная учительница на пенсии, любила меня. «С хорошим мальчиком тыружишь, Аня», — сказала как-то.

Раз её не было, а мы с Аней скакали на кровати. Знаете, детская такая радость — высокие кровати, с крашеными перилами и металлической выгнутой сеткой, которая пружинит прыгнувшее тело в потолок.

Аня была авантюристкой. Я был её подельником.

— Давай спички зажигать! — как-то предложила она, зная, что нам это запрещено.

Мы зажигали спички одну за другой, чувствуя невероятное волнение, адреналин от наглого обхода запрета.

Общая радость, когда на взрослых мы наивно хлопали глазками, а оставшись наедине — смотрели друг на друга с восторгом сообщничества.

Один раз она неосторожно обошлась со спичкой, подпалила себе прядь волос.

— Я же теперь некрасивая буду! — в отчаянии спохватилась она.

— Что ты! — разволновался я. — Ты красивая! Красивая-красивая-красивая! Самая красивая!

Пара секунд молчания, а потом кокетливо вздёргнутые детские глазёнки:

— Правда?

Это, наверное, был мой первый комплимент, сделанный женщине. И он оказался удачным.

Наверное, до сих пор, когда просыпается к женщине нежность, у меня открывается в сердце мост в тот день. Я вижу эти озорные и лукавые детские глаза из-под светло-русой чёлки.

— Давай без трусов под одеялом полежим, — сбавив голос, предложила Аня.

Мы лежали, укрывшись одним большим бабушкиным одеялом. Без трусов.

Когда в прихожей раздался шум — вернулась бабушка — мы поняли, что оплошали, не заметили через окно, как она вошла в калитку.

Она вошла, мы натянули одеяло к подбородку.

— Спите-спите... — только и проронила бабушка. Она ни о чём не догадалась.

Когда она вышла, мы выскочили и быстро оделись. Потом запрыгали от радости, что остались неразоблачёнными.

Во дворе была баня.

Не, ну как баня — два больших деревянных ящика по сути, обитые чёрной резиной, с душноватым мазутным привкусом.

Мы играли в дочки-матери на деньги, ну то есть в семью.

Сначала мы были мужем и женой. А быть мужем и женой, и не раздеться при этом догола, ясно само собой, и не интересно.

Мы разделись. Я первый раз мог вдоволь посмотреть на женское тело, пусть и шести лет от роду. Просто смотреть, чувствуя смущение и учащённое биение сердца. Ей совершенно точно это нравилось. Она никуда не торопила.

Аня предложила концепт, роли поменялись — а давай ты будешь отцом, а я провинившейся дочкой, и ты меня накажешь.

Я согласился, не зная, правда, как наказывают отцы провинившихся дочерей. Зато Аня это знала —

— — удалено цензурой — —

Замерла, как рабыня.

— Как будто ремнём меня отшлёпай, — проинструктировала она, срывающимся от волнения шёпотом.

Я подчинился.

Шло время, нам всем, детской бригаде нашей улицы, было лет по 9–10.

Это была такая игра — задрать девочке юбку так, чтобы увидеть, какие на ней сегодня трусики.

Впрочем, отгадывать было легко, постсоветский трикотаж, особенно детский, не баловал вариациями, но азарт ведь был и не в этом.

Ходила, конечно, присказка — «Шо ты смотришь?! Жопа не золотая, трусы не брильянтовые. Если не видел трусов — иди в магазин трикотажа, второй этаж».

Но этой присказкой только лишь скрывалось смущение от неясного пока навязчивого интереса.

Мы с Аней сидели на лавочке. В отличие от других девочек, она не только не скрывала, какие на ней сегодня трусы, но и охотно хвасталась мне этим. Белые в виноградинку.

Когда пришла остальная компания, кто-то тоже это подсмотрел.

Как истинная женщина, чтобы хранить интригу, Аня зашла ненадолго домой и переоделась.

Но мне показала. Белые.

Пошло торжествующее по компании — «на Аньке сегодня белые в синюю виноградинку», а я сидел и рделся. Это была настоящая гордость. Первое масштабное ощущение интимности, допуска к женской тайне, вовлеченность в женский флёр.

Аня таинственно улыбалась и молчала при этом, я тоже молчал и раздувался от гордости.

В тот день я, единственный из всех, с воли самой владелицы, знал, какие на сидящей рядом девушке трусы.

Нам было уже лет по 11–12.

Мы уже всё знали. Говорили об этом полунамёками, переводя всё в шуточки при смущении.

Мы часто устраивали концерты — собирались где-то, кто-то был зрителем, кто-то придумывал и исполнял номера.

Мой коронный номер был — сесть на велик, как на мотоцикл, натянуть дедовы солнцезащитные очки и петь «Яву», сектор-газовскую. «Яву, яву, взял я нахаляву!» — публика уходила в овации, звала на бис. Иногда даже останавливался послушать кто-то из «старших», одобрительно кивал головой.

Мотоциклисты тогда были в самом большом авторитете. Пацан с моцыком — синоним наместника бога на земле.

А девки устраивали нам показ мод.

Мы садились вокруг «подиума», а они, подогнув на мудрёный узел платье, помахивая еще не оформившимися бёдрами, походкой «от бедра» дефилировали среди нашего одобрительного гомона.

Самые крутые (я к ним относился) садились прямо под подиум — так лучше всего видно ноги, на расстоянии руки.

Постепенно «показы мод» становились всё откровеннее, юбки задирались всё выше.

90-е были в своих правах. Мальчики мечтали стать бандосами, девочки блядьми. У многих это получилось.

Нам, детям эпохи перемен, было это понятно и очевидно. Не на шахту же идти, как батя, в самом-то деле.

Когда темно, или если уходили к карьеру, в сторону от прохожих и глаз — платья снимались вовсе.

Мы называли это «мода с ссс...» — многозначительно не завершая слова, оставляя ясный, но невысказанный шарм заговорщиков.

Мода с сексом.

Все облекалось в игру, преисполнялось шуточек.

За шуточками пряталось страшное волнение. Ещё не в яйцах,

но уже где-то в теле пошли первые впрыски гормонов.

— — удалено цензурой — —

Девки тоже шутили, но сами с испугом и волнением давали на себя смотреть. Испуганные глаза спрашивали — «Нравлюсь? Пожалуйста, давай я тебе понравлюсь! Пожалуйста!».

Иногда просили раздеться и нас. Мы раздевались.

Однажды девки объявили, что их можно лапать.

Долгое время на это никто не решался, несмотря на полученный допуск.

Я стал первым смельчаком, кто, обмирая от страха, так осторожно пощупал девочку ТАМ. Вслед за мной осмелели и другие.

Наташа Ж-ко стала первой девушкой, к которой я откровенно прикоснулся. Она не отстранилась.

Оля П-ова стала первой девушкой, которая откровенно коснулась меня. Я не отстранился.

Над нами простиралось тёплое и сухое небо Донбасса.

Мне было двенадцать.

Я вступал в подростковое бунтарство.

Детство отступало. В свои владения, казня и не милоя, вступал Его Величество Гормон.

*Люди больше не услышат наши юные смешные голоса,
Теперь их слышат только небеса.*

*Люди никогда не вспомнят наши звонкие, смешные имена,
Теперь их помнит только тишина.¹*

Камо грядеши: 43, 33

¹ Ногу Свело, «Наши юные смешные голоса»

ГЛАВА 14. УЧИТЕЛЬ И АРМЯНИН. НЕПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЕЗ МОРАЛИ

Когда ехал на Байкал, познакомился с двумя мужичками.

Один — школьный учитель из Казани, другой — армянин из Петрозаводска.

Школьный учитель ехал на Ольхон в пятый раз — каждый год приезжает с палаткой, живёт дикарём, ловит рыбу, медитирует у костра, зарастает окладистой бородой.

Армянин ехал в первый раз. В столице Карелии у него прогорел бизнес. Он удрал от кредиторов и решил поступить нестандартно — просветлиться на Ольхоне, а там... а там будет видно, что дальше.

Школьный учитель был неплохим, в общем-то, мужичком, но с ярко выраженной учительской профдеформацией — привычкой доносить любую мысль как истину в последней инстанции.

Армянин был скольже, с двойным дном. Но хотя бы проповедовать не принимался.

Армянин попивал водочку и коньяк — за приезд, за отъезд, за просветление.

Учитель гордо блюл здоровье, нравственное и физическое. Трезвость как норма жизни.

Рассказывал что-то про гиперборейцев, про то, как наши предки до ста лет жили, на молоке да каше, ну и прочий анастасийский бред, в который, как любой экопоселенец, свято сам верил.

Они сошлись, волна и камень, лёд и пламень. Так, как сходятся непохожие люди.

Спорили о чем-то увлечённо.

Точнее — не спорили. Учитель доносил мысль, снисходитель-

но называл армянина Фомой неверующим.

Хотя тот ни разу ему не перечил, только лишь кивал, приговаривая с акцентом: — «Так, всё так. На молоке и каше, по сто лет жили, так...».

Учитель — голубоглазый, высокий, поджарый. Пышная шевелюра.

Армянин — с вершок, лысый череп. У него была привычка присесть, положив щеку на руку, и барабанить пальцами по блестящей лысине.

Армянин ходил в церковь. Делал это во многом напоказ.

Учитель всем своим видом показывал, что он великодушно прощает человечеству его маленькие слабости.

Армянин снимал комнатку в бурятском доме, рядом со мной.

Учитель жил в палатке, но приходил к нему в гости.

— К природе, Аркадий, к природе быть ближе надо! — убеждал он, — успеешь в четырёх стенах пожить, эх, Фома неверующий!

— Так, всё так! — кивал армянин, — природа — мать, ближе к ней надо быть.

После чего выпивал стопочку коньяка.

Учитель пил травяной чай. Глиняную кружку приносил свою.

Однажды армянин, больше предпочитавший слушать, вдруг начал рассказывать какую-то свою историю — про Армению, о своем деде. Вспомнил озеро Севан, глядя на воды Байкала — вдруг в нём впервые промелькнуло что-то настоящее, человеческое. Отрешённые глаза заблестели карим огнём.

Первый раз рассказывал он — путано как-то, непоследовательно, но с душой.

Учитель слушал молча, потом неодобрительно хмыкнул, допил чай, вскоре собрался и ушёл к себе в палатку.

Больше в гости не приходил.

Армянин всё так же попивал коньячок. Я слышал, как он вздыхает и цокает языком в соседней комнате.

Иногда гремела фляжка.

Учитель с армянином ещё много раз пересекались — ну, Хужир — центр притяжения, тем более жили мы у самой Шаманки, место ходовое. Природа природой, но консервы в сельпо никто не отменял.

Вежливо здоровались. Но учитель уже не проповедовал. Словно обиделся на что-то. Но вновь великодушно простил людям их маленькие слабости.

Армянин шёл в одну сторону холма, учитель в другую. Я смотрел им вслед.

«Так и не познакомились», — подумал.

Камо грядеши: 84, 37

ГЛАВА 15. МОСКВА. ГОРОД-ШАУРМА

Если меня попросят сходу, с пылу-жару, не думая, назвать какой-то такой один, однозначный символ Москвы, выражающий городскую душу, то мне даже задумываться не придется — это шаурма.

Москва — город-шаурма.

Шаурма — блюдо пришлое, но быстро ставшее своим; оно сумело привнести свою самобытность — разве это не свойственно многим тем, кто некогда впервые сошёл на московский перрон с благородной целью покорить столицу?

Шаурма готовится на ходу. Посмотрите за руками смуглого крутильщика — разве в этом нет московского шарма? Срезать мясо, взвесить его. Подложить капустки — разбавить мясо ботвой. Помидорку, огурчик. А потом завернуть это все в рулон.

Сверху капнуть кетчупа-майонеза — разве Москва не так же поступает? О-о, этот город вполне способен на то, чтобы с живого человека снять мясо, его самое ценное содержимое, и разбавить его капустой. А потом завернуть в рамки, как в прокрустово ложе. А эта капля сверху — как божественная маковка, как утешение в суете.

Ещё шаурма течёт жиром, стекает в рукав, завякивает пуховик.

Пожирающие шаурму чавкают, ругаются, машут жирными пальцами. Ищут салфетку вытереться. Сыто урчат и вновь чавкают.

Знаете, что во всем этом самое главное? Шаурма — это, чёрт побери, вкусно.

Ой, вот только не надо строить из себя английских королев и морщить носик.

Вкусно.

Камо грядеши: 5, 92

ГЛАВА 16. ОДНАЖДЫ В КРЫМУ. ТРИ ЛИТРА

Возможно, кем-то этот рассказ будет сочтён за пропаганду наркотиков и порочного образа жизни. Но я не ставлю такой цели.

Я вообще никаких целей не ставлю. Я просто хочу рассказать немного о событиях моей жизни жаркого лета 2005 года.

Я не призываю делать, как я. И вообще ни к чему не призываю.

Даже и не знаю, с чего начать...

Занесло меня сперва в Киев. Я был свежеразведён и в яме хронической, многолетней депрессии, из которой выходил меди-

каментозно, на достаточно жёстких антидепрессантах.

Тяжелая химия, йоу!

Действие антидепрессантов было странным — ломило тело. Всё время хотелось сильно сжимать зубы. Наверное, так ощущается ревматизм. В этом болезненном поёживании было даже что-то мазохистски-сладкое.

Эмоции приглушены. В этом и смысл — если не можешь отдохнуть от собственных чувств, то волшебная химия уберёт их. Будь овощем, расслабься, сынок, отвоевал своё.

Можно было бухать, но хмель приходил туго, словно через вату. Мы пили сладкую, липковатую вишнёвую настойку просто как компот.

Можно было курить траву — в атмосфере травяного Киева это ложилось кумарным фоном более гармонично.

Ещё варили дичку — время было жаркое, прямо в городском парке вызрела конопля.

Собрали урожай, купили молока. Залили зеленые кусты конопли. Варили, помешивая.

Жарко. Зной летний, небо побелело. На кухне варится конопля. В комнате я и мой добрый друг Максимилиано записываем новый альбом нашей группы в комнатных условиях (впоследствии альбом станет нашим самым любимым и безбашенным).

Периодически бросаем гитару и бежим на кухню, следим, чтобы молоко не убежало.

Молоко выкипает и становится сперва нежно зелёным, потом цвета камуфляжа, наконец, почти тёмно-серым.

Выпиваешь душную зелёную жижу.

Много пить нельзя — она коварная, действовать начинает не сразу, только через несколько часов. Причем если ошибся дозняком, выпил много, чтобы уж нагребло так нагребло, может нагрести так, что не очнёшься.

Какое-то дурное веселье — в стране есть странные люди,

которые следят, так сказать, за оборотом наркотиков, что-то там запрещают. А совершенно рядом можно пойти в городской парк, нарвать там легально конопли и показать любому наркоконтролю две навесные дули.

Одни делают вид, что работают и бдят, другие никакого вида не делают.

Помнится, заходим к Монаху, у него там под батареей пакеты с травой стоят.

Это в малахольной России траву кораблями потребляют. Увидят спичечный коробок, и с москальским экзальтированным акцентом — «Вау! Много травы!». А в Украине — бабах, трава пакетами, тяжёлыми, как кирпичи.

На заводе одному мужичку принесли чертёж — выточить на станке металлическую пробку для закладывания травы в бульбулятор. Мужик оказался прошаренным, смекнул что за штука — «э-э, шалуны!...». Подмигнул. Но пробку на фрезерном станке выточил и лишних вопросов не задал. Чем еще на оборудовании радиозавода заниматься. Не радио же выпускать.

Ну так вот — эту пробку в бутылку, травы туда как на полк солдат, зажигалка, конопляный дым с запахом горящей степи.

Пых! Трава злая, рвёт глотку. Выдыхаешь синеватый дым, подержав в груди, в форточку.

Трава берёт в свой кумарный плен.

«Монах, покурить есть?»

«Слепые шо ли, конечно есть!»

Потом заходит Влад, с тем же вопросом. Влад — капитан СБУ, отважный воин, берегущий страну от таких, как мы, и таких, как он сам.

Тоже забивает мокрый бульбулятор.

«Влад, а сколько ты дашь нам лет вот за этот пакет?» — спрашиваем мы его в процессе.

Влад выдыхает. — «Лет семь», — говорит. Тянется за добавкой.

Еще заходил Андрей.

Андрей работает санитаром на Скорой Помощи. Он сатанист. Очень вежливый. Любит загонять что-то декадентское.

В тот день принёс с работы какие-то колёса. Сказал, что забористые.

Я их скушал.

Не знаю, то ли это наложилось на мои антидепрессанты, то ли нет, но в ту ночь меня ломало.

Это ощущение, что хочется выскочить из тела. Любое положение вызывает боль и невероятную ломоту суставов.

Наверное, в аду так — непрерывная боль. Словно я рождаюсь из тела Лилит, и никак она не может мной разродиться. Словно мышцы её дьявольского влагилица выталкивают меня в какой-то другой мир, а я упираюсь.

Ощущение, что мир на меня осерчал. Отныне в мире нет для моего тела и души места.

Лёжа, стоя, сидя — нет спасения. Я проклят.

Я открыл окно. Свесился с подоконника. Подо мной четырнадцать этажей. Лестница с неба. Скоростной спуск.

Американские горки с билетом в один конец.

Я, с ломающимся телом и очень ясными мозгами, стоял у открытого окна и очень трезво раскладывал на чаши весов плюсы и минусы прыжка вниз.

Минусов было много. Плюс был один, но очень значимый — боль прекратится.

Я так и не принял решения. Заснул у открытого окна стоя, как лошадь на боевом посту.

Очнулся утром, когда над Харьковским массивом ползла розовая утренняя свежесть и звуки метлы были приглушёнными.

Я дошёл до пруда. Выкупался. Как зомби, пришел обратно.

Ломка продолжалась, но затихала.

Появились какие-то иные мысли, кроме суицидальных.

Это были единственные серьёзные мысли о суициде в моей жизни.

Я собирался ехать в Крым, на металлёрый фестиваль под Евпаторией — кто знает, тот знает, кто не знает — тот отдыхает.

Ехала также большая делегация киевских металлёрых упырей.

Туда я сумел взять билеты до Евпатории в один плацкартный вагон с ними.

Обратно билетов не было.

«Только СВ остался». Я спросил, почём он. Тётенька ответила. Я решил было, что ослышался, потому что в России за такие цены не то что СВ, а плацкартным из Москвы до Тулы не доедешь, как в Украине из Киева в Крым. Тётенька несколько раздражённо повторила сумму, которая мне (я тогда много зарабатывал) показалась анекдотично низкой. Купил обратно билет на поезд с остальными упырями, да только они плацкартой, а я королём в мягком.

Господи, храни Укрзалізницю!

А-ла-ла-ла-ла! Галдёж и ничего святого. Зондер-бригада волосатых металлёрых упырей припёрлась на вокзал.

Лёва потащил меня за компанию на базар, покупать колбасу. Как-то не представлял он себе поездку в поезде без колбасы.

Купил. Как пират сунул себе в зубы.

Лёва колоритный — мама армянка, папа еврей, сам шкет, метр с кепкой, но борода как у моджахеда. Говорливый, как и все армяне — ужас.

Зато за барабанной установкой он тоже гоняет вихри.

Завалились в вагон, зазвенели бутылки. С разных вагонов пошли стекаться ещё кореша.

На верхних полках оказались незнакомые хлопцы. «Хлопцы,

вы на фестиваль?» — спросили мы их. Те испуганно кивнули. «О-о-о, давай с нами!». Несколько смутило, что они какие-то странные — попсоватого вида, ну да ладно, каких только не бывает.

Только далеко потом мы сообразили, что они ехали на Казань-тип, а не к нам, оттого и попсовые. Мы их реально перестремали.

Народ бухал. На перроне Днепропетровска купили беляшей — странно было оказаться транзитом на перроне города, где я родился, но не был там лет пятнадцать.

Я разговорился с Гошей. Гоша — с моджахедской, как и у Лёвы, бородой. Олдовый хер, фишку рубит.

Был он по нулям — отправил деньги сам себе почтовым переводом на Евпаторийский почтамт, на «до востребования», так как знал, что если повезёт их с собой, то пропьёт. Я его угощал.

Гоша обратил моё внимание на то, что первые буквы названий альбомов Morbid Angel в хронологическом порядке идут точно по буквам алфавита. Я начал вспоминать — Altar of Madness, Blessed are the Sick, Covenant... — чёрт, и правда по алфавиту! Почему-то меня тогда это впечатлило и поразило.

Приехали. Вышли на перрон. Попсовые соседи с верхних полок быстро от нас слиняли, от греха подальше.

У нас на компанию была одолженная альпинистами палатка. Она была ужасна. Невероятно тяжёлая и неудобная.

Часть народа поехала её ставить — возни с ней много.

Я составил компанию Гоше добрести до почтамта, получить его собственный денежный перевод.

Евпатория. Игрушечные трамваи. Вытоптанные кусты в окурках.

Бесформенные бабы, надувные круги, тенистые аллеи.

Купили бутылку ликёра. Присели, выпили. Купили ещё. Потом ещё, кажется.

Я добрёл до моря. Сел на дощатый пирс, свесил ноги.

Под лодками плескалась морская вода. Я чувствовал себя невероятно одиноким.

Рядом молчал Гоша — обаятельный, но совершенно непутёвый человек.

Приехали на «Солнышко». Тоже, блин, охерительное название для места, где проходит металлёрый фестиваль.

Это коса между морем и лиманом Сасык. Удивительное место. Я его очень люблю.

В одну сторону бурные волны, в другую с йодистой вонью камыши, бордовая илистая вода.

Там ко мне подбежала Жукова. Озорная такая, прикольная. Та искренняя радость, с которой она заприметила меня, как-то впервые за долгое время растопила чуть-чуть мне сердце.

Тут же балагур Михайлов. Я ему предложил очередную бутылку ликёра, что держал в руке. В меня она уже не лезла, в Михайлова на жаре не полезла тоже, мы решили её зарыть, чтобы потом раскопать, представляя себя пиратами.

Зарыли.

Так она там и лежит до сих дней. Уж больно надёжно мы её зарыли, так, что забыли место. Так что будете под Евпаторией и захочется вам выпить — поищите клад.

Я сердцем бывшего алкоголика прямо чувствую, как она там сейчас остывает в ночной прохладе, а днём раскаляется в немилосердном крымском солнце.

Нашел своих. Те поставили палатку. Экое страхолюдище!

Она альпинистская, для каменистых мест, холодных, но уж никак не для крымского пляжа.

В разные стороны идут колья, на них бечёвки — все пьяные обрыганы, что идут до моря, об них спотыкаются, сплющивают очередную стенку, валясь, как тюки с мукой.

Лёва выскакивает из палатки и зычно ругается.

В палатке адский жар. Жить там можно только ночью.

Места вроде и много, но распланировано дебильно.

Посреди палатки стоит шест, который очень легко задеть, его роль выполняет грубоватое полено.

Спим вповалку.

К нам прибился Гоша. Уже успел уйти в алкогольный штопор, и, забегая вперёд, так из него и не вышел.

Места для него не было, но алкоголь, как известно, заменяет и палатку, и еду, и кровать. Он попросился разместиться в предбаннике нашей палатки, где голый песок и мы обувь оставляем, а мы, скептически решив, что он всё равно не сможет этого сделать, и согласились сдур.

Дыдых! Радостный Гоша в трусах рухнул мордой в песок и чьи-то сандалии и захрапел.

Все эти дни, выходя из палатки, мы стабильно спотыкались о спящего пьяного Гошу.

Он не обижался. Порой и не просыпался.

Вы знакомы с крымским бытом? Со всеми этими газенвагенами, которые маскируются под туалеты, атмосферой наидурнейшего веселья, с ароматом креплёного вина. С водорослями в волосах. Со спонтанным сексом на спасательной вышке с мало-знакомой хиппушкой, с дредами и подростковой нулевой грудью «доска — два соска». Знакомы? Тогда я не буду углубляться.

Наступил последний день фестиваля.

Лёва потерял паспорт и обратный билет. Народ умудрялся вписываться в палатке и днём, в адскую жару.

Мы всё так же стабильно спотыкались в предбаннике палатки о спящего в песке Гошу. Гоша всё так же не обижался и приветливо кивал.

Все отдыхали. Лишь мы с Максимилиано, как самые приличные, зверски устали от такого отдыха.

Встретили Диму Коня.

Встретишь Коня — накуришься. Народная примета. У Димы всегда с собой есть.

У него тайник в кедах.

Он вынул тайник и как-то сразу уменьшился в росте.

К вечеру наметилось грозное предупреждение. Усиливающийся ветер срывал плохо закреплённые тенты.

Палатка у нас держалась на соплях.

Мы с Максимилиано полезли внутрь (споткнулись о Гошу), застали там Лёву и ещё кого-то, пытающихся раскурить сухой.

Мы им пытались объяснить, что очень скоро палатку смоем к едрене фене, но на такие мелочи всем было насрать.

В тот момент, когда Лёва так торжественно пыхнул, ударил такой ливень, что пол палатки пошёл заливаться водой в считанные секунды.

Мы с Максимилиано сумели-таки вытащить свои вещи, перебираясь через Гошу. Лёва смотрел на окружающий мир как на предателя. Поддерживающее палатку полотно при очередном ударе стихии треснуло его по лбу.

— Чё делать? — вслух рассуждал Максимилиано.

— Да пошло оно все к чёрту! Пойдём концерт смотреть, — рассердился я.

Мы пошли. Концерт оказался отличным.

В темноте искать палатку смысла не было. Мы пошли на станцию.

Станция сюрреальная — будка, а кругом ровная священная крымская земля. Поодаль шумит море, в другую сторону — железная дорога и камыши лимана.

У будки восьмиугольные окна. В них видно чёрное южное небо, которое раздрают грозные сполохи.

На станции тут и там лежали тела. Почти не разговаривали.

Нашли выброшенный кем-то бульбюлятор. Оставалось

от Диминой заначки.

Раскурили. Кумар повёл куда-то сознание, в сладкий мерцающий сон.

У меня с собой была тряпичная циновка. Легли на неё с Максимильяно оба, как два бойца-товарища.

Впрочем, мы и есть два бойца-товарища — с первого класса школы дружим, шутка ли.

Мы смотрели в восьмиугольные окна на грозу.

Было что-то в этом феерически прекрасное, что-то очень глубинное, тонкое, хтоническое. Просто два никому не нужных одиночества, коротающие ночь на земле равнодушного мира на одной циновке, как под одной шинелью.

Один на один с отблесками ночной грозы.

Сладкий сон после надрывного отдыха пришел незаметно.

Рассвело. В море купались голые Барни Гринуэй и Шейн Эмбери из Napalm Death, кумиры детства.

Странное ощущение: те самые люди, с фотографии на обложке кассеты, в лица которых вглядывался — и они казались небожителями из далёкого мира — и вот они, голые, купаются в утреннем крымском море, на «Солнышке».

Палатка лежала мокрой кучей. Поверх палатки, раскинув длани, охраняя собой имущество, храпел Гоша.

Билеты на поезд из Евпатории были лишь на следующий день, на вечер.

Ставить палатку снова не было ни малейшего желания.

Мы были очень уставшими, изнасилованными всеми этими дурными днями. Очень хотелось выспаться.

Я предложил собрать палатку, доехать до Евпатории, оставить её там в камере хранения, чтобы забрать перед выездом, а потом... да будет видно, что потом.

Разбудили Гошу. Он был горд тем, что охранял палатку. Казалось, что будь у него собачий хвост — он им сейчас завилает.

В камере хранения нужно придумать код — одна буква и три цифры.

Знаете, к аудиокассетам прилагались такие наклейки — с буквами, с цифрами.

Букв там всего две возможных, А и В — для обозначения стоек. Цифр все десять.

Как-то ныне покойный Бурзумий собрал из них единственное, что придумал возможным — надпись BOBA 666, где нуль выполнял роль О.

Я не придумал ничего лучше, чем забить это же паролем — поставил В 666 и захлопнул за палаткой крышку.

На вокзале Евпатории предлагают комнаты внаём. Но никто не хочет сдавать на одну ночь.

Мы с Максимилиано психанули, увидели маршрутку в Симферополь. Приехали туда. Там нам не понравилось.

— Поехали в Севастополь?

— Да поехали.

Приехали. Гуляли по Севастополю.

Ну до чего же прекрасный город!

Купили в Макдональдсе гамбургеров, зашли на холм, присели их съесть.

В этот момент где-то ударило щемящее душу пение муэдзина.

Попыток снять на одну ночь жильё не предпринимали.

Пока гуляли, присмотрели место, где решили заночевать — склон над автомобильной дорогой.

Внизу бухта. Вид прекрасный до свинского пьяного сентиментального рыдания.

Пусть не самое удобное ложе всё на той же циновке, но в сто раз лучше, чем в палатке, уткнувшись в чьи-то носки.

Забрались. Вечерело. По бухте зажглась гирлянда огней. Воз-

дух стал вкусно синим. Заснули, как младенцы. Два кореша.

Максимильяно только с утра рассказал — просыпаюсь, говорит, от того, что рядом кто-то ходит. Оглянулся — никого. Ночь, внизу бухта, стихли звуки, изредка чайка крикнет.

Лёг снова — что такое, опять шорох, словно крадётся кто.

Осматривается кругом — ну только разве что если ниндзя прячется, а так никого не видно.

Плюнул Макс, повернулся на другой бок, и... и нос к носу столкнулся с ёжиком. Глаза в глаза. Охреневшие друг на друга смотрят.

Ёжик всё таки первый признал в двуногом царя природы и ретировался.

Много позже, когда я вновь попал в Севастополь, я из любопытства разыскал то место, где мы дрыхли. Мама дорогая! Вот же нас тарашило! Понятия не имею, как можно было спать на таком отвесном склоне, а плюс к тому — прямо над нами было главное, суперохраняемое управление черноморским флотом, которое мы тогда тупо не заметили. Это примерно как не заметить слона.

Проснулись, поехали снова в Евпаторию. Надо было дожждаться вечера, а там уж упасть на полку поезда, и пошло оно все лесом. Холодным, норвежским.

Вновь страшно хотелось спать. Бродили по Евпатории, убивали время.

Играли во все дурные автоматы, стреляли во всех тирах, выпили галлон колы, которую разбавляли растворимым кофе.

Садись на лавочки и начинали клевать носом.

Забрели в местный зоопарк — он маленький, клетки крошечные, и звери в них давно сошли с ума. В прямом смысле — они бегают или прыгают непрерывно по одному маршруту. Могут так час, могут два. Жутковатое зрелище.

Тут подошел к нам хлопец — подросток ещё, скорее всего, лет 16—17. Заговорил, представился Колей. Станный такой —

пугливые глаза, сильно скошенные косоглазием, оттого прямо не смотрит, словно в страхе вечно уводит взгляд.

Местный. Работает в зоопарке, кормит зверей.

Оно и видно — такой же потерянный, как и они.

Расспросил нас про фестиваль, какие-то вопросы невпопад. Как будто интервью берёт.

Спросил о том, о сём.

Нам не слишком весело с ним болтать, но всё равно время убиваем.

И вдруг он в болевую точку неожиданно спрашивает: «А вы поспать хотите?». А мы как в один голос подпрыгнули: «Да!».

Он говорит: «Сейчас работу скоро заканчиваю, можно пойти ко мне, поспите до вечера».

Попёрлись за ним. В пути всё те же расспросы невпопад.

Пришли к нему домой, а он сконфуженный — «Брат дома, не получится. Но у нас тут гараж есть для сборищ, там поспать можно».

Пошли туда. Какой-то старый двор. Во дворе куча подростков — увидели его, Колю, налетели как воронята.

Смешные такие — есть время у подростков, когда их ещё не загасили. Когда они ещё свежие, ясные. Парни, которые могут уже играть во взрослую жизнь, теревить первые ранние усы, но всё ещё мальчишеская доброта в них светится. И девчата — могут курить, пить, а всё равно — ты её понюхаешь, а она, как котёнок, шерстью и молоком пахнет. Удивительное время. Оно недолгое.

Коля гордо представил нас как своих друзей. На нас смотрят с восторгом, как на Робинзонов. «Друзья Коли — наши друзья». А я, меня вечная ломка от антидепрессантов жмёт, я к ней уж привык, чувствую себя рядом с ними циничным стариком-людоедом, который, как паук, хочет просто схватить вот такую девочку-подростка, высосать её, а потом отшвырнуть в сторону, как скорлупку, её опустевшее тельце.

Тут вдруг появилась какая-то баба и давай орать: «Шо вы опять каких-то привели! Развели тут проходной двор! А ну гоните этих волосатых взащей!».

Мы с Максимильяно поняли, что поспать нам упорно обламывается.

Вышли на улицу, Коля чуть задержался во дворе. Объясняться с ним не хотелось.

Мы с Максом тупо глянули друг на друга: «Бежим?» — «Бежим!».

И убежали. Коля что-то вслед нам кричал, звал. Мы уже не слышали.

...Сели в каком-то маленьком уличном кафе, где-то в витых улочках, чуть в стороне от туристических троп.

Хотелось накуриться. Да было нечем.

Хотелось достать местной крымской травы, уж очень её хвалили, да тоже неясно где.

Взяли вина. Потом ещё.

Разговорились на философские темы.

Вдруг в разговор включился дядька с соседнего столика. Я, не помню уж по какому поводу, вспомнил Воланда — «трагедия не в том, что человек смертен, а в том, что он внезапно смертен». Дядька пришел в восторг. Словно этой мыслью я воедино замкнул ему цепь всех мыслей мира.

Пересел к нам. Представился Владимиром. На вид лет 30—35.

Местный. Угостил вином. На фоне чудаковатого, юродивого Коли казался просто верхом юмора и адекватности.

Приятно болтали. Захмелели. Пригласил к себе домой — живёт недалеко.

Я ничего не знал об этих кварталах Евпатории. И, наверное, если бы не Вова — и не узнал бы.

Они вроде бы совсем недалеко от линии туристических троп,

но случайно в них не зайдёшь.

Словно фавелы — труха, нависшие козырьки. И совсем некурортные люди.

Живёт Вова на первом этаже двухэтажного барака. Пол — вровень с землёй.

Винцо подействовало, развезло. Попёрла какая-то агрессия — и у нас, и у Вовы.

Как-то внезапно выяснилось, что Вова недавно откинулся — сидел 9 лет за убийство.

В общей атмосфере недосыпа и абсурда это было как-то логично. Вписывалось в моё ощущение собственной пропащести.

Внезапно мы спросили — «Вов, а трава у тебя местная есть?».

А у него пацанская гордость — «Нет, но у меня тут все кореша, сейчас достанем».

Пошли во двор. Там выдавший виды Запорожец. Рядом сидят на лавочке люди, играют в карты.

Один из них, не помню как зовут, хозяин машины — страшный. Лицо молодое, а тело после героинового стажа — ноги колесом, оплыли, дряблкое, словно вывернутое наизнанку тело.

Вова с ним тёрки — так и так, это Саша и Макс, мои кореша, трава нам нужна.

Чувак ему — «Вова, травы нет, есть только ширево — этого пожалуйста, это хоть сейчас. А за травой — это к цыганам ехать надо».

Вова уже распалился — «Ну поехали!».

Чувак ему — «Бензина нет. Дай денег на три литра».

Вова дал. Чувак сходил куда-то, у кого-то в этих фавелах купил трёхлитровую банку с бензином.

Подошёл к машине, открыл задний моторный отсек, а там чудо инженерной мысли — вместо бака трёхлитровая банка! Просто стеклянная банка, в неё идут резиновые трубки.

Мы с Максом выпали в фееричный восторг.

Мы были очень пьяны. Меня в какой-то момент вырубило.

Картину событий я восстанавливал фрагментами — цыгане хотели нас кинуть, чувак предпочёл оттуда уехать, Вова на него орал и наезжал, лез в бычу, что он кинул его корешей (нас то есть), а мы в дупель пьяны.

Потом до меня вдруг дошло — время к вечеру, а у нас скоро поезд. А мы даже не знаем, где находимся.

Убежать от Вовы было трудно. Это не малахольный Коля.

Как-то мы сумели-таки объяснить ему ситуацию. А может, спасло то, что его тоже как-то вырубило. Кажется, он нам сперва показывал разные упражнения из ушу, а потом сидел в кресле, поджав ноги, и о чём-то очень горько плакал, совершенно по-детски всхлипывая и причитая.

Мы с Максом второй раз за день тупо убежали.

У Вовы я забыл свою цинковку и последнюю пачку таблеток-

антидепрессантов.

Так я и завершил свой курс лечения.

Штормило спяну невероятно. Солнце ещё распекло хмель.

Сквозь туман лишь помню, что поймали машину — раздолбаный 412-й «Москвич», доехали за мелкую гривну до вокзала.

Чудо — но я вспомнил про палатку, и даже про ВОБУ 666.

После недавней встречи ВОБА 666 прозвучало особенно многозначительно.

Впихнул Максимилиано в его вагон. А сам нашел свой. СВ.

Это было что-то невероятное. Я вошёл в спальный вагон, растянулся на полке, оставил билет на столике, чтобы меня не будили, и отрубился за все пережитые в последние дни ужасы.

Проснулся за пять минут до Киева.

Прошло больше десяти лет.

Я не употребляю наркотиков и алкоголя.

С той поездки осталась плёнка, отщёлканная Максом. Фотография с трёхлитровой банкой-бензобаком, единственная из всех, была отсканирована.

А потом все распечатанные фотографии и плёнка были таинственно утеряны.

Эта фотография с тремя литрами бензина — единственное, что из наглядного осталось в подтверждение того, что лето 2005 года всё-таки было и мне не приснилось.

Камо грядеши: 34, 28

ГЛАВА 17. РАДИО ВНУТРЕННЯЯ ВЕНГРИЯ. ТАНЦУЯ С ДЕМОНОМ

Есть еще одна тема, наравне с темой Бога, о которой невозможно говорить из-за разности терминологий. Это тема демонов.

Здесь не получится что-то доказать или что-то опровергнуть. Приходится опираться только на собственные ощущения — зыб-

кие, прибитые разумом, иррациональные и паранормальные. Но когда идёт речь об ощущении себя, ощущении истинной свободы, собственной жизни — всё равно нет лучшего советчика.

С самого раннего детства я видел и слышал. Их. Демонов. Они всегда были вокруг меня.

Возможно, маленькие дети (и кошки) их видят и слышат, это только потом их учат быть «нормальными» (детей, с кошками-то все в порядке) и перерезают канал. Помните Джанни Родари, «Карлино, Карло, Карлино» — о том, как родился ребёнок, видящий слишком многое, и все его тут же кинулись делать тупым, то есть, простите, нормальным? Вот, это оно.

Или помните «Специалиста» Роберта Шекли? О том, что у каждой расы во Вселенной есть своё предназначение, и люди с Земли призваны быть Ускорителями, но совершенно забыли об этом, разучились и занимаются столетия совершенно неважными, не своими делами, убедив себя в их важности. И несчастны, как несчастен любой, занимающийся не своим делом, вдалеке от своего истинного предназначения.

Я не знаю кто они, демоны, и какова их природа. Я только убеждён в том, что они есть.

Ну, тут сложно не быть убеждённым, когда ежесекундно ощущаешь их присутствие, иногда более явственно, чем присутствие иных людей.

Но с демоном можно быть в контакте только по взаимности. Мало быть заинтересованным в демоне — сам демон должен быть заинтересован, выходить на контакт, подавать знаки.

И горе тому, кто просто отвергнет его, посчитав это уместным способом упростить ситуацию — демон, как отвергнутая женщина, никогда не простит, никогда не забудет, обязательно отомстит, как только представится случай. А случай представится — ждать демон может долго, у него времени, в отличие от нас, много.

И горе тому, кто не совладает со своим демоном, станет его невольником, одержимым.

А не совладать с демоном можно лишь в случае, когда не совладал с собой, и себя не знаешь.

Человек — по сути лишь ретранслятор. Всё то, что приписано человеческому гению — это, на самом деле, всего лишь нечто, перемещённое из другого мира, оттуда сюда. Оно там уже есть. Да-да, стихи Пушкина, которые он писал во сне, таблица Менделеева, которая во сне разложилась наглядно сама, «Дьявольские трели» Тартини, нашёптанные ему понятно кем.

Демон подключает человека к тому миру, к той волне.

Волна играет непрерывно, она неисчерпаема. Из неё можно выхватывать бесконечно. И возможность черпать ограничена лишь одним — возможностями ретранслятора. То есть человека, подключённого к волне.

В этом индивидуальность человеческого творчества — многие могут подключаться к той волне, к воплощенному Хаосу, пространству вариантов, где есть всё, но каждый вынесет оттуда «посылку» только сообразно своим возможностям.

Творчество — пространство одержимых. Недаром ещё древние греки любого музыканта, поэта, актёра считали пифоном — исполнителем воли демона. Вдохновение — оно всегда демоническое, всегда выходит за грань просто человеческого.

Зачем демонам нужны люди? Я не знаю.

Скорее всего, как проводники. И как пища.

Демон бесплотен, в понимании физического мира, у него есть энергия, но нет формы. У человека есть то, чего нет у демона — тело.

Как в «Экзорцисте» — что первым делом начинает делать демон, проникнув в тело? Ага, скручивать его в узлы. Это как разминание затёкших конечностей — демон любит своей обновкой, пробует её так, как мы пробуем новокупленный спортивный тренажёр.

У демонов в определённом смысле нет тормозов. Они родом из пространства, где нет ограничителей. Оттого они себя сами не умеют дозировать. И если демон входит в контакт с человеком, который себя также не умеет направлять и дозировать — человеку, как физическому телу, грозит близкий крах.

Демон просто не может ощутить грани разрушения — у него нет нервных рецепторов. И он не может понять категорий смерти и физического износа — он их не знает, по своей бессмертной энергетической природе.

Вы видели, как алкоголики убивают себя выпивкой, блюя кровью, но продолжая заливать очередную рюмку? Как бесстрашно и почти горделиво уничтожают себя наркоманы? Или то, что так упоительно расписал Набоков в «Лолите», эту дьявольскую тягу к телу, похоть, несущую безвольного человека, как теннисный мячик в горном ручье.

Иногда люди нужны демону просто как еда — он даёт много энергий, но если несчастный не сумеет с ними совладать — будет быстро сожран. Вы же знаете наверняка, как быстро сгорают яркие личности, озаряя мир пожарными сполохами, и как быстро остывают их угли.

И здесь неприменимы категории добра и зла.

Мы живем бок о бок с этой необъяснимой силой, но часто врём себе, что её нет, раз она не поддаётся нашим жалким объяснениям.

В то время как мир — одна большая декорация. И иногда в декорациях дыра, а из неё свистит ветер. Оттуда, из пугающего и неизъяснимо завораживающего чёрного космоса.

На земле я встречал страну, где эта грань наиболее тонкая, а иногда и вовсе декорации разваливаются на части, рассыпаются, как гнилой сарай, подточенный дождями. Это Венгрия, страна инопланетных пришельцев, которые потерпели крушение на нашей брэнной планетке, и, чтобы выжить, закосили под

людей. И им это почти удалось. Почти.

С момента моего первого попадания в Венгрию и безнадёжной влюбленности на всю жизнь я взял себе на вооружение собственный термин — «радио Внутренняя Венгрия», как символ некой демонской, инопланетной, непрерывно играющей радиоволны, к которой я умею подключаться.

Иногда демоны используют меня просто как ретранслятор — они подключаются ко мне, я слышу послание, как текст по радио, и просто его записываю.

Я не знаю, в какой момент это произойдёт. А также, чаще всего, я не знаю, о чём я пишу. Это просто наваждение, сеанс связи, а я как радист на полярной станции — сообщение отправил, сообщение принял. Тчк. Конец связи.

Возьму на себя смелость и безответственность огульно заявить — всё самое великое в мире творится схожим образом.

Я не всегда могу объяснить, что именно я переносу из Внутренней Венгрии, и вряд ли имеет смысл меня об этом спрашивать. Я со времен начальной школы люто ненавижу объяснения «что хотел сказать автор этим произведением» — да сам автор, вполне вероятно, не имеет объяснения того, что он сказал, и писал это, возможно, не совсем он.

Это вообще, если быть на это заточенным, легко распознётся — где текст, или музыка, или актёрская игра творится под демоном, а где нет. Где истинный контакт с Внутренней Венгрией, а где фиглярство и кривлянье.

Есть люди, интересные демону, есть те, которые нет.

И я умозрительно, быть может, очень и хотел бы связать свою жизнь с бесхитростными, демонообделёнными. Но не могу. Мне с ними не интересно. Всё, что есть внутри меня, вся резонансная волна не знает покоя. Выталкивает меня из любого искусственного, лицемерного, тянет, гудит, ведёт куда-то в мистику, неведо-

мое, абсурдное, дерзкое, нелогичное, иррациональное.

Эксперимент длиной в жизнь.

Поэтому если мы с вами нашли друг друга — знайте, вы тоже под демоном. И вы можете отрицать его существование, но я-то его вижу.

Я не знаю, что именно я транслирую и для кого. Но мне в определённом смысле и всё равно.

Здесь важно помнить себя, знать своё собственное имя, то самое, которое не знает никто. Балансировать, танцевать с демоном, находясь одновременно везде, слева и справа, вверху и внизу. Ловкость и изящество, танец, не терпящий небрежности — небрежность в танцах с демонами убивает.

Гул радиоволны, дающей ощущения сопричастности ко всей Вселенной. Свобода, безумие, счастье и хаос, хаос, хаос.

Камо грядеши: 55, 43

ГЛАВА 18. НЕЗНАЙКА. ОТ ЗЕМЛИ ДО ЛУНЫ

В детстве я был маленьким, толстым и в очках. Рано научился читать, и трилогия Носова про Незнайку быстро стала одной из самого любимого для чтения, какой остаётся и по сей день.

За моё книгочитательство елейно-мироточашие взрослые называли меня умненьким и «Знайкой», а я ненавидел оба эти определения — я не хотел быть умным, я хотел быть сильным, раздавать пиздюлей всем кому пожелаю и хотел нравиться девочкам. А умненьким быть мне совершенно не хотелось. Как не хочется и сейчас.

Желания мои не изменились с тех пор, разве что наконец реализовались.

Знайка — это вообще самый отвратительный персонаж из книг Носова — потому что наполнен гордыней, мерзкий,

жеманный, и судя по всему, ещё проблемы у него с эрекцией.

Не, ну сами посудите — выступал Знайка с докладом, рассказывал свою теорию (подчеркну — теорию, то есть просто предположение, один взгляд на неизвестное, не претендующий на мгновенную истину). Вскоре вышла статья профессора Звёздочкина, где Знайка был чествован как светило науки, а его доклад чуть дополнен и добавлен ещё одними теоретическими выкладками.

Реакцию Знайки стоит воспроизвести для наглядности в оригинале:

«По мере того, как Знайка читал статью профессора Звёздочкина, его охватывало какое-то острое чувство стыда, смешанное с огорчением.

— Как же я не учел такой простой вещи? — недоумевал Знайка и готов был рвать на себе волосы от досады. — Ах я осёл! Ах я лошадь! Ах я орангутанг! Надо же было так опозориться! Как было не сообразить такой чепухи! Это позор!

Прочитав статью до конца, Знайка принялся ходить из угла в угол по комнате и поминутно тряс головой, словно хотел вытрясти из неё неприятные мысли.

— «Досужие вымыслы!»! — с досадой бормотал он, вспоминая статью профессора Звёздочкина. — Попробуй докажи теперь, что тут никаких вымыслов нет. Ах, позор! — Устав от беготни по комнате, Знайка кричал от огорчения, садился с размаху на стул и ошалело смотрел в одну точку, потом вскакивал, как ужаленный, и принимался метаться по комнате снова.

— Нет, я докажу, что это не досужие вымыслы! — кричал он. — Я докажу! — закричал он. Тут взгляд его упал на карикатуру в газете, где был изображен он сам в центре Луны с таким идиотским выражением на лице, что невозможно было спокойно смотреть.

— Ну вот! — проворчал он. — Попробуй-ка докажи, когда здесь вот такая рожа!

В этот же день Знайка уехал из Солнечного города. Всю доро-

гу он твердил про себя:

— Никогда больше не буду заниматься наукой. Даже если меня станут на куски резать. Ни-ни! И думать нечего! Надо быть твёрдым! Раз я решил не заниматься наукой, значит, должен исполнить. Пусть кто-нибудь другой летит на Луну, пусть кто-нибудь другой найдёт на Луне коротышек, и тогда все скажут: «Знайка был прав. Он очень умный коротышка и предвидел то, чего никто до него не предвидел. А мы были неправы! Мы не верили ему. Мы смеялись над ним. Писали про него всяческие издевательские статейки, рисовали карикатуры». И тогда всем станет стыдно. И профессору Звёздочкину станет стыдно. И тогда все придут ко мне и скажут: «Прости нас, миленький Знаечка! Мы были неправы». А я скажу: «Ничего, братцы, я не сержусь. Я вас прощаю. Хотя мне было очень обидно, когда все надо мной смеялись, но я не злопамятный. Я хороший! Ведь что для Знайки важнее всего? Для Знайки важнее всего правда. А если правда восторжествовала, то всё, значит, в порядке, и никто ни на кого не должен сердиться».

Каково? Мудила, правда? Ждёт, сука, что к нему на коленях приползут, а сам строит из себя целку на морозе. Сука! Тварь! Мне в детстве хотелось ему ебло разгандошить и очки в жопу засунуть.

Да и сейчас хочется.

Трилогия про Незнайку вообще на меня очень здорово повлияла. Особенно «Незнайка на Луне» — я не знаю более подробного описания российских девяностых, написанного к тому же задолго до наступления оных.

Я сам занимался организацией финансовых пирамид, и если у меня и были учителя, то это Мига и Жулио.

Мига — вообще мой любимый персонаж.

Он легко принимает все подарки судьбы. Расторопный, не лезет за словом в карман, умеет пиарить, ловкий, и у него есть

то, что приводит в ужас Знайку — лёгкость в признании собственных ошибок и умение брать их в свой опыт.

Не получилось так? Учтём этот опыт, сделаем по-другому. Не получилось и так? Попробуем эдак. О! Получилось!

Истинный Гермес. Мне такие нравятся.

Меня очень греет, что в книге у него нет определённой известной судьбы — он получил свой куш и просто растворился. Не попал в тюрьму, не стал жертвой разборок. Хватило мудрости вовремя соскочить. Куда-то пропал. Сидит сейчас, наверное, где-то на берегу океана, в Лос-Свиносе или Фантомасе, затерявшись, пьёт коктейли.

Но то на Луне. А моральная обстановка в коротышечьем мире на Земле вообще странная, это даже не коммунизм, это какой-то коммундебилизм, в котором нет людей, нет личностей, только функции.

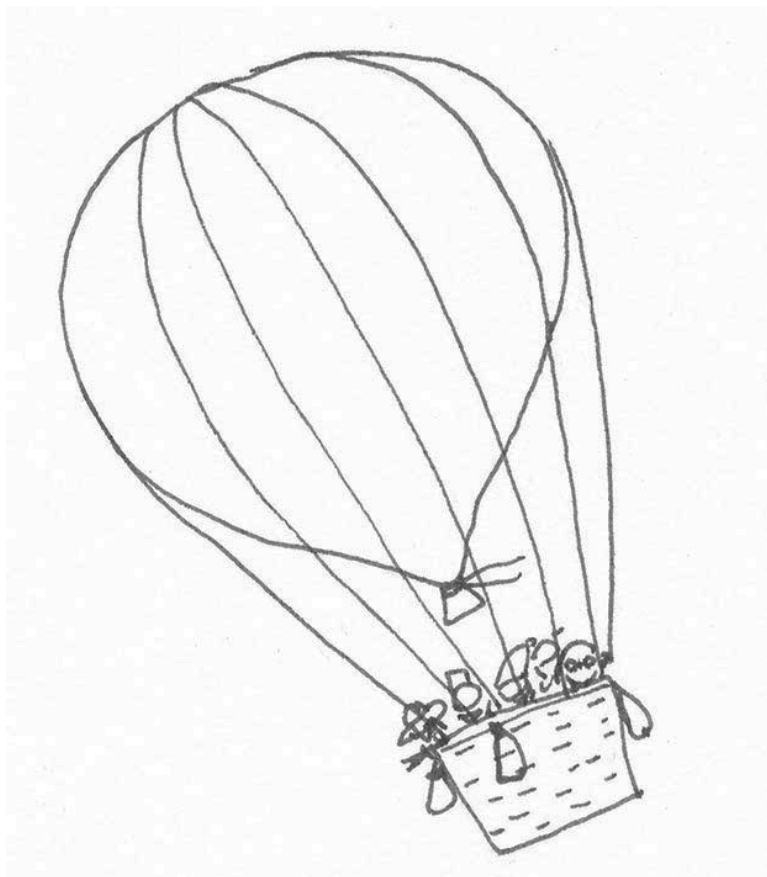
Замечали — у всех только одно занятие — если ты художник, значит художник, если поэт — значит поэт. Быть поэтом и починить пылесос — нельзя. Пылесос починят только Винтик с Шпунтиком, причем стишки, в свою очередь, им писать заказано. Для этого Цветик есть.

Я поэт, меня звать Цветик, от меня вам всем приветик.

Вся история с воздушным шаром ошарашивает показательностью абсурда действующего строя — некто просто поставил коммуны перед фактом — делаем шар и летим куда-то к чёрту в задницу.

В коммуне куча совершенно бесполезных персонажей, которые не выказывают ни желания за, ни желания против, но их почему-то вечно куда-то тянут — то в воздушный шар, то на Луну — только на основании того, что они соседи по дому.

Может они нахер не хотят куда-то, и видали эти общественные инициативы в гробу в белых тапках? Об этом никому в голову не приходит их спросить.

Ещё, как в коммуне — все отвечают за всех, но по факту никто не отвечает ни за что.

Знайка — формально как бы лидер, но неформально, как показала история с воздушным шаром — он ни о ком не позаботился, ответственность не распределил, поддержкой не заручился.

Что произошло на воздушном шаре? Формальный лидер Знайка просто взял и первым сиганул с парашютом, пробурчав

команде невнятные напутствия.

Капитан покидает судно последним? Не, не слышали.

По сути, как это ни странно, но полноценное лидерство на себя взял только Незнайка — выдвинул себя в главные, заручился поддержкой, лично у каждого получив согласие, проявив при этом силу и дипломатию.

По сути, из всей коммуны только Незнайка оказывается совершенно живым, в котором открыто исследовательское начало. За что его и заклеили дурачком. Презрительно так, навсегда, без права на реабилитацию.

Незнайка интересуется миром во всем его многообразии. Он романтик, его влечёт неведомое, в противовес этому их скучному, лагерному быту, в котором всё по правилам, трёхразовое питание, режим которого ни на минуту нарушать нельзя, и не менее строгий режим сна, за соблюдением которого, полностью узурпировав власть, следит садист Пилюлькин.

В Незнайку верила только Синеглазка. Этим она и зацепила его сердце.

Когда Незнайка умирал и летел обратно на Землю — помните, о чём он сокрушался? О том, что обещал написать ей письмо, да так и не написал.

Перед смертью, когда слетает шелуха, вспоминаются самые дорогие люди и самое важное.

Кстати, сама его болезнь во многом показательна — он оказался столь душевно и чувственно сложен, что единственный заболел душой, а не просто телом, как его одноклеточные собратья.

Когда он в первой части трилогии напридумал побасёнок — в них же поверили, а все эти его гнилые кореша ему поддакивали. Поддакивали ему, потом поддакивали Знайке — они вообще коллаборационисты, сторонники партии власти, флюгера, ника-

кого своего мнения, куда ветер — туда дым.

Когда все Незнайку легко кинули, так же легко, как и некогда поддержали — именно Синеглазка Незнайке сказала, возможно, самые человеческие в его жизни слова — «Мне не нравится то, что ты сделал. Но мне кажется, что это ты не со зла. Тебе просто хотелось казаться чуть лучше». Она единственная, кто дала оценку поступку а не личности, чётко разграничила — не ты врун и подлец, а поступок твой лживый, но сам-то ты неплохой-то в общем чувак и мне нравишься даже вот такой, какой есть.

И потом именно она пошла поперёк толпы, осадила всех этих падальщиков, которые его клеймили вруном — «А сами-то вы кто?». Сами-то — трусливо ему поддакивали, соучастники лжи и подельники лжи. Ничем вы его не лучше. И ещё трусливей.

Самый чувственный женский образ в книге, самый манящий. Синеглазка очень по-женски мудрая, при этом очаровательно по-бабы жалостливая.

Хоть я и старый рок-н-ролльщик, и не знаю слов мимими, но я всегда был в её образ влюблен, с особой нежностью.

Кнопочка? О! Ну а Кнопочка — это совсем противоположный образ. Кнопочка — это классическая непризнанная стерва. Классическая такая баба с мужскими яйцами. Слоновыми и волосатыми.

Она с одной, показной стороны, вся такая романтическая, волшебная и в сказки верит, а на деле — контролёр и хлебом не корми, дай поуказывать всем вокруг, особенно мужикам, как им жить, всячески подчёркивая, что вы, непутёвые, без меня-то и вовсе пропадёте.

Странно, про неё не замечают, что она тупая и жестокая. И везде вперёд себя хочет выпятить свои яйца. Ни в коем случае не показать себя по-женски слабой — всё время держать контроль и лицо самурая.

Она либо приказывает, либо манипулирует. Просить не умеет. Вымуштрованная, как Ильза Кох, скрытая садистка, правда, при этом, похоже, дубово фригидная, начисто лишённая сексуального шарма.

Мужики нередко выбирают таких, желая что-то им доказать — и это прогнозируемо кончается ничем.

Что, в общем, у Незнайки с Кнопочкой бесславно и произошло.

Трудно общаться с бревном.

Мои любимые, захватывающие моменты в книге — жизнь на Луне в ночлежке Дрянинга. Весь этот ужас обитания на дне, описанный жутче, чем у Горького, с клопами, крысами, среди совершенно аморфных людей, которые вздыхают, жалуются на жизнь, обсуждают политику, кричат и охают, но ничего по факту в своей жизни кардинально не меняют.

Глобальное такое лицемерие — они кричат и рвут на груди тельняшку, что вот мы все тут такие бедные и обездоленные. Но спроси из них любого — а что ты сделал, чтобы это изменить?

Кто-то лежит в подвале и хвалит владельца ночлежки, говоря о том, что он их благодетель.

Собака, лижущая бьющую руку.

Интересен образ Пончика, особенно то, каким он оказался оборотистым и мобильным, когда попал в совершенно иные условия, отличные от коммунодебильных тепличных.

Он мне напоминает плеяду бизнесменов 90-х, которые начали какое-то дело, сперва у них шло в гору, но потом наступил провал и это надорвало. Они испугались и больше не продолжали.

Я знаю такие примеры — неглупые люди, которые после краха не находили в себе смелости попробовать ещё раз, начать сначала. Бросали свое дело и уходили на наёмный труд, серыми

кардиналами, на фиксированную зарплату, втайне завидуя тем, у кого получилось продолжить — примеряя на себя, сгорая в досаде, ведь у них и талантов и знаний не меньше.

Хотя крупные провалы случались в жизни всех известных людей, и именно на умении преодолевать провалы и обозначился их успех, а вовсе не на первых быстрых победах, когда была поймана, во многом случайно, удачная волна.

Интересен образ Скуперфильда — при всей приданной ему натужной комичности и чудаковатости — это ж человек с огромным внутренним миром и тоже, как и Незнайка, неуёмный экспериментатор, открытый новому и при этом не злопамятный. Это личность, полная противоположность миру людей-функций — всех этих архитекторов и музыкантов, которые до смерти будут только архитекторами и музыкантами, и никто даже никогда не узнает, какие они люди.

Эпизод, когда он легко приступает к работе на фабрике, которая принадлежала некогда ему же, и при этом увлечённо и рационализаторски там работает, любя свое дело, наплевав на криво-толки в коллективе, впечатляет.

В книге вообще на редкость классные персонажи — от центральных до второстепенных.

Чего стоят одни эти потешные, совершенно гомосексуальные водители Коржик и Шутило, которые живут в одной хате, бухают и дебоширят по ночам. Или душевнобольные милиционеры Солнечного города, которые сами себя сажают в тюрьму и сами себе читают нотации. Ну чисто унтер-офицерская вдова в действии.

Узнаваемые отсылки на реалии времён — презрительные отзывы об абстрактной живописи, которая есть лишь мазня — чувствуется ураган художественного соцреализма.

Показательные отсылки на утопические попытки представить будущее — получается Солнечный город, который должен олицетворять сбывшийся коммунистический рай.

Но изобретения Солнечного города большей частью совершенно бессмысленные. Бесовство с жиру на фоне полнейшей личностной деградации, совершенная душевная пустота, осталось только завязыватели шнурков сконструировать да подтиратели жоп.

Куча людей, пользующихся каким-то кричащим, эякулирующим хаотичным инженерным выбросом, но при этом начисто буксующих в неумении решать простейшие личностные ситуации. Трусость и страх конфликтов.

Показательная лёгкость, с которой бесхребетное население Солнечного города увлеклось ветрогонами — полнейшая неразборчивость, какую херню на улице увидели, что по телеку показали, то и собезьянничали.

Я думаю, если бы не некий сброс пара и злости в эпоху ветрогонов — там бы через какое-то время чуваки начали бы из винтовок на улице от подавленной злости прохожих случайных расстреливать. Ну реально же, от этой мировой идеальности уже моча в мозг била.

А так ветрогонам можно спасибо сказать — с ними ещё мирнолюбиво всё прошло.

Трилогия Носова — книга, которая не старится. Потому что люди, увы, не меняются.

Оттого вечно будет актуален эпизод с карикатурами. Применим к любой сфере жизни.

Видят люди карикатуры других — зубоскалят. Видят карикатуры себя — тут же начинают изощрённо придумывать методы анальных кар для художника, творениям которого благоволили минуту назад.

Это я и у себя вижу — пока пишу про дальние веси, или про собственные тёмные стороны души — я угарный пейсатель, и всем ха-ха-нештяк, а как только я напишу про чей-то родной город или про чьё-то непризнанное качество, так сразу базар с гнильцой — э-э-э, популярный блогер что-то сдулся, продался

американцам и как-то не то пишет, не тот нынче Сайгон.

Пока пишешь какую-нибудь хрень, «скандалы, интриги, расследования», «общественность в ШОКЕ» и прочую маету — сразу всем зашибись, полезли смотреть, языки чесать, а Братьев Карамазовых напишешь — никому не надо.

Пока про кого-то там — это норм, можно бугагашечки развести, а как только зеркало под нос подсунешь — что-то носики морщиться начинают.

Нет? Не так?

Ладно, что-то я раздухарился. Надо остыть.

Примечательный факт — до сих пор каждый раз, когда я солю пищу — я вспоминаю Пончика.

Пусть ему там в книге легко при этом икнётся.

Камо грядеши: 13, 49

ГЛАВА 19. 95 ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Мне снилась Латинская Америка. Наверное, это был Уругвай. Залитая солнцем набережная. Щербатые плиты.

Полуденный зной. В берег бьют синие атлантические волны.

Сидят разморённые люди, подставив зажмуренные глаза солнцу. Рядом с ними неизменный калекс с мате.

Я не знаю, какая она, Латинская Америка. Но она меня пугает. Я боюсь там раствориться. Боюсь заснуть и потерять себя. Мой голос станет тихим, потом станет шёпотом, а потом просто беззвучным шевелением губ. И я уже никогда себя не услышу.

Оттуда уже никуда не эмигрируешь. Только если на Марс.

Латинская Америка — это какая-то такая земля, куда можно приехать только с билетом в один конец.

В свое время я боялся Индии.

Теперь понял почему: Индия — это страна чувств. А чувства были мне небезопасны.

Индия — это материнское принятие. Обволакивающий, защищающий и любящий кокон. Индия принимает и убаюкивает.

Кокон стал мне мал.

А Латинская Америка — земля одиночества. Того самого, которое я ещё не принял. Которое гудит мне в затылок звенящей тишиной.

То самое одиночество, которое живёт в тених на потолке. Которое живёт в толпе. Которое живёт на пустой лавочке городского парка.

Это одиночество — неизменный близнец свободы. Цена свободы. Они приходят в паре.

Одиночество среди людей. Одиночество среди голосов.

Одиночество.

Я один, когда мы вместе. Я один, когда я говорю с тобой.

Я в одиночестве, когда меня забыли. Я в одиночестве, когда ты вспоминаешь меня.

Я свободен. Значит, одинок.

Иногда я смотрю в окно и вижу улицы, залитые дождём.

Иногда я сижу в тени тропического дерева, смотрю на морские волны.

Иногда я ступаю по зыбкой палубе корабля. Иногда я просыпаюсь дома. С мятыми волосами, бурчащий, иду в ванную. Звуки словно приглушены. Открываю воду. Провожу мокрыми руками по лицу.

Я ложусь спать.

Я иду. Оглядываюсь. Иду.

Я и есть одиночество.

Без него не было бы меня. Если бы я не был одинок — это уже был бы не я.

Я с особой остротой ощутил, о чём именно писали латиноамериканцы. Это «Сто лет одиночества» Маркеса — жизнь семьи, в связке, в одном доме, в одном пространстве, где каждый при этом щемяще одинок и забыт, словно иллюзорен, словно приглушён, словно потерян, пропал без вести.

Это обречённость Борхеса. Это тот самый «Юг», в котором одинокая жизнь глупо и обыденно переходит в одинокую смерть и забвение, всего лишь крошечную каплю в океане времени.

Это потерянность Кортасара, «Игра в классики». Книга-жизнь, которую можно читать, произвольно выбирая главы, где действие скачет из Парижа в Буэнос-Айрес и обратно, но смена декораций ничего не меняет в бессмысленности пьесы.

Я и есть одиночество. Оно навсегда во мне. Оно мой неизменный спутник.

Настало время прийти в ещё один зал большого неизведанного храма, затерянного в джунглях Перу, по которому я брожу, с замирающим от страха сердцем вступая в очередную комнату.

Я хочу соединиться со своим одиночеством.

Если я не научусь быть одиноким — я никогда не смогу быть вместе.

Истинная любовь рождается в одиночестве.

Я хочу родить любовь. В моих силах принять эти роды. В моих силах пройти путь.

Я вспомнил кое-что. Точнее, кое-кого. Цыганку.

Давно дело было.

Она подошла и сказала, что хочет мне погадать. А я почему-то согласился.

Дал ей денег. А она их почему-то не взяла.

Взглянула мне на руку и сказала — «Путь твой будет долгим. Трудным. Но он тебя не ранит и не обожжёт. Награда твоя найдёт тебя».

Я тогда не понял, о чём это. Только сейчас начинаю понимать.

— Сколько лет проживу? — спросил я откровенную глупость.

— Девяносто пять, — не смутившись и ни на секунду не запнувшись, ответила она мне.

Камо грядеши: 61, 56

ГЛАВА 20. ТЕРМИНАТОР. САРА И КАЙЛ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Если меня спросят про самую трогательную историю любви на киноэкране, то я, не задумываясь, назову Терминатор-1.

Сара.

Она официантка в кафе. У неё рутинная жизнь с простыми жизненными неурядицами.

На её автоответчике стоит озорной голос — «А я вас обманула, это не Сара, с вами разговаривает машина. Но ничего, машине тоже нужна любовь».

Она снимает квартиру вместе с подружкой, и тактично удаляется, когда подружке и её парню хочется уединиться.

Ей самой уединиться не с кем. Какие-то ветреные отношения с каким-то занудой окончились. Нежность она проявляет только к домашней игуане.

Она юна, миловидна, сочна. У неё открыта жизнь, которую она не знает куда деть.

Ей одиноко.

Кайл.

Он вырос в неприглядном, опасном, недетском мире будущего.

Его жизнь — война. Вечная война, в которой невозможно взять паузу, от которой невозможно убежать. Противник, с которым невозможно договориться.

«Наша судьба была предрешена — полное уничтожение».

Его мир ужасен и прост — есть мы, люди, и есть ОНИ, бездушные машины. Терминаторы.

«Был тот, кто научил нас сражаться, воодушевил, научил справляться, дал надежду. Его звали Джон Коннор. Это твой сын, Сара. Твой ещё не рожденный сын.

Ему можно доверять. В нем чувствуется сила. Я готов умереть за Джона Коннора».

Он вызвался добровольцем.

Он видел Сару на фотографии.

«Джон дал мне её. Я не знаю, зачем».

Во время очередного боя фотография сгорела на его глазах. Пузырящаяся бумага скрыла ее лик, но он запомнил всё, каждую чётточку её лица.

Они будут скрываться.

Он устойчив к боли. Но когда Сара будет перевязывать его рану, касаясь его, он будет дрожать совсем не от боли.

Он расскажет ей о том героизме, который она ещё не совершала.

Он будет смотреть на неё, на легенду. На ту самую, которая научила сына сражаться, которая вырастила настоящего воина и лидера, умереть за которого почитается за честь.

Она не будет верить. Станет обесценивать себя.

— Перестань! Неужели я похожа на мать будущего?! Это я — смелая и организованная?!

А он просто будет смотреть на неё с той нежностью, которая никогда доселе не выходила из сердца родившегося на войне.

— Ты, наверное, разочарован? — спросит она его позже.

— Ничуть, — просто и открыто ответит он, дрожа от волнения.

Он весь на виду.

У него нет социальных масок — ему некогда было этому научиться. Он такой, какой он есть.

С Сарой он впервые в жизни может быть слабым и чувствующим.

— Так много боли! — скажет Сара.

Она для всех просто заурядная девчонка.

Но для Кайла она — ТА САМАЯ.

Она сама в себя не верит. А он смотрит на неё с гордостью. Он знает, что она — ТА САМАЯ. Та самая, ради которой он голым преодолел путешествие во времени, ради которой взял колоссальную ответственность, ради которой сражается неистово, как может сражаться только живое, сильное, благородное животное.

Он вновь расскажет о фотографии. «Она была старая, истрепанная. Джон дал мне её, я не знаю зачем. Ты была такой же молодой, как и теперь. Только немного грустная. Мне всегда было интересно, о чём ты думала в тот самый момент, когда тебя фотографировали.

Я запомнил каждую линию, каждый изгиб. Я вернулся в прошлое только для того, чтобы встретиться с тобой».

Он впервые в жизни признается в любви.

Она впервые в жизни встретится с чем-то настоящим.

Он никогда не узнает, о чём она думает в тот момент на фотографии.

И никогда не узнает, что на той фотографии она уже носит их общего сына под сердцем.

Она будет любить его всю жизнь. Даже когда она ожесточится, станет стальной в свои суровые годы, Джон Коннор вспомнит:

«Она не говорит о нём, но я знаю, что она о нём тоскует. Иногда она плачет и зовёт его во сне».

Пройдёт много лет.

Отправляя в прошлое своего отца, Джон передаст своей матери, что она ТА САМАЯ, даже если этого ещё не знает и не верит в это.

Ещё не рождённый сын скажет матери из будущего:

«Благодарю тебя за отвагу в годы смуты. Я не в силах помочь тебе в том, с чем тебе предстоит столкнуться. Но я могу сказать, что будущее можно изменить. Я прошу тебя выжить, чтобы я появился на свет».

А сама Сара, спустя много-много лет, скажет то, что я часто вспоминаю в свои годы смуты. Помните?

«Будущее не предопределено.

И если даже Терминатор поймёт цену человеческой жизни, то быть может и мы, люди, сможем этому научиться».

Мне бы очень этого хотелось.

Камо грядеши: 42, 38

ГЛАВА 21. МЕЖПЛАНЕТНЫЙ КАРАВАН

М.

Вы всегда были не такими, как мы.

Вы показались друг другу непохожими.

Но в вас всегда жила эта особая, неземная отрешенность.

Вы – не люди. Вы тени. Существа. Биокиборги.

Я почему-то тогда, когда первый раз смотрел тебе в глаза, это

почувствовал.

Ты выбрала галактику.

Я благословляю тебя на вечность в пучине космоса.

Ты будешь плыть среди мириад звёзд. Ветер не распахнёт твои волосы.

Твое лицо будет освещать белый, звёздный, отражённый свет.

Ты пройдёшь, неуязвимая, среди Черных Дыр, гаснущих солнц. Мимо рождения и смерти цивилизаций.

Мы уже никогда не встретимся.

Это жестокий, но честный выбор.

Прощай.

Я буду помнить о тебе.

Каждый раз, когда я в тишине ночи буду вглядываться в ночное небо — я вспомню о тебе.

Камо грядеши: 89, 91

ГЛАВА 22. АФРИКАНЦЫ

Задача.

Дано: поезд Пекин-Москва, прибывающий на Ярославский вокзал. Едут четыре человека, которых нужно встретить. Известно имя одного из них и телефон. Описание четырёх человек уместилось в одно ёмкое слово — «африканцы».

Африканцы потерялись в сутолоке вокзала. Телефон у них вскоре сдох. На издыхании звонка успели сообщить на каком-то совершенно жутком африканском английском, что они ждут у жёлтого здания, впереди памятник, автобусная остановка, под «горшком» (?), недалеко аптека.

Всё. Квест начался. Спасти рядового Райана. Ну, то бишь, найти на площади трёх вокзалов четырёх потерявшихся африканцев, с которыми нет связи.

Люди мои дорогие — я никогда не замечал, что вокруг столько негров. Кидался к каждому, и вскоре все негры начали от меня шарахаться. Нужных африканцев не нашёл.

Стоял у аптеки с табличкой, с написанным на ней именем одного из потерявшихся. Подошел охранник и сообщил, что тут нельзя стоять с табличкой. Я и так раздражённый, а тут и вовсе рассвирепел. Памятуя прогрессивный опыт либеральной ответственности, загрузил охранника требованиями представиться по форме, сослаться на норму закона и убираться в жопу, если он его сделать не сможет.

Охранник чуть не плача попросил — ну уйди, меня начальник вокзала убьёт, это он приказал меня отсюда спроводить, чтобы не стоял с табличкой посреди улицы.

Я сказал, что неприятие меня начальником вокзала есть исключительно половые трудности начальника вокзала, и если ему так неймётся, пусть вызывает карательный наряд, составляем протокол и я буду за стояние с табличкой у аптеки отвечать по всей строгости закона и справедливости, а то и кидать в Сибирь лопатой снег.

По всем трём вокзалам нарезал круги, высматривая шоколадных людей.

Загрузил местных стражей порядка — не видели ли они тут четырёх неприкаянных негров? — в принципе ведь приметная штука.

Не, не видели.

Но я могу собой гордиться — таки нашёл. И более того, задача-то была ещё сложнее — «африканцы» оказались гражданами

ЮАР, но сами при этом были евроафриканцами, причём настолько евро, что с них хоть портрет нордических воинов писать и иллюстрации к Майн Кампфу делать про истинных арийцев.

Ну, в общем хорошо всё, что хорошо кончается.

Загрузил белых африканцев в леворульную японскую машину, да повёз в ресторан азербайджанской кухни «Алёнушка». Там их, потерявшихся, бизнес-партнёры уже жаждали.

Камо грядеши: 30, 27

ГЛАВА 23. ОБЩЕСТВО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Раньше отец передавал ремесло сыну, а сын учил тому же внуков.

Ныне время ускорилося — люди умирают не там, где родились, меняют профессии, спутников, внешность, образы.

Если раньше был дефицит информации, и кто владел информацией — владел миром, то сейчас информации переизбыток. Сейчас миром владеет тот, кто умеет вычленять из этого потока информации ценное.

Их таких мало. Себя я в виду при этом не имею.

Причем смена произошла на наших глазах. Ещё наши родители жили в том обществе, обществе дефицита.

И только сейчас родились первые поколения, полностью во власти гиперинформации.

Мне нравятся молодые. Как там, по Макаревичу — «они не такие, как мы» — это правда. Они не такие. Этим и нравятся — мне любопытно всё неизвестное.

Они более плотно ассоциируют себя с информацией. Они — это и есть информация.

Они — это то, как они отражают себя в обществе информации.

Да, именно поэтому они более мягкие, более пассивные — им разумнее быть гибкими, нежели пробивными.

Менее амбициозные и более самовлюблённые — ну, а как иначе? Нарциссы.

Мы ходили с шашками на танк и ставим им в упрёк их, как нам кажется, мягкотелость? Да полноте. Наши шашки и танки скорее характеризуют нас, а не их. И не с гордой стороны.

Собственное «Я» расплылось, стало зыбко и неясно, но всё остальное ещё более зыбко. Авторитеты в новом мире значат не в пример меньше.

Они великолепно наводят коммуникации — ищут, договариваются. При этом хуже общаются от сердца к сердцу — плохо знают, что такое душевная близость, душевный контакт.

Это не значит, что они в душевной близости не нуждаются — нуждаются, и ещё как, но общаться умеют хуже, факт. Меньше знают о любви, о дружбе, о лидерстве.

Ну, а кто бы их научил? Родители на работах, мир более заточен на логику, нежели на чувства. Учились сами, понемногу, чему-нибудь и как-нибудь.

Да-да, именно отсюда идет эта полнейшая зависимость от гаджетов, сотни sms-ок, селфи, чек-ины. Мегабайты снов про любовь, километры дней без огней.

Любое событие — тут же сфоткать и выложить в сеть.

Ну, собственно — а что? Они поступают в полном соответствии с правилами того мира, в котором живут, в котором родились. Они потребители? Так они и выросли в обществе потребления — мы, предыдущее поколение — дали им какой-нибудь другой пример?

Да, их жизнь более виртуальна. Не они это выбирали, но им с этим жить.

Они живут в полном соответствии с принципом «я — это информация обо мне».

Выпасть из онлайн — равносильно выпадению из жизни. Здесь включается самый нешуточный страх смерти, ужас забвения.

Шерлок Холмс говорил — мозг подобен чердаку, если таскать в него хлам, то в нужный момент не найдёшь нужного, или под нужное не окажется места.

Поэтому если раньше разумно было черпать информацию отовсюду, то сейчас разумно максимально себя в ней ограничивать, чтобы чистить фильтры. Фильтры засоряются очень быстро. Очистки требуют регулярной.

В этом смысле информационные фильтры ничем не отличаются от любых других.

У каждого времени, каждого общества — своя ценность жизни.

Жизнь римского патриция стоит одну цену, жизнь раба — много меньшую. И всё это в одно и то же время.

Ценность жизни была связана с богатством, с общественным влиянием.

Сейчас ценность жизни равна информационной значимости. У каждого человека, страны, явления, города, общества — есть свой некий информационный заряд. Величина транзакций, как единиц общения.

Мы живём среди информационно заряженных вещей и сами попадаем под их влияние, в зависимость, перестаем быть собой, становимся информацией. «Я — это информация обо мне».

Степень зависимости хорошо видна по резонансным новостям — по тем же терактам. Очень показательно, насколько информационно разная на них реакция.

Общество реагирует, увы, не на смерть. «Вот что самое ужасное в современном мире: люди думают, что герои телевизионных

новостей умирают без боли и без крови» — сказал мудрый Дэвид Линч.

В мире, где «я — это информация обо мне», люди реагируют ярче на то, что несёт более насыщенный информационный заряд. Париж — более информационно заряжен, нежели российский чартер, и, тем более, какое-нибудь Мали, которое даже я только со второго раза на карте нашёл.

Цинично? Послушайте, вы слишком многого ожидаете от людей. *«Пойми, жизнь и без того тяжёлое испытание, зачем же наказывать людей, прошедших его? Человек должен уповать на что-то, в этом весь смысл».* (с) Туве Янссон

Людям и так нелегко живётся — от того, что бытие стало более виртуальным, оно не стало более простым, скорее наоборот. Помимо сохранения собственного Я, помимо обороны своих фильтров от информационной лавины, людям умудряются найти чуть-чуть сострадания? Похвалите их за это. Пусть это малый шаг для человечества (хотя откуда нам знать, малый ли?), но это огромный шаг для многих, сохранивших свою личность.

Хотя — никто не вправе кинуть камень, если они её и потеряют — им приходится нелегко. Они имеют право на ошибки, имеют право на слабость, имеют право не справиться.

Мы умираем тогда, когда перестаём меняться вслед времени.

Мы, конечно, будем ещё некоторое время по инерции вроде как физически жить, но это так, видимость.

Как там в «Шуте Балакиреве», когда на том свете встретился Монс, при жизни, точнее, при смерти, обезглавленный. Государь указал на него своему шуту Ивану и сказал: «Он голову потерял задолго до того, как я её ему отрубил. Что-что? Она у него сейчас на плечах? Да ты не смотри на это — это так, видимость».

Я себе часто напоминаю о том, что если у кого голова

на плечах, вроде бы — это само по себе ничего не значит.

Мы умираем тогда, когда перестаём меняться вслед временам, снова повторяюсь.

Выбор у нас совсем небольшой — либо мы меняемся вслед временам, в которых живём, либо остаемся в прошлом.

Знаете, видели, как убого смотрятся старики, желчно бухтающие о том, что «раньше было лучше»? Не обольщайтесь, мы порой от них совершенно не отличаемся.

Да, это отдельное искусство — жить, сохраняя себя, и при этом меняясь попутно времени.

Меняться, оставаясь собой. Смириться с мыслью, что покоя не будет. От тревоги, как спутника на всю жизнь, не избавиться. То, что вчера было великолепным, сегодня будет лишь сносно, а завтра окажется неактуальным.

Помнить про одиночество, как вечный спутник личного роста.

Поучительна судьба многих российских небожителей 90-х, тех, которые были королями и богами своего времени — и совершенно, полностью вылетели из обоймы в следующее десятилетие. Во всех их разнообразных биографиях есть один, как под копирку списанный, факт, о котором говорят многие из знавших их: в какой-то момент они переставали учиться. Считали, что уже всё умеют, уже на Олимпе и времена навечно останутся к ним благосклонны.

Все эти именитые бизнесмены, все эти криминальные авторитеты, политические заправилы, могущественные руководители аппаратов — где они?

Судьба их не обязательно трагична. Но впечатление таково, что они остались в другом времени — в том, где им пела удача. А в нынешнем дне им места нет.

У них на плечах всё еще голова? Да полноте, это только видимость.

Я и сам часто чувствую свою заметную отсталость не только от старших, но и от младших — они, последние, гораздо мобильнее, современнее, увереннее, смелее что ли меня. Они как-то вполне точно чувствуют, что это их мир, им в этом мире есть место. А я это чувствую не всегда.

Я лучше их умею выживать, а они лучше умеют жить.

У них и учусь принимать новое время. Каждый день приносит что-то новое, я хочу до глубоких, старческих физических лет уметь принимать новизну каждого нового дня, радоваться ей и благодарить Бога за то, что он шлёт мне обновление — даже когда трудно и больно расставаться со старой кожей.

В конце концов — Бог мне ничего не должен. Не перед кем канючить.

С каждым днем труднее врать — чем больше взрослеем, тем больше мы проницаемые, по нам хорошо видно, как именно мы жили.

Хочу видеть всё многообразие мира, иметь мужество отпустить со славой день моего успеха, веря в то, что он — не последний в моей жизни, и принять день своих невзгод — каждая из которых, даже самая горькая, способна стать ценным подарком, научить такому, чему не выучит ни один тибетский мудрец, в развевающихся одеждах, сидящий на высокой заснеженной горе.

Камо грядеши: 53, 51

ГЛАВА 24. РУМЫНИЯ. ВЯЛИКАЕ СЯЛО

Вялікае сяло — это по-белоруски. Большое село.

Увидел такой населенный пункт где-то, кажется, в Витебской области, и очаровался.

С тех пор использую это определение в своей внутренней классификации, с этим характерным белорусским акцентом (неизменно звучащим голосом Лукашенко), в обозначении каких-то аграрных уголков планеты, где силен селянский, оседлый уклад бытия и мысли.

Беларусь — безусловно есть вяликае сяло, в своем неспешном, наезженном патриархальном укладе, а еще этот же концепт всплыл у меня во время колесенья по дорогам Румынии.

Румыния — тоже вяликае сяло.

Здесь откровенно нетронутый, пронизавший всё деревенский, селянский образ жизни.

Европейская страна, в которой связь между землёй и урбанизмом оказалась неразорванной.

Румыны в основной своей массе — германофилы. Пословица даже есть: если у тебя нет немца, то тебе его надо купить.

Что-то здесь есть неумолимо знакомое, в ассоциации с ещё одним вяликим сялом, в котором всё хорошо, всё отлично, да вот только смерды мы паршивые, да сами собой править не умеем. Не призвать ли нам варягов? Нордические, суровые, и в узде держат.

У румын есть что-то схожее — земля наша велика и обильна, да порядка в ней нету, приходите и владейте нами.

Безумно интересно вот уж практически тысячелетнее соседство венгров и румын.

В каком-то смысле венгры для меня — это олицетворение мужского, так, как я его вижу и чувствую. Румыния же — условно страна-женщина.

Венгры по-мужски живут направлениями и векторами — сперва занять точку, закрепиться, потом прицелиться на следующий рывок.

А румыны живут по-женски — циклами, перетеканием, втека-

нием, обволакиванием. Наполнением пространства.

Наглядный инь и янь.

Венгры — пришлые. Кочевники, ставшие оседлыми.

Народ, главный памятник государственности которого называется «памятником обретения Родины» — то есть любой из венгров где-то на подкорке помнит то время, когда Родины у него не было. Время, когда каганат азиатских кочевых народов снялся откуда-то из Зауралья, смешался с дикими кочевниками гуннами, прошёл вслед за мифическим орлом Турул, летящим перед ними, показывающим путь, ордой через половецкие степи до современной Венгрии, а там кочевники встали и сказали — никуда мы больше не пойдём. Назначаем это место Родиной. Кто не согласен — будем с ним биться за своё право завоевателя.

И воевали. И отвоевали право.

Никто теперь не оспорит право венгров на Венгрию. Она — их. Точка.

Но какой-то глубинный страх свержения с трона и пьедестала остался.

Это вообще очень мужской, глубинный страх — страх предательства, страх отвержения, страх примерить корону короля без королевства.

Они боятся того, что их назовут самозванцами.

Венгры непрерывно доказывают свое право быть. Право существовать. Право иметь и владеть. Право считаться европейцами.

Жизнь в борьбе. Удел Зевса и любого правителя пусть небольшого, но собственного царства.

Венгры амбициозны. Они ни на секунду не могут забыть, что им нельзя быть слабыми.

В их давнем, но таком звеняще хтонически вечно свежем кочевом бытии, жизни в шкуре степных волков, любой давший слабину мог быть сметён ордой.

А Румыния... А румыны другие.

Они — тудейшыя, говоря ещё одним белорусским термином.

Они тут были всегда.

Они как тесто — оставляют содержание, но меняют форму.

Ну а правда — были ещё в долетописные времена тут даки, пришли римляне и сделали свою провинцию. Приходили одни, оставались, другие, оставались.

Румыния — как истинная женщина-земля. Земля рождает бездумно и безалаберно — что в неё ни кинь, всё в ней прорастёт.

И женщину, и землю бессмысленно ругать, если плоды, даваемые ею, неудовлетворительны — «женщина есть твоя нива, возделывай же её, как пожелаешь», говорил Христос Иисус Иосифович. Не нравятся тебе плоды, данные землёй или женщиной? Получил то, что сам посеял и взрастил, не на кого больше пенять.

Земля изначально в своей сути не может быть верной — она даёт детей тому, кто её оплодотворит и оросит, не деля их.

Румынам, в отличие от венгров, ничего никому не надо доказывать — они тут были всегда. Они плоть и жир этой земли, они из неё вышли и в неё же уйдут. Им не нужно завоёвывать любовь матери.

У румын живая связь «мать — дочь». У венгров скорее «отец — сын».

Не, разумеется, были и у Румынии амбиции на гегемонию, да и условия и данности к тому располагали.

Была знакомая риторика, под бряцанье пушек.

Как там — «у России могут быть только два союзника — армия и флот», помните?

Ион Илиеску, первый президент Румынии, как-то отмолил в схожем стиле — «у Румынии всего два союзника — Сербия и Чёрное море».

Хы-хы-хы!

Простите, вырвалось — меня всегда забавляют политические

памфлеты и их пафос, неистребимая эта игра в выдавание ничтожного за вечное и вечного за ничтожное.

Венгры очень любят свою землю, привязаны к ней, дают ей много внимания и труда.

Посмотреть просто на венгерские домики — на эту чистоту, уют, вкусные черепичные крыши, очерченность, аккуратные палисадники, ломающиеся от урожая вкуснейшего винограда, огороды — венгры, несмотря на своё кочевое прошлое, оказались великолепными земледельцами, которые, следуя заветам Христовым, осеменяют и возделывают свою ниву, которая отвечает им безалаберной, но бурной бабьей любовью.

Но... Но венгерскую сельскую глубинку не назвать вяликим сялом. Язык не повернётся.

Не про мадьяр это, с их военной яростью, горделивостью, приверженностью символам государственности, своенравностью, непокорностью, амбициям.

Любое венгерское село — маленький город, а любой румынский город — большое село.

Жизнь румын — она в лоскуты.

Это не матч, в котором нужно всех переиграть. Можно как-нибудь допинать мячик, и по-минимуму основные задачи выполнить. Можно, если фортуна улыбнётся, жить богато, на широкую ногу, а можно и попроще, а можно и вообще в мазанке с буржуйкой, главное — живи, находи мелкие радости, а случай подвернётся, подымешься.

Как бог даст жить, так и живу.

Один венгр (случай из жизни) занял деньги у ростовщиков, начал амбициозное дело, трудился, ночей не спал.

А дело прогорело. В большие долги попал. И руки на себя наложил.

А румын явно бы в такой ситуации продал бы всё, что можно было, рассчитался с долгами, переехал бы в мазанку, куда-нибудь в глушь, и внёс бы свою скромную лепту в создание лоскутного имиджа страны.

Порасстраивался, конечно, но — жизнь-то продолжается.

Где ни жить — везде есть радости.

Они внутри, радости. Не вовне.

Румыны, живущие в одном большом вяликом сяле, об этом знают.

Так и живут.

Нет в этом правых, нет виноватых, нет хорошего или плохого.

Но есть суть — в селе кто живёт — все люди, со своими лицами. А для империи — все без лиц, все мужчины солдаты, а все женщины — матери солдат.

Был пацан? Нет пацана. Без него на земле весна — да только империи до того какое дело? Бабы новых нарожают. Эскадрон пополняют, да забудут про меня.

Для империи бесчестие — сдать тыл. Пустить вражеское войско за спину.

А в селе бесчестие в другом — бесчестие принести войну на свою землю. Там, на троне — один упырь сменит другого, и никогда они, нехристи, крови вдоволь не напьются. А село — вот оно, вот его женщины и дети.

Пусть они там в столицах как хотят, хоть танками, если уж ум худ. А нам воевать некогда — корова недоена, озимые, крыша прохудилась, сарай починить.

Можно, конечно, посмотреть на румын свысока — профукали вы, мол-де, свой шанс на величие, на звание государства, с которым считаются безусловно.

А с другой стороны...

Была Турция, великий хозяин Балкан и морей — сжалась до современного Анатолийского полуострова.

Была славная Югославия, гордость и зависть своего времени. Где она? Разлетелась в кровавые куски.

СССР, в конце концов, не буду уж прыгать на мозоль.

А Румыния? А Румыния — вот она.

Вяликае сяло? Да, вяликае сяло.

Но село, в котором идет своя жизнь, вкусные продукты, великолепные горы умопомрачительной красоты.

Рождаются в любви красивые дети.

Огромная, счастливая, наполненная, радостная женская красота, которая не знает этих мужских заморочек — всех этих войн, у кого писька длиннее, многоэтажных законов чести, мертворожденных и мертворождающих законов, бюрократии, пруссачества и муштры.

Женщина — земля. Безалаберна и неразборчива.

Но она всегда держит и наполняет нас. Всегда напоминает о вечном, запахом влаги после дождя, когда земля чернеет влажными, липкими комьями, скользит под рукой.

Румыния — такая же. Дикая, взбалмошная и неграмотная цыганка-дикарка.

Ради ночи с которой иные самые могущественные цари мира сего готовы расстаться со всем своим богатством, зашвырнуть далеко-далеко на ветку опостылевшую корону, сбросить одежду и кинуться в омут любящих объятий и бесконечность осыпающих поцелуев.

Камо грядеши: 90, 84

ГЛАВА 25. РАБЫНЯ ИЗАУРА

Сколько лет прошло, а я до сих пор могу напеть «газирумгарумге-угазирумга».

Чудеса творились во время показов Изауры — пустели улицы, мамы и бабушки утаскивали детей из песочниц.

За пять минут все рассасывались, останавливались преступления, забывались все дела. Идёшь по опустевшей улице — из каждого окна слышишь это жаркое, экзотичное бразильское песнопение.

Расписание телевидения было странным — никто доподлинно не знал, сколько серий будут показывать. А ещё чехарда во времени. А ещё утренний показ, а вечером повтор.

Кто не видел утром — непременно за день слышал спойлер. Но никого это от вечернего показа не отвращало.

У нас была неслыханная роскошь того времени — пишущий магнитофон, со встроенным микрофоном. И мы однажды устроили жестачайший, как говорит белорусский президент, троллинг — записали «газирумгарумге», выставили в окно колонки и врубили на полную мощность в произвольное время.

Что творилось! Народ как ветром сдуло с лавочек. Прохожие задирали головы и ускоряли шаг. Кто-то побежал. Бабы закудахтали, подбросили свои мощные тела, заорали на детей:

— Так, бросай эти машинки свои, бибики, пулей домой, там Изаура!

— Ну, ба-а!...

— Никаких ба-а, собирайся быстро!

Народу не стало. Минут через пятнадцать только начали возвращаться — злые, огорчённые, недоумевающие — сразу друг к другу — что это было? Пропустили? По какому каналу?

Нам было весело, но масштаб произведённого эффекта несколько огорошил. Страшно признаться в нашем авторстве,

покушение на Изауру приравнялось к дефекации на чувства верующих.

Да вообще, всё, что касалось сериалов, было святым. Народ на полном серьёзе звал свои шесть соток фазендами.

А мы с моим брательником даже изобрели туповатую, но весёлую игру, называлась она «Раб Андре».

Был персонаж там, раб Андре. Я уже не помню перипетий сюжета, помню лишь, что ему постоянно каких-то шишек-банок доставалось, вечно какую-то дулю навесную за все грехи навешивали и били у позорного столба. А раб Андре визжал и орал дурниной — я, кстати, как и «газирумгармге», до сих пор могу повторить его этот оглашённый крик — нечто среднее между брачующимся павианом и серпом по яйцам.

Ну так вот, мы играли в раба Андре — у нас был надувной резиновый крокодил, и кто-то избивал этим крокодилом раба Андре, а раб Андре, соответственно, издавал вот это вот невероятное «уэ-а-уэ-аэ-уэ-аэ!».

Кайф! Игра была веселейшая и упоительная, жаль лишь, что никто не ценил наших потуг, быстро прерывали.

Странно, но я, так хорошо запомнив множество деталей, совершенно дурно помню сюжет и посыл фильма.

Помню Жenuарию. Помню фразу «Изаура-Изаура, не умеешь

ты обманывать», которую пользовали даже в младшей школе учителя. Помню, что у самой Изауры меня изумляла внешность, а точнее невероятно близко посаженные глаза, как дула двустволки.

Ну и газирумгарумге-угазирумга, разумеется, помню.

Камо грядеши: 93, 62

ГЛАВА 26. ИНЬ И ЯНЬ

Наступает удивительное и радостное время — впервые за всю историю человечества оно, это самое человечество, доросло до равенства полов.

Равенства в осознании важности.

Если раньше приоритетной задачей отдельно взятого человека было «выжить», то сейчас это — «жить».

«Выжить» — это патриархат. Логично — в выживании важна грубая сила, напористость, бесстрастный рассудок. Это мужское.

То, что происходит сейчас в обществе в целом — инерция патриархата. Да, патриархат всё ещё силен, и его издержки тоже, но это уже не движение, это инерция. Она затухает.

Мужчины всё ещё кичатся своей главенствующей ролью. Не впечатляет.

Женщины всё ещё думают удержать мужчину занавесками, крючками в ванной и домашним борщом. Не работает.

Уже не впечатляет и уже не работает. Поезд ушёл, лишь дым едкий паровозный пока клубится.

На излёте патриархата родилось много уродцев. Это неудивительно. Роды трудные.

Одно время маятник качнулся в иную сторону — женское ушло во мстительность, объявило мужскому войну и соперничество. «Без вас проживём!».

Нарочитый надрыв. Изнурительность. Мстительные выпады. Унижение. Возмездие.

На войне мужчина хорош в прямой битве, лоб в лоб. Шашку выхватил, «ура!» — и на врага. Но против женского арсенала — хитрости, манипуляций и прочей партизанской войны — и поставить часто нечего.

Можно воевать, когда шашка наточена, пулемёт заряжен и конь накормлен. А когда кто-то коварно пулемёт утопил, в фураж яду насыпал, а после растворился в ночи — повоюешь тут.

Потрепало мужчин. Многие повоевали и признали поражение. «Ваша взяла». Ушли в рабы и поверженные. А рабы — они бесполое. Они и не люди как бы. Пьют горькую, обрюзгли, бубнят проклятия под нос.

Они несчастны.

Но горькая ирония не только в этом — а счастливы ли «победители»? Да, удовлетворённая месть — она как яркий костёр, в который солярки плеснули. Жаром обдаст. Адреналина закачает.

Но костёр угаснет, останется пожарище. Зловонное, смердящее. На нём что ни построй — до скончания веков палёной резиной смердеть будет.

В какой-то момент родился и иной уродец — унисекс.

Гендеры — буржуазное излишество, даёшь андроидов!

Грань размылась. Инь и Янь смешались в однородное пятно.

Многие рождение бесполого человека встретили ликованием.

Ну а действительно — к чему сложности? К чему непонимания? С андроидом легче. У него нет чувств. Одни только функции и формы. Опции и технические характеристики.

Затих гормон. Оторвались от корней культуры. Старая, неистовая, архаичная, животная энергия осталась где-то там,

на том конце порванного провода.

Родилась новая цивилизация, ночная, кислотного цвета, инопланетная, делящая половые признаки поровну, а то и вовсе обходясь без них.

Одно время казалось, что сублимированное пластиковое счастье найдено. Но... Но движение остановилось. Выбора не стало.

Однополюсные существа никого не рожают — они делятся. Воспроизводят таких же, ничем не отличающихся от себя. Множат количество. Но не качество.

Развитие кончилось. Казалось — будущее, оказалось — тупик. Выход есть. Выхода нет.

Мужчины и женщины прошли доминирование и войну, усреднение в безликости и отчуждение в обособленности. Счастья не принесло.

Мужчины и женщины не знают друг друга. И не принимают друг друга.

«Эти бабы!», «Эти мужики!», «Да что они вообще понимают!?», «Они все одинаковые».

Странно, да? Живём всю жизнь рядом, а друг друга не знаем.

Самая большая ловушка между мужчиной и женщиной — соперничество.

В чём мы соперничаем? Кого побеждаем? Что доказываем?

Самая большая трагедия между мужчиной и женщиной — недоверие. В нас живёт страх предательства. Яд, выжигающий живое.

Мы устраиваем друг другу «полосу препятствий». Но что она выявит? Она только оттолкнёт светлое и привлечёт низменное и злое.

Самая большая глупость между мужчиной и женщиной — неприятие.

Не принимая друг друга, мы обкрадываем сами себя. Запи-

раем себя в клетку, закрываем снаружи и выбрасываем ключ.

Укоренившееся слово, применимое к отношениям — «найти». Найти человека. Найти свою любовь.

Не надо никого находить. Всё самое главное уже здесь. Прими человека. Не находи, а прими. Просто прими. Такого, какой он есть — со всеми его успехами и ошибками, силой и слабостью.

Да, в нём есть что-то неизвестное, непознанное, какая-то тайна. И эта тайна останется с ним всегда.

Но тебе незачем бояться этой тайны. Пусть она будет с ним.

Тебе никогда не разгадать другого человека до конца. Ну и не надо. Пусть его тайна останется с ним и с твоей любовью навсегда — очаровывающая, как лунный свет, манящая, как вольная дорога, предвкушаемая, как новое утро счастливого ребенка.

«Найти свою любовь» — любовь, это что, коробка такая, пакет из супермаркета, который случайно обронили из багажника?

Любовь невозможно найти. Она не находится. Любовь создаётся. Рождается и растёт.

Найти любовь нельзя. Только создать.

Любовь — это вообще не существительное, это глагол.

Равенство мужчины и женщины — в любви. В уважении. В принятии.

Мы разные. И это счастье.

Нам больше не нужно воевать и бояться друг друга.

Зачем я всё это пишу?

Я хочу обратиться к мужчинам. Точнее, не к абстрактным мужчинам, а к тебе, именно к тебе, тому, кто читает сейчас эти строки.

Помнишь, когда ты смотрел ей в глаза, вы ссорились. Да-да, тогда, именно тогда.

Ты тогда еще подумал в ярости — «да нахрен это всё?!». Накатывала какая-то опустошенность.

Но потом ты вдруг почувствовал внутри что-то согревающее, сильное. Ты посмотрел ей в глаза и вдруг понял, что она просто боится. Она неуверенна, она испугалась. Она кричит вовсе не потому, что она злая, хищная и коварная, а как раз наоборот — потому что она хрупкая, она боится, чувствует себя одинокой и она просто не может себя сейчас защитить по-иному, не знает как.

И тогда ты успокоился, к тебе вернулась та самая сила, которой она всегда втайне и явно любовалась, твоя мудрость, и ты тогда сказал ей о том, что, может быть, ты был неправ, что где-то слишком был увлечен и нечаянно её ранил.

Помнишь?

Я просто хочу выразить тебе своё восхищение — какой ты молодец! Ты поступил, как настоящий мужчина, сильный, мудрый, мужественный, неповторимый.

Я горжусь тобой.

И ещё я хочу обратиться к женщине, к тебе, именно к тебе, которая сейчас читает эти строки.

Помнишь, как смотрели друг другу в глаза? Да, тогда, именно тогда. Сколько это длилось? Убей не пойму, может одну секунду, а может целую жизнь.

Я хорохорился, менял образы, травил байки, изображал то томного рыцаря, то сельского парня в алкогольном ударе.

Так вот — я тогда был очень неуверен.

Но в твоих глазах я увидел сперва глубину и жар южной ночи, а потом какое-то укромное место, где были только мы одни, и где только для нас было место.

Я оказался перед твоими глазами совершенно беззащитным, во всей моей неуверенности.

Но ты меня приняла, именно таким. И твоё очарование тогда было подарено только мне. И твоё доверие. И твоя нежность.

И тогда, именно тогда во мне родилась сила. Истинная сила.

Она, словно кровь, наполнила все мои пустые сосуды. Вместе с ней пришло ощущение могущества — желание защитить, построить, создать, подняться на самую недостижимую высоту.

С силой пришли уверенность, великодушие, нежность, чуткость, бережность.

Всему этому научила меня ты.

Спасибо тебе.

Камо грядеши: 86, 48

ГЛАВА 27. КТО ЗАКАЗЫВАЛ ТАКСИ НА ДУБРОВКУ?

Для многих неожиданно звучит, но в Москве острая нехватка профессиональных таксистов.

Таксопарки закупают новые машины впрок, ожидая, что вот-вот им удастся ухватить водилу и сразу же пустить его на маршрут.

Таксист — это не просто водитель. Мало уметь управлять машиной, даже если делаешь это хорошо.

Нужно уметь поговорить с проблемным клиентом, успеть вовремя во много мест, до минуты рассчитав время в ненадёжных дорожных условиях, где пробки подобны стихии — появляются из ниоткуда и исчезают в никуда.

Это крепкие нервы, когда трещит график, а впереди авария, закупорившая единственную дорогу, и никто пропускать не станет.

Это опасность физической конфронтации. Таксисты возят с собой бейсбольные биты, или ещё кое-какие орудия — не буду раскрывать профессиональных секретов, и почти каждый таксист попадал в ситуацию, когда ему приходилось пускать их в ход. И каждый день рискует попасть вновь.

Самое главное — таксисту навигатор помочь может, но нико-

гда не заменит собственного чутья.

Если времени мало, пассажир опаздывает в Шереметьево, а таксист смотрит в навигатор и видит лишь одну дорогу, не зная другие пять, окольные, то дело, скорее всего, закончится тем, что можно будет уже не спешить.

Высший-высший шик — англоговорящий водитель.

Вы не смотрите на сайтах таксистских контор зазывные слоганы о том, что их водители легко поддержат светскую беседу на английском, арабском, древнегреческом и суахили — это замануха.

Ибо есть и профессионалы своего таксистского дела, которые с дорогами срослись, но приходит заказ на работу с иностранцем с обязательным языком — а взять его, выясняется, и некому.

У меня огромный опыт работы таксистом, а я к нему отношусь крайне небрежно — «а-а, ну так, халтуру иногда, покручиваю баранку...».

Однажды до меня дошло, насколько я к себе несправедлив,

когда позвонили именно мне и попросили: «Пожалуйста, съезди. У клиента характер говно, англоговорящий, привередливый — с ним справишься только ты. Разумеется, приплачиваем сверху».

Чёрт, как же приятно чувствовать себя ценным и незаменимым.

Забегая вперёд — клиент действительно оказался непростым, но с тяжёлой артиллерией в виде меня справиться не смог, и, бывая в России в последующее время, не просто заказывал машину, а заказывал конкретно меня, отказываясь ехать с кем-то ещё.

Первый таксист — это исключительно важный для многих фактор знакомства со страной. Таксист оказывается визитной карточкой. Не будет второго шанса произвести первое впечатление.

У меня большой опыт, потому что на иностранцев ставили именно меня. Кого я только не возил. С кем я только не перетирал тёрки за судьбы их Родин из первых уст.

Американцы, канадцы, мексиканцы, Панама, Перу, Аргентина, Бразилия, Чили. Арабы и евреи. Турки и армяне. Все скандинавы, вся Европа. Китай, индусы, японцы, корейцы, тайцы, малайцы. Австралийцы, новозеландцы.

Первым клиентом-иностранцем был англичанин Маркус, как сейчас помню.

Был он афроангличанином, оттого запомнился отдельно.

Последним клиентом-иностранцем, кстати, тоже была дочь африканского континента — чернокожая французская стюардесса.

Вёз её на рейс частной авиации, лётный состав у них верх стильности — три статных, светлых финских пилота и одна мулатка-стюардесса. Хоть на плакат.

Самым крупным рейсом был вояж, при котором я в свой Лансер умудрился запихнуть четырёх бразильцев с пятью чемоданами. На жаргоне это называется «играть в тетрис».

Вообще перед заказом их переспросили — вы точно хотите ехать друг у друга на головах? А они подтвердили — «ага, мы люди не гордые, денег у нас мало, доедем». И ведь доехали же! Я просто зауважал японский автопром опосля такого сверх всякой меры.

Да еще и трепались всю дорогу весело, заслушаться.

Португальский язык из уст бразильцев и из уст португальцев звучит совершенно по-разному. Португалец не говорит — он поёт, воркует, укутывает, ласкает словами.

А вот из бразильских уст португальский, что ни скажи, хоть серенаду спой, звучит как грязная деревенская ругань между шалавами.

Недаром бразильское порно можно читать, помимо общей извратной безбашенности, в том числе отдельно за эту возбуждающую ругань, экстаз грязного сладострастия на грани боли, как отдельный жанр.

За сладострастием, кстати, едут очень многие. Если и не целенаправленно, то попутно — у меня как-то голландцы выспрашивали, где девочек достать.

Я спросил — им англоязычную? Они сказали, что неважно, потому что женский рот собираются использовать не для разговоров, главное, чтобы не фотомодел ь и не худая.

Я им подкинул свой проверенный контакт, сам позвонил и договорился, чтобы не обсчитали гостей столицы попусту.

Они потом звонили и благодарили сутки спустя (только очутились, наверное, от дородной, умелой, румяной русской дивчины), скинули чаевых, тыщу на телефон.

Приятно.

Насмотрелся, насколько открыт мир, насколько открыты границы и как причудливо живут люди.

Перуанцы — граждане Швеции. Узбеки, работающие финансистами высшего разряда в Швейцарии.

Итальянцы, усыновляющие детей в Саратове, тайские транс-сексуалы, работающие в проституции в Питере.

Аргентинцы, едушие по Транссибу в Китай. Французский профессор-полинезиец, приехавший в Москву на три часа, прочитать лекцию и тут же уехать обратно.

Англичанин, полный клон Джека Николсона, приехавший в Москву пройтись по пабам и бабам. И голландец, приехавший в Москву, чтобы просто запереться у себя в гостинице, набухаться в сопли, и чтобы я его брненное смердящее тело, так и не вышедшее ни разу за всё это время из номера, через три дня просто увёз в аэропорт обратно.

Новозеландец, бредящий Сибирью.

Китаец, приехавший в Москву на выставку, на короткий срок, выпрашивающий меня пытливо, куда ему сбежать во время обеденного перерыва, чтобы успеть увидеть за свой короткий визит хоть немного из таинственной России.

Сирийский араб, сбежавший сперва в Турцию, а потом обосновавшийся в Москве — благо, врач высшего разряда, в Британии учился.

Французский пенсионер, объездивший 70 стран мира, причем стран 60 он объездил после своих 80-ти лет. На момент визита в Россию ему было 88. Выглядел на 60 максимум, в глазах аж светилось лучистое детское удивление, от которого мы все давно отвыкли, привыкнув жить, как дохлые коровы. Светлый, красивый старик, рядом с ним можно просто присесть и греться, как воробей на солнышке.

Есть клиенты, которые вроде и ничего, но работать с ними трудно.

Да-да-да, я именно о легендарном Руслане Т. — «Привет, Сань! А я вот ля-ля-ля, бла-бла-бла, ля-ля-ля...» — и рот на полтора часа не закрывается ни на секунду.

Есть те, которые, напротив, молчат как рыба об лёд.

Забирал я раз одного аргентинца, Норберто. Телефон не на ходу, а забираю с улицы — как его узнать? Хорошо пять утра было, народу мало.

Смотрю — стоит мужичок. Эдакий дядя Вася-алкаш. Морда пропитая и такая, рязанская-рязанская — нос картошкой, рубашка без половины пуговиц. В глазах прямо плещется уровень вчера выпитого.

Легко представляешь, как он воблу на газетке раскладывает, пивом жигулёвским запивает и по радио футбол слушает в своей рязанской хрущёвке.

Ну, естественно, долой стереотипы — именно он и оказался этим самым Норберто.

Хорваты, живущие во Франции и не говорящие по-хорватски.

Канадцы, летящие в Улан-Батор, потому что через Москву, оказывается, самый простой путь.

Армянка из Киргизии, летящая к мужу-кубинцу в Гавану.

Испанские студентки, едущие в Волгоградскую область волонтерами, школу восстанавливать.

Японец, татуированный как якудза.

Брутального вида турок, танцующий в балете.

Мне давным-давно уже не нужно работать таксистом для пропитания, но до сих пор периодически езжу и езжу.

Для денег, конечно, тоже, но больше для души. Как наркотик, соскочить не могу.

— Сань, срочный заказ, бразильского футболиста довести до Шереметьево, там встретить китайца, не говорящего ни на одном языке, кроме китайского, довести его до гостиницы. Табличку с иероглифами сейчас пришлю. Возьмёшь?

Я вроде и собирался себе выходной устроить, а восторг всё равно ёкает, и у меня само вырывается:

— Беру.

Выхожу на улицу, через несколько минут ветер уже свистит в ушах.

Камо грядеши: 77, 72

ГЛАВА 28. ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Во времена моей молодости (кхе-кхе, медсестра, поменяй мне грелку) металл был популярен.

Ну, настолько, насколько вообще может быть популярен металл, потому что это точно не та музыка, в которой можно рассчитывать на супер-славу и лимузины.

Металл был одной из отдушин для крайнего фланга бунтующих подростков.

Металл — очень сильная субкультура. Невероятно энергичная. Циничная. Честная.

В металле нет полутонов — он либо есть, либо его нет. Подделывать металл нельзя. Фальшь слышна сразу.

В каком-то роде он сам по себе вычищает лишних, хранит изоляцию. Он мало известен широким массам.

Если где-нибудь в рок-музыке можно всё делать на полунамеках — полузаигрывать с потусторонними темами, полупродать полудушу полуСатане, то в металле этого не выйдет.

Металл честно называет смерть смертью.

Металл не может быть «ещё одним увлечением». Он забирает всё. Дальше живёшь через его призму.

Металл — мужская музыка.

В ней есть, конечно, и женщины, но в целом металл стопроцентно живет на мужской энергетике — энергетике грубой силы, напора, рывка, ощущения своей конечности.

Металл — это такой удар с оттягом в морду.

Тема крови в металле вообще одна из самых центральных.

У любого мужчины живёт в глубине души боль предательства. Ощущение выброшенности. Ощущение стояния один на один со штормом.

Металл — музыка преданных. Музыка тех, кто мстит миру за собственную боль.

Металл — музыка и мировоззрение, не могущее быть чистеньким. Металл всегда грязный.

Это может быть грязь старой ржавчины, грязь заблёванных подвалов, смрад андеграунда, эстетика отверженных.

Металл неукротимый, как дикий зверь, хищный, как волк, сильный и быстрый.

Музыка тех, кто поседеет, но не станет стариком

Металл даёт ощущение верности и отдушины. Он не предаст. Он — как друг с войны (в каком-то смысле так и есть), это дружба на всю жизнь, святое боевое братство.

Металл — музыка обречённых и смертных.

Поэтому в истинном металле каждая песня, каждый концерт — всегда как последний.

Когда осознаёшь смерть — детство проходит. Приходит весёлая злость и цинизм.

Ярость, соседствующая с напускным придурством.

Безумие и ярость в мигании стробоскопа.

Что-то сродни мушкетёрам Дюма, весело пирующим в осаждённой крепости.

Металл часто ошибочно сопоставляется с рок-музыкой.

Бытует убеждение, что это явления одного порядка. Металл — это типа утяжелённый рок.

Это не так. Рок и металл — очень разные явления, в них гораздо больше отличий, нежели сходств.

Возможно, я к рок-музыке несправедлив, но после металла, его прямоты, мне сложно воспринимать рок-музыку всерьёз — меня отталкивает всё это жеманство и гордыня, убеждённости в собственной исключительности, сопряжённая с невероятной трусостью.

В металле эта нравственная дилемма отсутствует. Или будь честен, или умри.

Не можешь умереть сам — тебе помогут.

Металл взял свои корни из европейской культуры, но он открыто интернационален.

Металл — уникальный пароль для собрата из другой точки земного шара.

Удивительное ощущение братства.

Металл — это очень настоящее, если вы меня понимаете. Имеющее настоящую цену и силу.

В своё время металл дал мне возможность выжить, не будучи поглощённым.

Сохранить в честности и правде что-то очень главное, что-то очень настоящее в сердце. Ту его часть, которая может злиться и впадать в ярость, которая может всковыривать мнимые авторитеты, плевать на дутых псевдознакоков. А также именно эта часть умеет любить, быть бережным, видеть сквозь и знать истинную цену.

Может быть, я выбрал не самый удачный способ сохранить себя. Меня потрепало, это правда. Наверное, были более миролюбивые способы.

Но с другой стороны — когда-то давно, будучи солдатом от металла, я попросил его дать мне силу и смелость бороться за себя, подниматься, если упаду, и идти.

Жить, выживать в любых условиях, выбраться из любой тонущей подводной лодки, из любого падающего самолёта, из войны, тюрьмы и сифилиса.

Я, по сути, попросил послать мне испытания и сил, чтобы их пройти.

Мудрость отказаться от полумер. Непримиримость ко лжи.

Моя просьба была услышана.

Иногда я скучаю по тому времени, несмотря на всю его дрожь.

Но это просто светлая ностальгия по ушедшим временам и людям.

Самое главное я забрал с собой.

Оно и сейчас во мне.

Камо грядеши: 75, 16

ГЛАВА 29. БОГ – БАЙКЕР

Начиная читать Ричарда Баха «Бегство от безопасности», я знал, что это история о взрослом мужике, который общается с собой же ребёнком и пишет книгу себе-ребёнку, рассказывая о том, что он вообще понял с высоты седин на висках об этой бренной жизни.

Отличный зачин, но содержание, точнее, исполнение, меня разочаровало.

Готов допустить, что виной тому превратности перевода, а также этот удивительный, раздражающий американский сектантский слог, звучащий как истина и божественная мудрость, даже когда речь идёт о банальных губках для мытья посуды всего за 9 долларов 99 центов.

Ребёнок задаёт взрослому кучу вопросов, которые я бы никогда не задал.

Особенно это касается Бога — о том, отчего Бог мол-де такой

злой и жестокий и допускает всякие там страдания.

До меня вдруг внезапно допёр масштаб — оказывается, этим вопросом задавались все, в том или ином возрасте.

Кроме меня.

Бог дал мне жизнь и целый мир на откуп.

Почему Бог не вмешивается в дела этого мира? Да потому, что он для людей его создал. Для меня, в частности.

Не вмешивается потому, что верит в меня. Верит в то, что я разберусь сам. Безусловно так верит, по-взрослому, относится ко мне как к равному, несмотря на то, что он могущественней и видит всё, тогда как я вижу только часть.

Он может мне помочь, если я его попрошу и сформулирую грамотно то, чего хочу. Но он отказывается проживать мою жизнь за меня, и в этом его главное проявление любви ко мне.

Я — по Его образу и подобию. Сам разберусь.

Люди наводнили мир злобой и жестокостью? Ну есть малехо, да. А Бог-то тут при чём?

«Боженька, мы тут насрали, приди-ка, убери за нами говно, если ты нас действительно любишь» — ага-ага.

Все эти стенания о жестоком Боге — это не разговор равных. Это товарно-денежные отношения, в которых люди жалко и убого пытаются купить у Бога поблажки — корыстной молитвой, жертвоприношением, собственными ограничениями.

Многие истязают себя — зачем? На что Богу наказания, истязания? Что ему с ними делать — на хлеб намазывать? У Бога что, дел интереснее нет?

Многие цепляют столыпинским вагоном к Богу такие земные слова, как «добро» и «зло», причем под «добром» всегда подразумевается то, что несёт благо конкретному вопрошающему. Любит вопрошающий чай — для Бога это должно быть добром, не любит кофе — кофе для Бога должен быть злом.

Людишки вообще много о себе воображают — они придумывают моральные лабиринты, теряют в них путь, а потом начинают пререкаться с Богом по пустякам.

Бог истинно мудр — он не вступает в дискуссии с идиотами. Не отвечает на любые попытки манипуляций и товарно-денежных отношений.

Проявляет тем самым уважение, даёт шанс обратить внимание на самого себя.

Он просто игнорирует, молчит до тех пор, пока вопрос не перейдёт в одну плоскость.

С Богом можно говорить только на равных. Диалог возможен только глаза в глаза.

Он красив, Бог. Он байкер, у него хромированный пыльный мотоцикл. Седеющие, длинные, редкие волосы, чуть удлинённое лицо, серо-голубые глаза. Смеющиеся складки у глаз, подвижные уголки рта. Неглубокие оспины на коже.

Я видел его несколько раз в жизни.

Я был в отчаянии и просил о помощи. Он мне всегда помогал.

В крайний раз, как мы с ним виделись, он лукаво подмигнул мне и сказал, чтобы я позвал его только тогда, когда не смогу с чем-то справиться сам.

Тогда я ещё не понял, что на самом деле значит эта формулировка. А значит она то, что я не позову его, потому что в состоянии справиться со всем сам. А ему достаточно лишь в меня верить.

Камо грядеши: 40, 79

ГЛАВА 30. СМЕХ МЕРТВЕЦОВ

Знаете, во всяких телепередачах, сериалах — когда нужно оболваненному зрителю подсказать, после какого слова смеяться, пускают смех за кадром. А когда нужно что-то отметить — пускают аплодисменты.

И бывает — камера обходит студию, там сидят людишки — немного их, а смех или аплодисменты такие, словно аплодирует или смеётся полный китайский стадион.

Это настолько нелепо, что мой дорогой брательник даже как-то сделал целую фейковую радиопередачу, где смех вставлялся в самые неподходящие по смыслу моменты.

Ну представьте:

Я вас любил, любовь ещё, быть может

В душе моей угасла не совсем *(га-га-га, зал взрывается хохотом)*

Но пусть она вас больше не тревожит *(аплодисменты)*

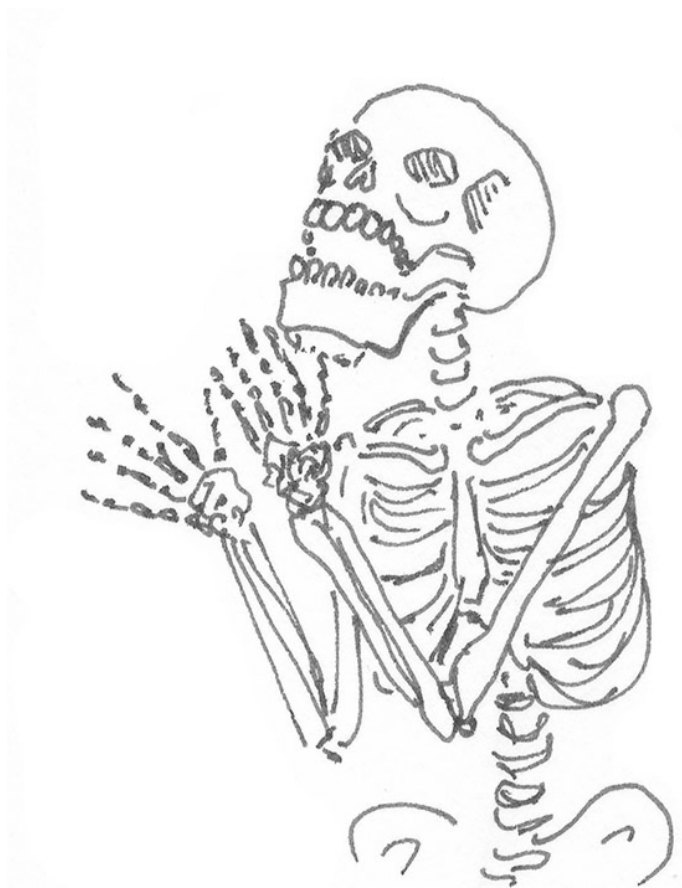
Я не хочу печалить вас ничем *(хохот, переходящий в истерику)*

Нелепо? Ага, да.

Но знаете, что самое нелепое, жуткое и символичное во всём этом? А то, что разные образцы смехов и аплодисментов были записаны ещё в 50–60-ые годы. С тех пор они не обновлялись — нужды в том нет. Сидит за кадром техник — нажимает на кнопку «смех» или «аплодисменты» в нужный момент.

А многие из тех людей, которые аплодируют или смеются за кадром телепередач — они уже давно мертвы.

Да-да, произносит какой-нибудь государственный муж речь — а ему аплодируют мертвецы.

Шутит какой-нибудь Петросян, смотря в нас масляными глазёнками, а его шуткам смеются мертвецы.

Каждый раз, когда вы вновь услышите смех мертвецов — задумайтесь над этим глубочайшим символизмом.

Камо грядеши: 63, 88

ГЛАВА 31. КОГДА БОГ БЫЛ ЗМЕЕЙ

Когда Бог был Змеей, Земля была каменистой.
Удушливые ветры волновали горькие воды.
По камням шуршал хитин.
Над гладью вод носился божий дух и клубился вулканический дым.

Когда Бог был Змеей, царила тьма. Живая тьма.
Хитин шуршал по лону тьмы.
Шелест вод царил на всей земле.
Удушливый запах преследовал Бога.

Когда Бог был Змеей, рождалась жизнь.
Там, в темноте, во чреве.
Именно туда, в темноту, в лоно, во чрево, упало первое семя.
Именно там, в темноте, оно возросло.

Когда Бог был Змеей, для меня всё только начиналось.
Я научился ходить.
Я пересекал горькие воды, вдыхал удушье, смотрел на вечно тёмное небо.
Мой путь и путь Бога разошлись.

...Иногда я чувствую близость к Змее.
Иногда я точно так же крадусь по камням, уползая в темень.
Но я помню — любое семя произрастает прежде всего из темноты. Оттуда.
И если кругом тьма — время расти. Время пришло. Бог дал жизнь.

Когда дети Бога выползли из вод, дым над Землёй разошёлся.
Безглазого хитина коснулись первые лучи, белые и радиоактивные.

Простирался мир.

Змея уползла в тёмные расщелины. Дети Змеи вставляли на ноги.

Камо грядеши: 61, 44

ГЛАВА 32. МАЙН КАМПФ. БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Есть такое путающее убеждение, что «мы победили», «наша Победа», «мы — народ-победитель» — так вот, это всё тупта. Мы — не победители. И это не наша Победа. И мы — не народ-победитель.

В войне участвовали и умирали конкретные люди конкретного времени — и это они победили, это их победа, это они — народ-победитель.

У нас принято бить себя пяткой в грудь и истерить — «мы победили!» — но мы не побеждали. Это наши деды и прадеды победили. Не я, не ты, не ублюдок с наклейкой «Забыли? Можем повторить» на тачке. Это не наше достижение.

Или как там — «у меня дед воевал!» — дед воевал, да, дед — молодец, к деду вопросов никаких — а сам-то ты кто? Кого ты победил? Чем вообще похвастаться можешь?

Это как в фильме про Чапаева — «к чужой славе подмазаться решил?!» — вот все, кто говорит о Победе во Второй Мировой как о своём козыре — все они подмазываются к чужой славе. Потому что своей нет.

Темой Второй Мировой, увы, целенаправленно пользуются подлецы и манипуляторы — приписывая победу себе, политическому режиму, государственному образованию.

Они лгут.

Все эти разговоры о Нашей Победе — они отвлекают от глав-

ного — от реальной жизни, от наших современных трудностей, от наших личностей.

Войны заканчиваются, а жизнь продолжается.

Та война закончена. Это не наша война. Это война тех, кто в ней участвовал и умирал.

Наше — последствия той войны. Наше — те войны, которые мы сегодня разжигаем сами.

Те люди, того времени, в тех обстоятельствах, когда к ним были вопросы их времени и их эпохи, на них уже ответили. И мы знаем ответ.

Но к нам — к тебе, ко мне, к говнюку с наклейкой на тачке, ко мрази на политической трибуне — ко всем нам их вопросы и их подвиги не имеют отношения. Мы живём в наши времена и отвечаем на вопросы нашего времени.

У меня воевал дед по отцу, Бутенко Иван Петрович. На момент начала войны ему было 14. Когда исполнилось 16, в 1943-м — он подделал документы, приписал себе два года и ушёл добровольцем в 3-й Украинский фронт.

Даже тогда его пытались комиссовать — очень уж был хилый, малого роста, совершенно не герой.

Войну прошёл в миномётных войсках, через Румынию, Венгрию, закончил войну в Австрии. Россыпь боевых наград.

После войны остался в армии на 8 лет. Был в Болгарии, Югославии.

Три ранения, после которых полагалась командировка домой, но на одно из ранений потерял справку.

Да и неудивительно — те справки о ранениях, что сохранились в семейном музее, разве что от дуновения не распадаются — на папиросной бумаге. Командировки домой не вышло.

У него было много медалей, но он их не любил. Никогда не надевал. Носил только орден, да и тот больше для того, чтобы

не лазить за документами ветерана войны каждый раз.

Часть медалей расплавил и приспособил на грузило для удочки, часть отдал сыновьям играть, а когда те половину затеряли, то и не расстроился.

Из администрации присылали уведомления — зайдите, получите полагающуюся вам медаль. Он не заходил.

Войну он прошёл человеком. Он никогда не манипулировал темой войны. Не ставил себе в заслугу, никогда не приводил её в свою пользу как аргумент.

Он пошёл на войну добровольцем — это было его решение. Мог бы и не идти.

Он решил пойти, из каких-то своих соображений о мире, жизни и смерти, но он не считал себя вправе этим в лицо кому-то тыкать.

Никаких «вы мне теперь должны, я воевал!». Это навсегда осталось для него чем-то очень интимным.

Он не любил празднеств, посвящённых войне. Не ходил на концерты, куда его стабильно приглашали посидеть в первый ряд.

Мог встретиться с однополчанами, но и то, больше в шахматы поиграть, побалагурить. Мог фильм военный посмотреть, но только если озорной и весёлый — даже в фильмах о войне он ценил жизнь, а не смерть.

Когда у него однажды отряд пионеров для газеты выспрашивал ответы на заранее приготовленные вопросы, он им сломал всю программу.

Они его спрашивают о самом ярком случае войны, а он им рассказывает, как вечером уходили с другом на боевое задание, а утром он тащил его на себе, уже без ног.

Они его спрашивают, скольких немцев он убил, а он им рассказывает о том, как смотрел на убитого немецкого парня и горевал, что девушка, чью фотографию у него при себе нашли,

не дожждётся теперь жениха, не народятся у них красивые дети.

Когда спрашивали, что помогало, без чего бы вы точно не выжили, честно отвечал — без американской тушёнки в банках, помощи от союзников.

На вопрос — верили ли нашим мудрым руководителям, что победа будет за нами — честно отвечал — не верил. А кто они такие-то, чтобы им верить? Когда известие пришло об открытии второго фронта, о массовом вступлении в войну войск союзников — только тогда и поверил.

В общем — хотели они интервью с суперменом, а получили с человеком, ушли озадаченные, не понимая, что им с этим делать. Интервью это, кстати, так и не напечатали. Очень уж оно шло вразрез с принятыми стереотипами.

Дал бы такое интервью кто-то сторонний — настучали бы по шапке и застыдили, а тут не придерёшься, не застыдишь — про войну говорит ветеран, с боевыми наградами, и по его рассказам получается, что война — это, прежде всего, совсем и не героизм, не слава, не доблесть. Война — это грязь, низменность, холод, голод, вши и ноябрьский окоп, в котором дед просидел всю ночь в ледяной воде, скрюченный, без возможности не то что согреться, а хотя бы разогнуться — всю ночь поливали шквальным огнём. Его однополчанин, разогнувшись на секунду, размять немеющие ноги, получил шальную пулю.

Сейчас по поводу войны творится безумие — всё меньше её свидетелей, поэтому всё шире простор для профанаций. Из памяти о войне сделали шоу ряженных, чиновничье безумие, полнейшее капище.

Профанации на тему войны обратились ритуалом для доказывания среди чиновников личного подобострастия.

Мне очень не хватает моего деда, который однозначно всё это безумие пресекал и опровергал все возможные слухи. Назы-

вал Сталина трусом и палачом собственной армии. Многочисленные попытки романтизировать войну считал глупостью, переходящей порой в подлость.

А иногда я думаю в противовес — может, и хорошо, что он этого не видит, — ему бы не понравилось.

Сейчас много кто кричит, что Великая Отечественная война — не такая же, как иные войны, и все, кто считает иначе — предатели Родины и оскорбители чувств ветеранов.

Мой дед-ветеран считал, что Великая Отечественная — такая же война, как и, скажем, 1812 года.

Тот же холод, голод, грязь и изменнность. Подлые манипуляторы, засылающие людей на смерть, прикрывающие собственную гниль пафосными словами.

Я вспоминаю мемуары Григория Климова, человека неоднозначного, но тоже ветерана войны:

«Было и то, и другое. Мне часто приходили в голову мысли о преступлении и наказании, о критерии вины и возмездия, где кончается справедливость и начинается преступление.

Кому приятно смотреть на труп молодой женщины, валяющийся в придорожной канаве? Нижняя часть тела обнажена, между ног ударом приклада загнана пивная бутылка. Войска бесконечной лентой идут по шоссе. Все видят этот труп в канаве, большинство отворачивается, но никому не придёт в голову убрать его в сторону. Труп лежит у дороги, как символ.

Символ чего? Тяжело судить обо всем этом. Ведь это варварство, заслуживающее наказания. Да! Но если вы поставите виновника под суд, то окажется, что его семья, жена, дети, дом — всё убито, сожжено, превращено в пепел теми, кому мстит он теперь. Пепел убитых стучит в его сердце. Он будет в истерике рвать гимнастёрку на груди и с обезумевшими глазами кричать: «Убей меня, если веришь, что я не прав!». Он до глубины души

верит, что он выполняет свой долг перед мёртвыми, перед Высшей Справедливостью. Он верит, что он прав.

У меня несколько раз поднимался пистолет... и опускался.

Где критерий справедливости? Что хуже — вина или возмездие? Кругом много жестокости, бессмысленной жестокости».

Однажды в детстве мы гоняли улицами нашего маленького городка в абрикосовых деревьях на Донбассе и играли в войнушку.

Представляли, что вот там, в сторону Донецка, линия фронта, а мы тут такие держим оборону.

Доигрались, блин.

Мы, пацаны, бегали, орали, кричали «пух-пух — ты убит!».

На канаву, на самодельную лавочку, вышел дед покурить.

Смотрел за нами, да как-то невесело.

Я к нему подбежал, он предложил в шахматы пойти сыграть.

Потом как-то тихо так, тихо — не то ко мне, не то в пространство больше обратился — «Не надо играть в войну. Она плохая».

Камо грядеши: 60, 33

ГЛАВА 33. ДОНБАСС ПОРОЖНЯК НЕ ГОНИТ

Фразу приписывают Януковичу.

Затем она широко разошлась в среде металл-групп — Восточная Украина оказалась кладезем множества забойных музыкальных коллективов, валящих бескомпромиссную музыку.

Шутили — регион шахтёрский, руки привыкли к отбойному молотку, и с гитарой делают то же самое.

— Дадим стране угля! Донбасс порожняк не гонит! Даёшь забой! — орали донецкие и луганские группы на концертах, и я в том числе.

И вот накликали. Кажется, сейчас Донбасс даёт стране угля прикурить более чем достаточно. Порожняка не гонит. Всё больше груз 200.

Чтобы понять систему, нужно выйти из системы. Стать марсианином, отвлечённым от земной предвзятости. Но даже так система не просматривается.

Викиликс вскрыл многое из подноготной властителей и сильных мира сего. Вскрыл переговоры политиков, их интриги, антипатии, лицемерие, надменность, глупость.

А также вскрыл главное — они, сильные мира сего, тоже ничего не знают.

Мы-то думали, что у них тайные осведомители, сведения, шпион под каждым кустом, лифт в жидомасонскую ложу.

А выяснилось, что самые сильные и влиятельные мира сего — обыкновенные люди, которые происходящее в мире узнают из тех же самых утренних газет. Которые, в свою очередь, пишутся на основе слов, ляпнутых политиками.

Разумеется, многим не хочется отказываться от Теории Всемирного Заговора, потому что она даёт иллюзию собственной значимости. Тогда можно сидеть с пивком перед телевизором, поносить американцев и считать, что ты не просто сидишь с пивком перед телевизором, а ПРОТИВОСТОИШЬ СИСТЕМЕ. Разница, согласитесь, звучит весомо.

Но я в Теории Всемирного Заговора не верю.

В мировой истории вообще крайне мало удачных примеров каких-то длительных и успешных заговоров. Почему? Да потому, что на земле невероятная разность людей, интересов, темпераментов, ментальностей, языков, общин, групп, территорий, симпатий и антипатий, исторических особенностей, национальностей, уровня образования, банков и финансовых структур, настроений элит, культуры, логистики, случайностей.

Чтобы вышел успешный заговор, все эти факторы нужно собрать воедино к одному знаменателю и удерживать длительное время.

Невозможно угодить сразу всем. Невозможно обеспечить полную стерильность информации. Что знает кум — знает кума, а что знает кума — знает вся деревня. Все, кто считает иначе — вы просто никогда не имели в подчинении больше трёх человек и не пробовали хотя бы этих трёх человек организовать на одно дело, вот и всё.

Помните фильм «Куб»? Кто не смотрел — посмотрите.

Там случайно отобранные, совершенно разные люди оказываются внутри огромного лабиринта, наполненного смертельными ловушками, откуда они пытаются выбраться.

Они делают это на отчаянной злости, на протесте, потому что считают, что тот, кто их туда посадил и построил весь этот смертельный лабиринт, наблюдает за ними.

Отчаянно выживают, назло — «Хочешь увидеть, как мы тут подохнем? Не дождёшься, сука!».

А потом до них доходит страшная истина — никто за ними не наблюдает. Они возомнили себя мало-мальски значимыми, а на самом деле тот, кто их туда посадил, про них забыл. Он обрёл их на мучительную смерть? Да, обрёл. Зачем? Да просто так, скучно было.

Людей пугает именно это. Многие смертельно боятся признаться себе в том, что их могут уничтожить ПРОСТО ТАК. Не за хорошее поведение, не за плохое. Не за поддержку, не за оппозицию. Просто так. Произвольно. От скуки.

Отчаянная попытка понять, что именно происходит с Родиной и с нами, тоже зиждется на убеждении, что во всём происходящем есть какая-то система, логика, заговор кукловодов, который необходимо разгадать. Есть властные и могучие сильные мира сего, передвигающие по доске шахматные фигуры.

А на самом деле проще и страшнее — нет никакой системы. Нет никакой логики. Нет заговора.

Есть лишь бурлящее скопище случайностей.

И да — в этом скоплении мнений, убеждений, иллюзий — всем абсолютно плевать на людей. На людей в целом и человека в частности.

Мы никому не нужны. Если нас будут убивать — никто за нас не вступится.

Поэтому и нет антивоенных демонстраций. Нет инициатив прекратить войну (а ведь серьёзные возможности у многих для этого есть). В общем-то для большинства ничего особенного и не происходит. Мы же привыкли ко всему этому, верно?

Были сводки новостей из Ирака, Сирии, Газы и Палестины, теперь вот из Донецкой области — ну так это даже интереснее.

А донбассцы? Да насрать на них. Кто они вообще такие?

А если завтра война придёт в Воронеж? Или Тулу? Или Владивосток?

Она туда не придёт, скажете? Ой-ой-ой! Нет там оснований под войну? Ой-ой-ой! Скажите это жителям сонных донбасских городков, в абрикосовых деревьях, где прошло моё детство.

Как там в том анекдоте про мальчика и доктора:

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Скоро будет четыре.

— Ой-ой-ой, какие мы тут оптимисты!...

Если нас убьют — мы станем героями теленовостей на день. Потом нас забудут.

Гражданская война столетней давности вернулась. Она ведь не была завершена — она была заморожена, купирована, забита, задавлена. Но её главный корень остался. Привычка видеть в друге, брате, отце, соседе, горожанине врага — она осталась. Привычка прощать воровство, подлость, трусость — осталась. А привычка принимать инакомыслие — нет.

Лежала долго эта война, как труп, в холодильнике. Отрубили холодильник из сети — труп и вывалился.

Преве-е-е-ед! Сто лет не виделись. Угощай кровавой колбасой. «Мы пришли, чтобы принести войну на эту прекрасную землю» — честно сказал Стрелков в начале заварухи.

Ради чего идёт эта война? Ни ради чего. За что умирают люди? Ни за что.

Они умирают только затем, чтобы мы оскорбляли друг друга в соцсетях, кое-как развеивая скуку.

У этой войны нет логики. Нет заговора. Как и у любой гражданской войны, в которой нет победителей.

Как и любую гражданскую войну — её нельзя закончить. Можно только прекратить.

Но этого никому не надо.

Ну сами посудите, представьте — война закончена, Донбасс зажил мирной жизнью, заколосились поля. Чем заниматься всем тем, у кого внезапно освободится много личного времени?

Получается, надо заниматься собой. Надо признать, что всё время, просиженное у телевизора с бутылочкой пивка, было вовсе не БОРЬБОЙ С СИСТЕМОЙ И ПРОТИВОСТОЯНИЕМ НАТО, АМЕРИКАНЦАМ И МАРСИАНАМ, а просто просиживанием единственной жизни с бутылочкой пивка, без малейшей тени личностного героизма.

Выяснится, что в доме не прибрано. Выяснится, что уважения нет. Выяснится, что пока громко кричал, так и незаметно как-то было, что вокруг царит одиночество. Звонящее такое одиночество, на всю жизнь. А у многих мороз по коже с ним встретиться и его признать. А-а-а! — завопят они, — верните нам войну! Она всё спишет.

Весь ужас войны — знаете в чём? В том, что война убирает внешние законы — а внутренних у многих, как выясняется, нет.

«А за что же умирали наши ребята?»

Наши ребята умирали просто так, ни за что. Их смерти абсолютно напрасны.

Ни один политик этого не признает, потому что это будет окончанием лично его карьеры, но это так.

Война прекратится тогда, когда погибшие Майдана, Одессы и Донбасса, как несчастные жертвы братоубийства, будут вызывать одинаковую степень скорби у всех сторон конфликта. То есть никогда.

Когда я окончательно перестану что-либо понимать в происходящем — я позвоню доброму другу детства Максимильяно.

Украинец с четвертью итальянской крови, хотя порой кажется по жестикуляции, что итальянской крови в нём на все четыре четверти. Люблю подойти осторожно и схватить его за руки, чтоб не махал — у него в глазах сразу такая забавная паника.

Не сколько даже за информацией позвоню, сколько голос услышать и успокаивающий акцент:

— Максимильяно, что там у вас, блять, вообще творится?

— Та шо, у нас тут трохи стреляють, а так усё пучком. Приезжай!

Камо грядеши: 38, 95

ГЛАВА 34. ЦЕЛУЯ ЩИКОЛОТКИ БОГИНИ

Хвала Королеве! Киев распахивает дымные двери.

В России великая алкогольная культура. Гениальный алкаш — главный лирический герой русской литературы.

Вся эта достоевщина, с сумрачными героями, разговаривающими взволнованной скороговоркой.

А в более южных странах предпочитают курить. Там демон живет не в бутылке, с её злым пойлом — там демоны витают в сизых клубах дыма.

Между Россией и Украиной очень много различий. С каждым днём всё больше, что бы там диванные философы ни говорили. И одно из — хождение под разными демонами.

Россия ходит под алкоголем. Украина — под травой.

Демоны эти разные. Прежде всего своим нравом — у алкоголя нрав мужской. У травы — женский.

Алкоголь прямолинеен. Он обостряет. Он запускает злость. Или бесшабашное веселье.

От алкоголя наливаются свинцом кулаки. Алкоголь сбрасывает моральные оковы — именно оттого алкоголики нередко обаятельны. Они естественны в своих порывах.

Алкоголь не создаёт иллюзий — он честно заявляет, что убьёт. И убивает.

А трава — о-о, она иная. Она по-женски коварна.

Она действует лаской, хитростью, убаюкиванием. Она змея, древний женский символ яда и мудрости.

После алкоголя лезут в драку и идут свергать действующий строй. А после травы никуда не идут. С травой возлегают как с женщиной.

Алкоголь захватывает в заложники и честно об этом говорит. Ты — мой.

А трава — трава нет. Она по-женски плетёт сеть. Она как бы всё время воркует — ты свободен. Ты независим. Ты в любую минуту можешь от меня уйти. Нашёптывает сказки.

Травокуры, все как один, живут иллюзией, что трава — это так, баловство. Ну покурят они, ну попадут снова в тот же ласковый плен — ну и что? Что от этого?

У алкоголиков тоже такое бывает — «вот захочу, и в любой момент брошу» — и не бросают. Но у травокуров чаще и масштабнее.

Одно дело — выйти на бой с мужиком, прямо и открыто, пусть он и силён, как буйвол. А другое дело — упасть к женщине в сладкий омут.

Любопытно посмотреть на отношение травокуров к траве — они и относятся к ней, как к женщине.

Они с ней так же ласковы. Они так же её защищают. Они так же о ней думают.

Они тоскуют по траве, как по женщине. Они живут мечтой, что возвратятся откуда-то и упадут с нею в объятия. Сольются в один клубок, станут единым целым, как в момент оргазма.

Поскольку истинная женщина-царица может быть у мужчины только одна — абсолютное большинство травокуров, которых я знаю, в отношениях не состоят.

Место занято. Пустить реальную женщину, живую, мясную-костяную — некуда.

Да они и не хотят. Травокуры подобны опоенным дурманным зельем — они постепенно, незаметно забывают — кто они, откуда и куда. И женщина им становится не нужна.

Как правило, по мужской части у них не хуже, чем у других — таки трава афродизиак, но в их модели мира человеческая женщина постепенно исчезает.

На что им женщина? Трава полностью забирает все женские территории души.

Они живут одни, в обнимку с бульбулятором. Их легко вычислить, если знать их волну.

Есть целый город, который по своему настроению, духу, колебаниям и вибрациям — весь живёт на травяной волне. Это Киев.

Есть особая порода киевлян-травокуров. Я их опознаю мгновенно, даже за пределами Киева.

Они все курят траву, и это уже стало настолько обыденным, что они искренне удивляются, что где-то может быть не так.

Тут скорее предложат затянуться, нежели выпить при встрече.

Они живут в своей травяной субкультуре. Всё построено на своих цитатах, отсылках на знаковые фильмы, группы, книги. Эти люди разговаривают на своём языке, где всё построено вокруг травы — она их великая Богиня, они все — скромные воины у её ног, её прелестных щиколоток.

Они пользуются терминами, которые непосвящённым ничего не скажут. Но своих-то они прекрасно понимают.

Каждое слово как пароль. «Я — такой же как и ты. Мы все любовники одной Богини».

Трава — она живая, осязаемая, человеческая. Она манящая. От неё пахнет женщиной. Её все вожделеют, и она живёт этим. Вся её жизнь построена на этом — она неуловимо ищет, ищет, набирает себе любовников.

Она даёт кумарное счастье. Но она забирает душу. Это её обязательное условие, часть сделки.

Нельзя любить эту Богиню и быть ещё с кем-то и с чем-то. Она ласкова, но ревнива.

Пока ты её раб, целуешь её колени и вдыхаешь дымный аромат её лона — она позволяет себя любить, плавать в облаке её любви.

Но горе тому, кто скажет ей, что желает её оставить — здесь трава откроет себя с иной стороны, со стороны разрушительной Кали.

Любой, кто отдаётся траве, оставляет ей душу в залог. И любой, кто посмеет попытаться её бросить, столкнётся с укусом змеи — в эту самую душу. Трава просто так не отдаст.

Она по-женски будет мстить. Она будет совершенно безжалостно уничтожать — никто не смеет бросать Царицу. Никто

не смеет отказывать ей в любви. Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку.

Алкоголь, в силу своего мужского характера, всё-таки честнее. Трава же способна уничтожить так, что уничтоженный даже не успевает осознать, что он уже мёртв.

Те, кто отдал свою душу траве — те плавно уходят в другой мир. Не мир мёртвых. Но и не мир живых — мир теней, где пляшут в забвенье.

Трава атрофирует в человеке человека — и делает это очень мягко, незаметно. Трава заберёт все таланты, всю энергию, все амбиции, все мечты. Всё заберет. Оставит только оболочку. Тень влюблённого, не видящего ничего, кроме своей демонической возлюбленной.

Адепты, не понимающие того, что они адепты. Наркоманы, уверенные в том, что они не наркоманы.

Безнадёжно потерявшие себя — уверенные в том, что это всего лишь игра.

Мёртвые души, хохочущие на залитых дымом полянах.

Меня не покидает ощущение хождения по иному миру. Тут всё дышит, в буквальном смысле, волшебным, злым дымом Танцующей Богини.

Люди, запахи полей, щербатые плиты спальных районов. Ночные окна.

Воспоминания через кумар. Великая столица, великое посольство, великая ставка Королевы.

Самая ласковая из смертей. Самая сладострастная из неземных женщин.

О-о, Богиня, сотни твоих последователей возносят тебе хвалу через чиломы, бульбуляторы, косяки.

Передают из рук в руки пакеты с твоей благодатью.

Королева, у которой много имён. Конопля, царица полей.

Мэри Джейн и её последний танец.

Великая Богиня и незаметно захваченный ею без единого выстрела великий, неспящий город.

Камо грядеши: 82, 2

ГЛАВА 35. МОЯ МОСКВА

В Москву я попал подростком, переехав в очередной раз вместе с родителями. Здесь заканчивал школу.

Мой старший брат сказал, что видал я эту вашу Москву в гробу, и никуда я из Киева, самого прекрасного города Земли, не поеду. И остался.

Долгое время я по Киеву тосковал.

Москва тогда, особенно на контрасте, была ужасной — холодная, просто невероятно грязнучая. Одинаковые серые пальто, остервеневшие лица, атмосфера мучительного несчастья и алчности.

Я, привыкший к малоросской отвязности, вдруг попал в какую-то чопорную, серую атмосферу. Поразило то, что стереотипы о маАсковском акценте оказались буквальной правдой — все действительно растягивали «а» и жеманничали — «как па-а-агод-ка в Ма-аскве?». Или вот — «мне бы за-ажигалочку, с га-а-азком».

Это оказалось очень прилипчивым — я, привыкший шокать и гакать, а также тараторить сто слов в минуту, подхватил эту заразу поверх казачьего говора.

В Киеве я стал москалём, в Москве хохлом. Зашибись, думаю. Хоть на границе поселяйся.

Мне было очень плохо. Московская серость ужасна. Ужасна тем, что сперва она убивает явно, но потом к ней привыкаешь, перестаёшь замечать, а она убивать продолжает.

Ощущение жизни в сейфе.

А ещё ужасающая инородность. Я чувствовал себя занозой, которую тело выталкивает вместе с нарывом.

Нет-нет, никакой враждебности — напротив, абсолютное большинство москвичей, особенно урождённых — замечательные люди. Одни из лучших людей, с которыми я где-либо знакомился.

Москвичи миролюбивы. Склонны к пустоватым, но ненапрягающим философствованиям. Очень консервативны. Податливы к ностальгии, к романтике жёлтых фонарей дождливых улиц. К уюту горького чая в маленьких кухнях хрущёвок.

Мне за москвичей обидно — им выпала без спросу непростая судьба жить в городе, который одновременно является столицей, мегаполисом, исполином и, вместе с тем, совершенно местечковым, междусобойным конгломератом дворов, с шапочным знакомством бабушек на скамейках.

На карте метрополитена кольцевая линия изображена схематично, и кажется, что она большая — а посмотрите на карту в реальных масштабах — она ведь крошечная. Проехать круг — всего минут 40, включая время остановок.

Центр Москвы совсем небольшой.

Москва меняется. Я за ней пристально слежу — свидетельствую.

Похоже, я один из немногих людей, кто считает, что в лучшую сторону.

Мне понадобилось много времени, чтобы просто примириться с Москвой. Потому что одно время я обвинял её во всех своих бедах.

Когда я примирился с собой, то и упрямое сердитое противостояние с Москвой прекратилось.

Наступило удивительное время паритета — Москва уже

не была способна меня опрокинуть. А ещё я вдруг ощутил, что я её знаю, ориентируюсь в ней, чувствую её.

Когда с ней на равных — открывается бескрайнее море возможностей.

Однажды я созрел до того, чтобы взглянуть на неё с любовью.

И оказалось, что там, где все видят большого, загазованного, безобразного монстра — на этом месте стоит маленькая, испуганная, брошенная девочка. Крикливая, капризная, по-детски злая. Но девочка. Ребёнок, который в горе от того, что никто его не видит, никто им не интересуется, никто не возьмёт на ручки.

Я начал ходить по Москве и фотографировать её. Не всегда целенаправленно — нередко на бегу.

Фотографировать Москву-ребёнка, Москву-самодурную барыню, Москву-хозяйку, которая ждёт гостей к себе на чай с пирогами, а никто к ней не идёт. Москву-барышню, кокетливую, в сарафане, которая строит глазки.

Москву абсурдную. Москву-хаос. Москву-разнойбой.

Московский абсурд особый — он родился из быта, созданного на бегу. Из клочков разных жизненных материй. Из переулков, в которые волей судьбы оказались втиснуты люди с разными судьбами.

Москва, что бы ни злословили, легко принимает. Она удивительно незлопамятна — можно много раз обжечься, но всегда получить очередной шанс.

Меня коробит, когда кто-то начинает Москву надрывно и зло хаять. Вспоминаю себя, когда делал так же, становится неприятно и стыдно.

Мне интересна Москва настоящая. Интересна тем, что она есть, а все делают вид, что её нет.

Интересна Москва-обжора — которая боится не успеть и запихивает в себя больше, чем может прожевать.

Интересна Москва-тихая — вы знаете, сколько в центре Москвы тишайших и зелёных мест? Вы даже не подозреваете, сколько их.

Мне интересны московские люди — спешащие на работу клерки и дворники-таджики, старожилы в старомодных шляпах и бойкие девки из шлакоблочной провинции.

В своё время многие не понимали Гиляровского — в Москве ведь и храмики белокаменные есть, в них можно лбом в икону колотить, как окаянный, да медок у попады кушать. А он шляется по местам, куда приличный человек и не ступит, знает всех извозчиков, дворников-татар, злачные местечки, рюмочные, косые, смертельно опасные переулки бандитской Хитровки. Чего ему не хватает?

Эх, а не зарисовал бы он ту эпоху — что мы бы знали сейчас об этих самых московских изогнутых улицах, где Есенину помереть сулил бог?

Я не претендую на его лавры. Но я сам перед собой, перед следующими поколениями чувствую ответственность — если я не зарисую эти исчезающие приметы эпохи — найдется ли ещё хоть одна фотография? Хоть один рассказ? Хоть кто-то сделает акцент на том, что вижу я и не видят сотни других, каждый день проходящих мимо?

Залезут историки в архив нашего айфонного века, чтобы узнать, как их деды жили — а тут шиш с маслом. Только Путин, и ничего святого.

Я не хочу, чтобы кто-то обиженно крякнул по такому поводу.

Тем более, тешу тщеславие, вспоминая Кржижановского или Булгакова — кто же ещё умеет так видеть Москву насквозь рентгеном, как не киевляне? В конце концов, не просто так про киевлян шутят, что это москвичи, не доехавшие до Одессы.

Бог ссудил мне видеть то, чего не видят другие. Моё дело — просто об этом рассказывать.

Это мой скромный вклад в историю города, который не стал мне родным и не станет, но который я люблю, и желаю ему жизни.

Камо грядеши: 5, 36

ГЛАВА 36. ПОДМОСКОВЬЕ. ЧТО ТЫ МИЛОЕ, СМОТРИШЬ ИСКОСА, НИЗКО ГОЛОВУ НАКЛОНЯ?

Когда-то в мою жизнь ворвалась Москва. Ровно в то же время в жизнь мою ворвалось и Подмосковье, по принципу — живёшь со мной, живи и с моей собачкой.

С Москвой разобраться оказалось проще. Она на виду.

А Подмоскovie — как провинциальная младшая сестрица, которая безнадежно в тени старшей сестры-фаворитки.

Если старшая сестра выбирает сама, с кем ей гулять и ухаживания какого кавалера принять, то младшей сестре достаются объедки с барского стола — все, кто был отвергнут старшей, кто не сдюжил с ней конфетно-цветочный период.

Если старшей достаточно топнуть ножкой и заявить, то младшая вечно неуверенна в своей привлекательности, поэтому бездумно пропускает через свою постель всех, в том числе заведомо нежеланных и безнадёжных.

Этим пользуются, зная, что если Москва, проявив нрав, прогонит, то младшая сестрица примет.

Время и деньги становятся взаимозаменяющим ресурсом: хочешь близости к Москве — плати за кратчайшее время, не хочешь — будь готов убивать невосполнимый ресурс в забытых утренних и вечерних электричках.

А потом вспоминать на смертном одре, подводя небогатые итоги прошедшей жизни — жизнь моя прошла в тамбуре электрички, в тусклом свете салона автобуса. Да даже если и за рулём собственной кредитной машины — так тоже в пробках, в извилистом белёсом дыму впереди стоящего.

Подмоскovie всегда накормит. В этом не отказывает.

Но не всегда развлечёт на выходные.

Коварность взаимоотношений с Подмоскovieм — в вечном сравнении со старшей сестрой. И в вечной обиде за то, что с младшей сестрой остался по остаточному принципу — всё равно со старшей как-то не срослось.

Младшая сестра это чувствует. Чует, что с ней остались не из любви

к ней, а просто «чтобы было». «Надо же хоть с кем-нибудь жить».

И она обижается и скорбит в ответ, зная, что её не видят. А если и видят — пренебрегают.

Похоже, разрешение конфликта тут такое же, как и с людьми — разделить их. Перестать сравнивать. Да — они ближайшие родственники, но они разные.

Перестать пенять младшей, что у неё нет уверенности и напористости старшей. Перестать обижаться на старшую, что она более разборчива, чем младшая, в своей постели (хотя и обе слепые), и легче отвергает.

Не ждать от старшей жалостливости младшей. Заметить своеобразную красоту младшей сестры и через статусный, напускной лоск.

Перестать мстить одной за счёт другой и срывать на одной обиды на другую.

Тогда Подмоскowie начинает раскрываться иначе.

Выясняется, что тут другие лица, другое в них содержание. Другой быт. Сильно разнятся нравом самые разные городки, даже если и неразличимы внешне.

Всю жизнь старшая сестра забирала к себе основное внимание.

Кажется, пора рассмотреть младшую барыню.

Ту самую, в чьей постели не раз бывал, в которую много раз размашисто входил, а с утра скрипучим голосом просил её дать похмелиться (и похмелялся в итоге, и давала), а лица так и не рассмотрел.

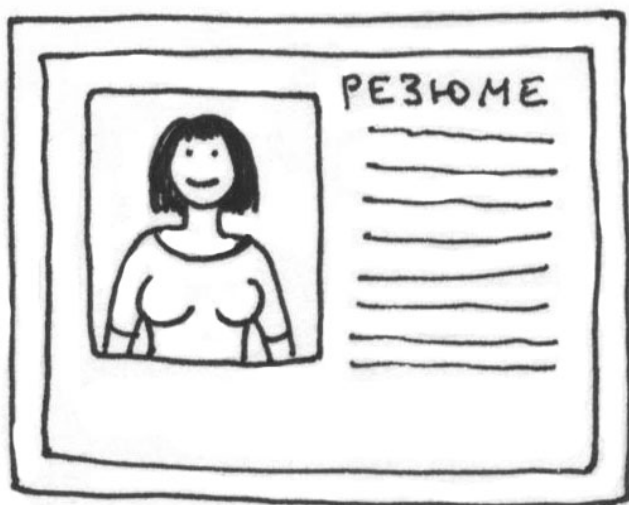
Гульчатая, открой личико. Кто ты? Какая ты?

Камо грядеши: 87, 77

ГЛАВА 37. СОБЕСЕДОВАНИЕ

Финал рабочего дня.

Разбор резюме соискателей на вакансию. Рассмотр фотографий, отпуск комментариев, критичные похмыкивания, одобрительные возгласы.

Под занавес:

— Ну что, кого на собеседование звать будем?

— Зови С. Л. — если на работу и не возьмём, так хоть попрочим.

Камо грядеши: 82, 8

ГЛАВА 38. БЕЛГРАД. ГОРОД ПОД ОГНЁМ

Фью-ю-ю-ю-юи-и-ить!

Ба-бах!

Пыль, ад, мрак. Камни с неба, ручейки людей в бомбоубежища.

21 век распахивает ворота, бомбардировщики над центром Европы.

Белград глотает снаряды. Жри, Господи!

Стоп, погоди, как это?!

Как это, чёрт побери, вообще вышло?!

Мы же две мировые войны пережили. Не у нас ли тут, в солнечном Сараево, вальнули Франца-Фердинанда, да запустили маховик Первой Мировой? У нас!

Мы же учёные! Да мы про войны всё знаем!

Или не всё?

Или не очень-то мы и учёные? Может, ничему нас время не научило?

Как же так? Что произошло?

Была могучая Югославия. Шутка ли — югославский паспорт вездеходом называли, по нему чуть ли не по всему миру принимали.

Славянское государство, сербы да хорваты, босняки да словенцы, черногорцы да македонцы.

Ну да, католики да православные, да единственные в своем роде славяне-мусульмане. Ну и что? Религия — опиум для народа.

А хорвату да сербу — чего делить? Да даже язык, и то один, сербскохорватский.

С чего всё началось, кто вообще помнит?

Мы сидим на пожарище, роняем горькие слёзы в пепел — что, да что вообще произошло?! Мама! Папа! Господи! Что с нами?! Кто мы?!

Как в дурном сне — Сребреница, Приштина, женщины и дети, старики да вчерашние соседи.

Стоять насмерть.

Сараево в котле, под перекрёстным огнем. На горах засели снайперы — валят любого, кто появился на улице — серб, босниец, в платке, в парандже, в рубашке, босиком.

Расстрелянные валяются в собственноручно вырытые могилы. Вчерашние друзья, сегодняшние враги, завтрашние рыдающие на пожарищах, обхватившие голову руками.

Прости нас, Господи, ибо не ведаем, что творим.

Фью-ю-ю-ю-юить! Ба-бах!

Пуля встретит свою рану. Вдаль промчит к своим богам.

Беспомощность. Беспомощность что-либо изменить — страшное проклятие живых, не в силах снести которое, некоторые завидуют мёртвым.

Летит снаряд — и уже ничего нельзя сделать. Нельзя задержать его, отмотать плёнку, стереть ластиком неудачные главы.

В кассе нет обратных билетов. Туда не ходят поезда.

Помните «Андеграунд» Кустурицы? Белград, в очередной раз оказавшийся под бомбами.

Война — это всегда наркотическая доза сюра. Бомбы упали в Белградский зоопарк, и расстреливаемый город наполняется зверями, которым некуда приложить свою внезапную свободу.

Герой хватает на руки обезьяну — просто затем, чтобы спасти хоть кого-то. Ну хоть кого-то. Слишком ужасно одномоментно смириться с мыслью, что сейчас, когда разговаривают снаряды, один отдельный человек уже ничего не решает.

Если говорит снаряд — значит, человек уже проиграл. Финита ля комедия. Сливайте воду.

Горе побеждённым. Их слова ничего не стоят. Их деяния иллюзорны.

«История — не учительница, а назидательница, наставница жизни; она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», — говорил пан Ключевский.

Урок не усвоен — урок повторяется. Добро пожаловать в лицейский класс под названием «жизнь».

Нас ожидают упрямо не принимаемые банальности. Этот обед мы уже ели? Время съесть его ещё раз.

Некого винить.

Просто каждый раз, когда с неба летит бомба — что-то мы опять сделали не так. Что-то опять очень простое не усвоили.

Что-то банальное, и всем уже изрядно своей избитостью надоевшее — про ценность человеческой жизни.

А пока... Пока остаётся просто молиться за погибших. Пусть возьмут их — усталый Аллах, грустный Христос, или ещё кто-то, неважно кто — и проводят туда, где им омоют раны.

Камо грядеши: 32, 23

ГЛАВА 39. РОССИЙСКИЙ МОРДОР

Творчество Толкиена не люблю — оно кажется мне невероятно нудным и скучным. Не из удовольствия, а чтобы разобраться в матчасти, прочёл-таки «Властелина колец», радостно выдохнув, когда он наконец-то закончился.

«Сильмариллион» меня разозлил — лучше учить латынь, чем этот бессмысленный справочник — ценнее будет.

«Хоббит: туда и обратно» вызвал раздражение своей сказочностью, откровенно слабой и натянутой, как гандон на глобус, где упор не на сюжет, не на изящность ходов, а на натужные фантазии и дотошное перечисление никому не интересных родственных перипетий, все эти Двалины, Балины и Сталины.

Что меня удивляет — масштаб фанатения по Толкиену среди приверженцев металл-музыки.

Во-первых, странно оттого, что есть творцы, более подходящие духу металла — тот же Лавкрафт, идеальный писатель, созвучный с металлом — но масштабы почитания его творчества несоизмеримо меньшие.

Во-вторых исходит из «во-первых»: Толкиен — ревностный христианин, а абсолютное большинство металл-групп, использующих артефакты его мира — открыто антихристианские.

Разве лишь симпатии всегда распределяются более логично, нежели Толкиеновский набор рекомендуемых «хороших» эльфов, от хорошесть которых тошнит, как от гимназиста Антоши, и «плохих» орков, которые, напротив, завораживают своей необузданной, дикой, варварской силой. Как сказала одна девушка — они маскулинные, их чуть отмыть, привести в порядок — и загляденье будет, мужик в постель.

Но я могу понять масштабы очарованности творчеством Толкиена и разгул толкиенистов — в основном безобидных, но совершенно чокнутых.

Толкиен создал волшебный мир, где каждый может вообразить себя героем. Будь ты хоть мохноногий хоббит, нрава кроткого.

Вообще, культовыми фигурами становятся те, кто умеет дать утешение тоскующей душе. Кто сможет утолить в ней романтический голод.

Именно поэтому одни авторы становятся объектами покло-

нения — они дарят миры, где души романтиков получают утоление рвущей жажды, а жизнь обретает ореол неуловимого смысла. А другие — другие остаются просто авторами.

Причем романтизировать можно совершенно по-разному. Это уж авторский стиль, у каждого свой.

В чем культовый статус Цоя, как думаете? А он просто-напросто взял обыденную рутину и тоскующего обывателя в ней — и сделал его героем своей реальности. Романтизировал те вещи, которые изначально просто вещи, просто быт.

Можно выйти из котельной на морозный воздух и закурить горькую папиросу. Как делают тысячи тысяч. Не придавая этому больше смысла, чем просто ещё одна выкуренная папироса.

А можно выйти из котельной на морозный воздух, закурить горькую папиросу и пропеть: «Доброе утро, последний герой! Доброе утро тебе и таким как ты».

Физическая реальность — та же самая. Действия — те же самые. Смерд папиросы — тот же самый.

Что изменилось? Романтическая основа появилась! Томящий бэкграунд.

Можно курить папиросу и быть просто смердуном на морозе. А можно курить папиросу и быть последним героем, нежить душу этой сладкой романтической тоской. Сдерживать под курткой рвущихся скакунов.

Цой подарил мир, где любой обыватель мог стать «последним героем» — просто взять и стать им, в один миг. И уже совсем по-иному светились тогда в домах окна. Совсем по-иному звучали собственные шаги.

Это очень такое, человеческое — дарить себе иллюзию смысла. Наделять смыслом хоть что-то, чтобы не сойти от нигилизма с ума.

Толкиен дал именно это — подарил мир, где каждая душа могла найти себе виртуальное пристанище.

Я застал толкиенистские игрища в подростковые — самого меня это коснулось мало, это было не более чем игрой, но для других это была не игра.

Люди преображались. Они на самом деле начинали верить в то, что кругом не лес в Калужской области, а просторы Средиземья, а сами они — вовсе не люди. Глаза становились потусторонними, это был настоящий подростковый побег от реальности. Прыжок неустойчивой психики.

Да, в это время психологический гнёт сильнее всего — конец школы, поступление в институты, родительские поучения. Впереди взрослая жизнь, которая ассоциируется только с пиджаками, оплывшими телами в них, идиотскими, тухлыми, неинтересными разговорами о даче, погоде и учёбе. Подростки в это время сбегают — кто из-под опеки, кто из дома, а кто и из жизни.

Толкиенисты-подростки — дети из хороших семей, в основной своей массе. Дети воспитанные, умные — и дети, которые задавлены непомерным грузом родительских и общественных ожиданий. Слишком много от них ждут и хотят.

От них ждут мгновенных успехов в областях жизни, с которыми их никто, кстати вспомнить, не познакомил.

Многие не выдерживают такого груза. Смертельно боятся не оправдать ожиданий.

На игрищах было весело — если абстрагироваться от фанатизма некоторых, кто быстро терял связь с реальностью и становился истинным берсерком, рубящим без разбору.

Прикольно было, что в орки шли в основном молодые и щуплые. А в хоббиты — большие, татуированные мужики.

Они себе даже прозвище аббревиатурой придумали — ДШБХ — «Десантно-штурмовая бригада хоббитов». Надо было видеть, как разъярённые хоббиты выскакивали из лодок и легко брали Мордор штурмом.

Впрочем, Мордор (палаточная база, окружённая стеной старых покрышек) был тем ещё местом — как-то пошли (я тоже с хоббитами тусил) вдвоём в разведку и случайно добрались до Мордора. Нас оттуда окликают часовой — «стоять, кто идёт, кто такие?». Мы отвечаем, откель мы будем, кто мы родом. Он интересуется внезапно — «вы объявляете осадное положение?».

Такой вопрос мне задали первый раз в жизни, и я отчётливо ощутил, что вряд ли ещё в моём земном бытии представится подобный шанс.

«Объявляем!».

Часовой перегнулся к себе через стену: «Ребята, мы на осадном положении!».

Так два хоббита, случайно забредшие не туда в разведке, мимоходом объявили осадное положение Мордору.

В список странных фактов обо мне можно вносить ещё и этот — я объявлял осадное положение Мордору — кто ещё может таким похвастаться?

Прошли годы, я вырос, стал взрослым, брюзгливым и скучным. Хоббиты и орки тоже выросли. Занял ли кто-то их место?

Иногда я их вспоминаю, когда еду по пустынным и убитым техногенным местам.

Мне мерещится Мордор и орды кочующих урук-хаев.

Камо грядеши: 50, 13

ГЛАВА 40. ЛИЦА ПОДО ЛЬДОМ

Я смотрю и вижу лишь сплошь недолюбленных детей, которых просто не прижали к сердцу и не прошептали им того, что они так хотят услышать.

Дети, брошенные без любви в самой трясине ледяного плена.

Их лица, с широко открытыми глазами, подёрнутые белой паутиной, замёрзли подо льдом.

Они, озлобленные и ослеплённые, словно взбираются со сломанными ногами на высокую и крутую гору.

Ноги сломали себе сами.

А чем выше — тем сильнее в горах буран. И тем кровожаднее открывают пасти бездонные пропасти.

Старичок Стинг пел — только на одно у него надежда, что русские тоже любят своих детей.

Но иногда мне становится страшно. Иногда мне кажется, что русские не любят своих детей.

Камо грядеши: 78, 6

ГЛАВА 41. СНУСМУМРИК

Образ Снусмумрика срисован Туве Янссон с несостоявшегося жениха.

Снусмумрик носит старую шляпу, играет на губной гармошке. Играет весёлое — все в пляс, играет грустное — все пригорюниваются.

Он был в неведомых странах, пересекал озёра из лавы, плыл в неизвестность вместе с пустоглазыми хатифнаттами, ходил по лесу в сотне километров тишины.

О своих странствиях он рассказывает небрежно, украдкой, уносясь взором в воспоминания.

Он видел невероятное, но не сможет рассказать и тысячной части. Да он и не стремится.

У него случаются попутчики. Но нет соратников. И никогда не будет.

Снусмумрик не привязывается к материальному. А живые существа материальны так же, как и палатка.

— Конечно, это никакая не тухлая, а чудесная жёлтая шёлковая палатка. Но не надо слишком привязываться к собственности. Брось её.

— Прямо через край? — растерянно спросил Снифф и перестал плакать. Снусмумрик кивнул. Снифф подошёл с палаткой к краю пропасти.

Сколько Снусмумрик выбросил из своей жизни в пропасть? Этого мы никогда не узнаем. А он сам не скажет.

Хотя нет-нет, а вспомнит кого-то. Потом словно чего-то испугается, увидит призрак прошлого и затихнет.

Снусмумрик ходит по жизни и странам и приручает, направо и налево. Как только приручит, как только шевельнётся тёплая привязанность — Снусмумрик исчезнет.

— Ты хочешь уйти?

Снусмумрик кивнул. Они сидели и молча болтали ногами над речкой.

— Когда ты уходишь? — спросил Муми-тролль.

— Прямо сейчас, — сказал Снусмумрик, соскочил с перил и потянул носом утренний воздух.

Он не злой и не безжалостный. Он просто уходит. Просто уходит.

Что-то ампутирует внутри себя и уходит.

Счастлив ли он?

Вспоминает ли тех, кого приручил, и кто сейчас за горизонтом ночи думает о нём?

Снусмумрика знают молчаливым, компанейским. Весёлым,

спокойным, лёгким, обаятельным придумщиком.

А знает ли кто, каков Снусмумрик в дороге?

Что у него на душе, когда он один, из ниоткуда в никуда, в богом забытой стране, среди существ, не разговаривающих ни на одном из понятных языков?

Что увидится в его глазах, если в этот момент в них взглянуть?

Иногда Снусмумрик думает: «А вот сейчас я исчезну. Сойду на обочину дороги и пропаду. И никто не узнает, где я».

И в этот момент Снусмумрик становится таким, каким его не видел никто — скованным щемящим ужасом, словно холодная, зеркальноглазая змея подкралась, обвила тело и смотрит пристально и недвижно, размышляя — съесть ли сейчас живое, испуганное, сжавшееся сердце, или подождать?

Этого нет у Туве Янссон.

Но это есть на душе Снусмумрика.

Откуда я это знаю про него?

Да знаю уж. Знаю.

Камо грядеши: 56, 75

ГЛАВА 42. ЛО. ЕЩЁ ОДИН ДОЖДЬ

Вот уж который год, как потерялся контакт — пропала привычка мило болтать по вечерам.

Поздороваешься, спросишь о том, о сём, потом об интимном, потом о грустном, потом о радостном.

Вечер плавно перетечёт в ночь, а ночь частенько и в пред-рассветные сумерки.

«Спокойной ночи, Коря! Я тебя целую», — скажет она.

Идёшь спать, а по телу мурашки.

Я знал каждую родинку по её фотографиям. Все капли солёных морских брызг на её купальнике. Блик в её чёрных-чёрных-чёрных глазах.

Каждый день, занимаешься домашними делами, возишься на кухне, бумажки по работе сделаешь. Ходишь лениво туда-сюда. Книжку полистать. В ванне полежать.

Волшебство чувственности днём сонливо. Еда со вкусом пластика.

И вдруг аська — О-ОУ! «Привет! Выходи поболтать».

Вскакиваю как собака, почуявшая своих.

За окном всё так же по дождю шуршат машины, по телевизору гундосит Путин, солнце не вылезает из-за свинца, но во всём словно изумрудный огонь зажёгся.

Холод осени гонит зной.

Я — самоуверенный, с опытом жизни и выживания, чуть потрёпанный, постоянно меняющий статусы — то я женат, то развёлся, то уже успел жениться снова.

Неуверенность скрываю цинизмом и небрежностью.

Всё, что трудно починить, привык рубить с мясом.

Никто не понимает, чем я занимаюсь. Догадываются, что криминалом, но конкретики никакой. Неуловимо всё.

Родился в Украине, живу в России. Периодически пропадаю из виду и вдруг появляюсь в непонятной точке земного шара.

По привычке поколения, выросшего в 90-х, каждую секунду готов оскалиться, зарычать и укусить, даже если никто не желал мне ничего дурного, а хотел просто погладить животное с вздыбленной холкой.

Она — сочная красавица, настоящая, текущая жидкостями еврейская девушка.

Молодая, но очень зрелая. Южные девушки рано распускаются.

Хармс уже всё сказал в своё время об этих жгучих дочерях Сиона, описал всю эту глубинную чувственность: *«Голая еврейская девушка раздвигает ножки и выливает на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубокую столовую тарелку. Из тарелки молоко переливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром... Голая еврейская девушка сидит передо мной с раздвинутыми ногами, её половые органы выпачканы в молоке. Она наклоняется вперед и смотрит на свои половые органы. Из её половых органов начинает течь прозрачная и тягучая жидкость».*

И вот сидим мы, она в Израиле, я в России.

«Печальная страна, а в ней твоё окно», — как-то скажет она обо мне строчкой из Шевчука.

Это одно из самого нежного, что я о себе слышал.

Мне каждый говорил, что я добрый. Я злился и не понимал, что это значит.

Она первая сказала это так, что я поверил. Хотя до сих пор не знаю, что мне с этим делать, если уж невозможно вернуть Господу этот странный дар.

Она меня поразила вообще сразу же — человек, который разговаривает по-русски, а ментальность при этом совсем не русская. Не российская, точнее.

Изумление. Словно пришелица с другой планеты.

Ей повезло — в Израиль она попала в свои шесть лет, достаточно рано, не успела врасти до этого, вырывать не пришлось. Думает на двух языках. Вставляет иногда забавные незнакомые словечки с характерным, картавым, вызывающим «х».

Она — плоть от плоти своей небольшой, но безумной страны, старой и молодой, древней и новой, история которой не похожа ни на какую другую.

Клочок трёх религий, пустыни, море и колючая проволока.

Безумие смешений, Европа посреди Ближнего Востока, дремучий Восток, просачивающийся из самых, казалось бы, пропитанных университетами людей.

И она среди всего этого. Органичная донельзя, чертовка.

Не будет высокопарным сказать, что она росла на моих глазах — так семь лет разницы.

Я в неё верил, и она это знала.

«Когда мне трудно, я представляю, что ты стоишь за спиной, и мне не страшно».

В неё очень легко верить и радостно.

Она мне давала выход из темноты, она была свечой, архаичной фигурой из древних иудейских сказаний. Царицей, именно в том, трудночитаемом смысле языка ветхозаветных пророков. Навсегда непостижимой, избранницей Бога.

И одновременно с этим — юной девушкой со свободным телом, кокетливой, взбалмошной, любящей кофе, испанский язык и танцы, коллекционирующей фигурки сношающихся овец. Очень миниатюрной — гораздо более миниатюрной, чем казалась по фотографиям.

Она вывела меня из очень трудного лабиринта. Возможно, на свете нет больше людей, которые могли бы это сделать для меня. Именно это и именно для меня.

...Самолёт заходил на посадку. Подо мной поползла набережная Тель-Авива, много раз виданная в эмигрантских фильмах.

Я, с мутными криминальными подвязками, только переставший быть невыездным после работы на оборонке, с чистым заграном, разведённый, без детей, без работы, да ещё и не еврей вдобавок и без родственников-евреев, не должен был получить израильской визы.

А если бы и получил — не должен был пройти жёсткий кордон аэропорта Бен-Гурион, страны, замершей между очередны-

ми войнами.

Но я даже не рассматривал это как опасность — я знал, что Бог меня проведёт через эти смешные земные придумки.

Мы встретились впервые под стенами Иерусалима, Вечного Города.

Там же был наш первый поцелуй — где-то на лужайке между дворцом Ирода, Голгофой и Геенной Огненной.

Судьба не лишена иронии и умеет разговаривать символами.

Я научился ходить по лабиринту плоти Иерусалима.

Я узнал настоящее дыхание ночного моря.

Я видел пустыни, становящиеся садом, гулкие бойкие торговые улицы. Земли, созданные надеждой, и земли, убитые неверием — часто они были разделены лишь огораживающей лентой.

Видел себя ребёнком и стариком.

Я-старик оглянулся и посмотрел на меня. Я был горбатым, худющим, со спутанными длинными волосами. Сам себе презрительно фыркнул. Отвернулся и ушёл вглубь домов.

Я был виден. Жить было не страшно, несмотря на то, что жить — это умереть.

Тогда Бессмертие мне показалось. Позволило себя рассмотреть.

Тогда я впервые узнал, что можно не только приезжать, но и возвращаться.

Она была для меня Живой.

Много-много позже пришли странные вопросы, суть которых невозможно было объяснить телу.

Тело не понимало, что это такое — разные государства, разные судьбы. Что такое бытовуха и как она утомляет жизнь, вымывает из неё огонь.

Попробуй, объясни ребёнку, что «нельзя». Почему нельзя? Ради чего нельзя?

Так и тело скрипело зубами и злилось, не получая своего,

того, что больше всего хотело.

Когда настал момент мне для себя самого принять решение — победил Снусмумрик.

Никто в этом не виноват. Я не умел в то время иначе. Не знал, что возможно как-то иначе.

Как часто мы причиняем самую острую боль тем, кого больше всего любим.

Она любила дождь.

Пикник «Ещё один дождь» был нашей песней. Я видел это — следы на морском песке, меняющие под водой форму и исчезающие навсегда.

*А дождь плетёт тебе серебряный шарф,
А дождь обнимет прозрачной рукой.
Сто долгих дней он тебя поджидал,
Сто долгих дней он мечтал о такой.*

*Как будто иду, всё время иду
По этой земле, как по тонкому льду.
Так смой все следы, слова уничтожь.
Прошу тебя дай, ещё один дождь.*

Будь осторожен в своих желаниях и в звучащих песнях — они сбываются.

Я не знаю, кто ты, тот или та, кто дочитал аж досюда то, что имеет отношение только к моему морскому омуту. Хотя это само по себе уже вызывает благодарность.

Что я хотел всем этим сказать? Ничего.

Ничего, правда.

Я не собирался писать ничего из того, что само написалось, попросило выхода.

Ничего, кроме того, что жизнь — это процесс, и иногда не нужно искать под него классификации и правила.

Я не знаю, как правильно.

Скорее всего, никто не знает.

Иногда я встаю перед незавидным выбором — боль или пустота. Я выбираю первое. Потому что второе ужаснее.

Нет ничего ужаснее нерастраченной нежности.

Подавленные чувства не имеют срока давности. Поэтому когда они просятся на волю — я их отпускаю. Что толку держать в клетке птиц?

Я не всегда понимаю, что именно я отпускаю. Что именно покидает меня.

Одно я знаю точно — единственный способ прийти в новое чувство — прожить старое. Не отмахнуться от него, не облить кислотой цинизма, не задавить внутрь и сделать вид, что ничего не было. А прожить — как бы это ни было страшно и больно. Получить новый опыт из старой ситуации.

Тогда освободится место для нового.

Это страх смерти, страх отпустить — страх отпустить, страх умереть, потому что кажется, что уже ничего никогда больше не будет, если не замумифицировать то, что есть.

Слава богу, это не так. Теперь я это точно знаю.

Как было — так не будет никогда, но обязательно будет как-то по новому, и не менее ярко.

Наверное, это всё, что я знаю о любви. И, наверное, это всё, что и нужно о ней знать.

Пусть живёт то, что просит жизни. Пусть даёт плоды то, что желает плодоносить. Пусть будет отпущено то, чему удел умереть.

Смерть — это рождение.
Дай умереть тому, чему суждено умереть.
Новое рождается на золе.

...И лишь стены Иерусалима будут навечно вечными.
Хотя кто знает.

Камо грядеши: 26, 9

ГЛАВА 43. НЕЖИТЬ

Познакомились на дискотеке. Лицо помню плохо.
Кругом шум, слова отрывистые. У каждого в руке по бутылке с энергетиком.

Сквозь неоновые лампы всё кажется кислотно-зелёным.
Люди мелькают. Всё как в мире людей — влетел астероидом без надобности в чью-то жизнь, сказал пару слов, исчез.

Пригляделся к ней. Блондинка чуть за тридцать. Приятно пухленькая. Синие джинсы, белая блузка.

Таким очень легко придумывать биографию — школа в небольшом городе, ранний брак, ребёнок. Родители пьют. Муж бросил. Переехала в Москву. Жила в общежитии. Подрабатывала. Сейчас устроилась в солидную фирму. Съёмная квартира, просторная, но в «спальнике», с ремонтом, ночевать после работы чтобы.

Много работы. По выходным слёзы времени на иллюзию личной жизни.

Собственно, таким, как я, со стороны тоже биография придумывается легко — хороший парень, в общем-то, но раздолбай. Женой-детьми бы обзавестись, а он всё пьянки-гулянки. Подрабатывает здесь-там. Иногда забухивает. Явно был женат. Разведён. Явно успехи в жизни были, но напугало что-то, остановило.

Безответственный. Ищет что-то, а что — сам не знает.

Поговорили ни о чём, перекрикивая биты. Дежурный коктейль, дежурные слова, дежурные комплименты. Всё не имеет ни малейшего вкуса. Коктейль, восхищения, разговоры — не вкуснее ваты.

Поездка без эмоций по залитому огнями городу.

За рулём поплёвывающий сухонький озлобленный мужичок, слушающий шансон.

Прохлада ночи. Безглазые коробки спального района, с редкими неживыми жёлтыми огнями.

Шаркающие звуки собственных шагов.

Подъезды. Мусорные баки. Виртуозно припаркованные под всеми углами вкосу на бордюрах машины, хищно подмигивающие сигнализацией.

Звон ключей. Пицание домофона. Глухой надрывный звук утробы лифта.

Вошли в квартиру. Щёлканье света. Никому не интересные извинения за бардак с никому не интересными пассажами, что «у меня так же».

Поздно уже, ночь глухая, времени мало. А завтра снова надрывное утро, бухгалтерия, стерильный пластик офиса, злые глаза, истеричные крики в телефонной трубке.

Лишние слова воспринимаются как воров.

Душ. Поспешно выключенный свет.

Постель. В постели встретились две инородные вселенные, раздавая друг другу испуганные, дежурные указания.

Секс. Туповатое удовольствие.

Теперь спать.

Но что-то пошло не так.

Почему-то не спалось. По потолку изредка проезжали тени автомобильных огней. Тикали часы.

Тело рядом казалось бесформенным.

Вдруг всю эту тугую подушку из ваты и отупения пронзило что-то острое. Как стилет в грудь. Как неловкое движение хирурга.

Острая боль. Потом печаль. Потом горечь. И потом вдруг нежность.

Я, повинувшись какому-то всхлипу души, обнимаю лежащее рядом тело. Неожиданно тело мне отвечает. Обнимает в ответ.

Я прижимаюсь к груди.

Неожиданно я понимаю, что обнимаю совсем не того человека, с которым пришёл сюда. А вскоре понимаю, что обнимаю и не человека.

Я в постели с каким-то существом. Кожа его зеленоватая, а быть может это мне в темноте только кажется? Тело продолговатое.словно всё тело переходит в толстый хвост. Существо обволакивает меня.

Я должен был испугаться до смерти. Но... Но мне не страшно. Скорее даже на меня нахлынывает теплота к этому неясному существу — оно меня обнимает, нежно, ласково, бережно.

Оно живое. Всё кругом — дома, душное небо, машины, обезличенные лица — всё мёртвое. А оно живое. И оно выбрало меня.

Я на какую-то секунду хочу освободиться из объятий и посмотреть — кого же я обнимаю. Но я не делаю этого. Зачем? Что я хочу увидеть? И если я увижу что-то — станет мне от этого радостнее?

«Теперь ты всё понял». Чей это голос? Мой? Существа?
Был ли он вообще?

В живых объятиях я засыпаю. Спокойно и умиротворённо.
Я слушаю сердце. Оно уводит меня куда-то вглубь, в какие-то
глубокие океанские воды.

...Наступило утро. Пронзительно запищал китайский будиль-
ник.

Раздражённое бурчание. Окно без занавесок смотрит в глаза
надменно и нахально, как провинциальный верзила.

Всё сквозь туман. Всё возвращается в бессмысленную вату.

Щёлканье чайника. Грязное бельё. Шум воды. Суета. Соседи
в лифте.

Неаппетитное тело.

Несвежий ветер.

Из зеркала на меня смотрит нежить.

Камо грядеши: 20, 80

ГЛАВА 44. БГ

У каждого поколения свой БГ — кому Б-г, кому Билл Гейтс.
Кому Борис Гребенщиков, кому Блайнд Гвардиан, кому bg.ru,
кому просто бугага.

Камо грядеши: 71, 59

ГЛАВА 45. ПОГНАЛИ НАШИ ГОРОДСКИХ. ДУМЫ НА БРЕГАХ КАНАЛА ГРИБОЕДОВА

Так получилось, что всю жизнь я живу по окраинам. Нередко
по индустриальным, где оранжевые облака и дымят заводы.

Да, я как классический рэп-персонаж — могу сидеть
на кортанах у горящих мусорных баков и читать, кидая распаль-

цовки, о нелёгких буднях простого труженика хип-хопа в гетто-кварталах, йоу.

Я дитя индастриала, серых плит, одинаковых спальных районов, зацементированных детских площадок, гнилых подвалов, зассанных подъездов.

Мне с самого детства приходилось немало переезжать с места на место, но я никогда не жил в городском центре — всё на околицах, на отшибах, где за домом начинаются пустыри, сплошь покрытые собачьими минами.

И общался я с себе подобными.

Коренные жители центра — любого, в принципе, города, — мне представлялись совершенно иноземными существами. Кем они тогда, впрочем, и были.

Коренной житель центра города — это особый склад, особый статус, как ни крути.

Обладатель жилья в центре города, как правило, получает его по наследству — а за этим целая семейная история. О дедушке-чекисте, о бабушке-балерине, о любовнице Бериин, о сапожнике Сталина. История с тёмными пятнами, история с отсылками на легенды времён.

А если жильё в центре города пришло и не по наследству, а куплено, так это тоже особый расклад — жильё в центре всегда дороже, при прочих равных составляющих, и человек, который сознательно выбирает жильё в центре, даже в прореху кошельку, имеет свои сложившиеся представления о городской жизни — и видит себя встроенным в неё, вместе со своими представлениями и идеалами.

Публика в центре всегда более особенная, более рафинированная, более тонкая.

И фактор центра — да, значимый фактор.

Я раз в Астрахани был в гостях у семьи — живут на втором этаже двухэтажной бывшей купеческой усадьбы, прямо на набережной, окна на Волгу и променад. На первом магазин.

Второй этаж, впрочем, это громко сказано — там в доме скорее полтора этажа, под жилплощадь приспособлены бывшие мансарды — летом как в парилке, зимой как в холодильнике.

Места — реально порой повернуться негде, а они ещё с малым ребенком. Коммуникации никакие, то воды нет, то света, и на машине не подъедешь.

И — сам бог велел вроде — продавай, за центр доплата солидная, и на эти деньги можно приличную новостройку в две комнаты брать на окраине.

А они не хотят. Не хотят и всё — содержание их жизни в центре намного перевешивает форму на окраине.

Я сначала у виска крутил, а вот сейчас до меня что-то дошло, и я уже не кручу.

Это я со своей пролетарской колокольни судил, дитя спальных районов. Я даже масштаб их богатства оценить не мог.

Я достаточно долго жил уже в Москве, но опять же — за МКАДом, где люди о пёсых головах, на куличках.

В какое-то время познакомился с целой плеядой коренных, «центровых» москвичей — и они мне внезапно очень к сердцу прикипели.

До того у меня бытовало, каюсь, пролетарское предубеждение — мы, дескать, парни с рабочих окраин, жизни-то понюхали, знаем, почём фунт изюму да труд хлебороба, а вы, к бабке не ходи, с разгону видать — чистенькие, сытенькие, зажратые, с щёчками пухлыми да жабо на отлёте — короче, бей их!

А тут мне враз стало стыдно за мои прежние мысли — коренные москвичи оказались в лучшем смысле слова интеллигентными, духовно богатыми, интересными и совершенно искренними

образом доброжелательными.

Я их полюбил и теперь пасть порву, ежель кто на честь поку-сится.

С какого-то времени мне стало хотеться переселиться в центр. И сейчас хочется всё яснее и отчётливей.

У меня, по сути, всего один опыт более-менее длительного жития в центре — в Минске, когда снимал квартиру на Городском Валу — центрее некуда: напротив ФСБ, особый кайф, на него глядя, курить дары полей, блаженно выдыхая в форточку. Пять минут — Костёл Симеона и Елены. Вокзал — от силы минут десять.

Это было круто, я сейчас отчётливо понимаю.

Останавливался в Петербурге, в Мучном переулке, второй этаж, окна во двор-колодец. Вышел из парадного — в пешей доступности вся соль жизни. Что ни происходит, всё восторг.

В кайф даже разразившаяся ночью на несколько часов пьяная драма — баба пришла к своему мужику, который на телефон не отвечает, а он бухает с корешами и ей вращение придавал, а осю был детородный орган.

А она вспылила — и за все поруганные годы пошла ему припоминать подробности — мы всем «колодцем» не спали, слуша-ли, развесив уши — даже полицию никто не вызвал. Грозились, но это так, для профформы.

Пожил я немного в центре, и как-то аж тоска и зависть меня скрутили.

Есть, говорят, белая зависть и чёрная — вы этому не верьте. Не бывает никакой белой зависти.

Зависть — это зависть. Зависть — это чувство, которое возникает от ощущения обделённости — когда у кого-то есть то, чего нет у меня.

И, отбросив белое-чёрное, зависть может разниться лишь по дальнейшим действиям — может быть зависть конструктивная и неконструктивная.

Конструктивная — это когда у кого-то есть то, чего нет у меня, и я, на волне поднявшейся злости, обеспечиваю и себе то, в чём я обделён.

А неконструктивная — это когда у кого-то есть то, чего нет у меня, и я трачу силы на то, чтобы у этого кого-то этого не стало. Ну, или если не в силах этого сделать, просто трачу силы на то, чтобы обгадить его, ну и свою заодно — трудно, махая лопатой в дерьме, не замараться — жизнь.

Вспыхнул я, стоя на каком-то из мостов канала Грибоедова. «Какого хрена?!» — вопрошаю Мироздание. — «Дондеже?! Доколе?!».

Потом подуспокоился. Гневом дело не решить.

Успокоился и залюбовался.

Ладно. Какие мои годы? Я ведь только жить начинаю, только дышать научился, плавать в сладком плену ночных улиц.

Заказываю у Дорогого Мироздания — хочу комфортно и интересно жить в центре какого-нибудь красивого, проникновенного, неисчерпаемого города. Аминь.

И мне сразу полегчало. Бог меня любит — мои желания сбываются, это я знаю. Пусть не сразу, но сбываются.

Я представил себя так, как будто это уже произошло — я горожанин, живу в историческом центре.

Гуляю средь дворцов, старинных домов, уютных кафешек. Встречаю других горожан — степенных, статных. Улыбаюсь им. Приподнимаю шляпу.

Мне сразу стало приятно, тепло, хорошо, уютно. Словно мёрз долго под ветрами, в промокших носках, а тут вошёл в солидный

дом, пью горячий кофе с корицей, протягиваю ноги к камину, в котором стреляют поленья.

Будет и на моей центральной улице праздник.

*В этой тёмной воде отраженья начала
Вижу я, и как Он, не хочу умирать.¹*

Камо грядеши: 68, 94

ГЛАВА 46. ИЗРАИЛЬСКИЙ ФЛАГ

Был когда в Израиле — купил израильский флаг.

Зачем купил? Да просто купил — я люблю флаги, а он копейки стоил, агороты, точнее, отчего не взять?

Тем более — один из моих фаворитов, наравне с турецким. Или совершенно лоскутным, безумно красивым флагом Шри-Ланки.

Повесил его дома на стенку.

Через какое-то время обнаружил, что израильский флаг — пассивный, но очень действенный способ всколыхнуть тугие человеческие говна. Вот отчего-то не даёт он покоя.

Только ленивый и умный не спросил меня, отчего у меня израильский флаг на стене.

А что можно на это ответить? Отчего — да ниотчего.

Некоторые начинали гаденько и понимающе кивать — «а-а, ну всё с тобой ясно...», и крайне бездарно пытаться копировать одесский акцент.

Кто-то жарко начинал отговаривать меня от христопродавства и вообще требовал покаяться. Покреститься, как наши, русские люди, и отбросить от себя эту гидру, раз и навсегда.

¹ ДДТ, «Чёрный пёс Петербург»

Кто-то, без моего спроса, заявлял на меня права, коим я совсем рад не был — «а, так ты таки наш!».

Кто-то устраивал допрос с пристрастием — «нет, ну а всё-таки, давай по-честному — почему у тебя висит израильский флаг?».

То, что у меня в комнате были ещё и эстонские вымпелы, значок американского полицейского, турецкий барабан, индийские статуэтки, египетские папирусы, японские декоративные настенные подносы, китайские висюльки, африканские идолы — это всё фигня, это никем не замечалось. А вот флаг! Израильский! Израильский, Карл!

Было несколько случаев, когда в алкогольном угаре, скрипя зубами от боли за Родину, пьяные личности пытались его сорвать, видя в нём корень всех своих жизненных бед, от похмелья до забвенья: сионисты объявлялись виновными в обвале экономики, в землетрясениях и импотенции.

Израильский флаг стал очень точным мерилom человеческой адекватности, и когда я позже начал разгонять весь собравшийся у меня в квартире сквот, сделать мне это было просто — любой, кому израильский флаг на стене не давал покоя, и кто пытался таки докопаться до страшной истины — почему же он у меня висит (ну не может же он висеть просто так!) — все эти людишки как-то плавно исчезли из моей хаты и моей жизни, и туда им и дорога.

Как только за ними закрылась дверь — я забыл их имена.

Камо грядеши: 58, 22

ГЛАВА 47. ГЕЙ СЛАВЯНЕ

А надо вам заметить, что гомосексуализм изжит в нашей стране хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один гомосексуализм. Ну, ещё арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моша Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм.

©Венедикт Ерофеев, «Москва — Петушки».

Если и есть в русскоязычном социуме кто-то более демонизированный, нежели евреи — это гомосексуалисты.

Вот уж сколько страхов и негодования, возмущения и спрятанного под ним стыдного интереса.

Я не буду уходить в отсылки на дедушку Фрейда с дедушкой Юнгом, ясно формулирующих, кто же именно громче всех кричит «держи вора!». Да, нередко гомофобией страдают скрытые гомофилы — чтобы заглушить, скрыть от самого себя и от других свою «неправильную» часть. Потому что тем, кому нечего скрывать — их фобии не терзают, бояться-то нечего. У кого чего болит — тот о том и говорит.

Неудивительно, что стабильно любителями мальчиков оказываются самые ретивые на миру экранные бойцы с этой ещё одной страшной гидрой, коими обложили нас враги.

В обществе всегда сильна инерция, нужны те, на кого можно скидывать страхи. А страх и ложь — лучшие помощники власть-придержащих — держать людей в страхе и тревоге — дуболом-

ный, но действенный способ сделать так, чтобы народ не рыпался и плясал под одну дудку.

Именно поэтому из телевизора, из газет, из новостных лент — потоки дерьма. Потоки тревоги, приводящие доверчивых обывателей в оцепенение.

Геи — одно из таких зол. Ими принято пугать. Принято создавать иллюзию, что только-только дай слабину, и тут же орды злых пидорасов захватят почту и телеграф, и все добропорядочные мужики, мирно спящие после вчерашних возлияний в своих уютных квартирках, наутро проснутся пробитыми и обесчещенными.

При этом как-то никто и никогда не может припомнить — а когда он вообще в жизни встречался с геями? Геи оказываются в чём-то подобны вампирам и бандеровцам — все их видели по телевизору, все знают, какие они, чем живут, чего хотят, чем занимаются — но вот только в жизни их никто почему-то не встречал.

С геями получается смешнее — мы все, так или иначе, встречали геев. Возможно, долго жили с ними бок о бок.

Просто они привыкли шифроваться, и умеют это делать в совершенстве.

Ну, как один мой знакомец, который в итоге вступил в однополый брак в той стране, где это разрешено, и туда уехал — у его бывших сослуживцев, когда узнали, случился настоящий культурный шок — «КАК ЖЕ МЫ ПРОГЛЯДЕЛИ-ТО, А?!».

Да как-как, кверху... ну, проглядели, в общем. Потому что не умеете их вычислять, потому что придумали себе невесть что, карикатурные картинки про мужиков в чулках, вот и проглядели.

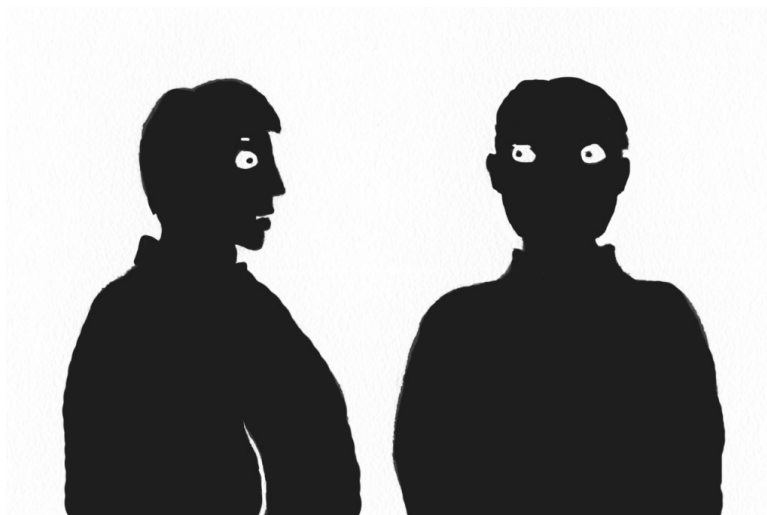
В этой теме, как и в любой иной, прежде всего много эпатажников, вот и принимают их позёрство на веру. Упуская истинный портрет.

Есть какая-то программа на гаджеты — высвечивает

на онлайн-карте всех «игроков на заднем дворе» в ближнем радиусе. И стоит видеть на лице некоторых наивных выражение ужаса, когда бездушный прибор выдаёт, сколько в районе пары километров «игроков», с той же программой.

Кто-то боится, что злые гомосеки обложат его со всех сторон, как гончие зверя? Да расслабься, браток, они уже давным-давно тебя обложили.

При этом забавно видеть, как геи умеют безошибочно опознавать своих. Серьёзно, я не понимаю, как у них это получается. Вот уж воистину — знаю в себе, вижу в тебе.

У меня, слава богу, никаких баттхёртов по отношению к геям нет. Наверное, потому, что есть геи, чьей дружбой я дорожу.

Это очень ценный момент — поскольку геям приходится всю жизнь скрываться, они больше умеют ценить проявления чистых дружеских чувств. То, что иным достаётся задарма, им достаётся трудно.

Геи меньше склонны к подлостям — потому что больше знают цену искренности.

Как я отношусь к их ориентации? Да точно так же, как к национальности, или к принадлежности к субкультуре — с интересом, с учётом особенностей и с признанием за каждым человеком его свободы, не препятствующей свободе других. Я вижу в этом ещё одно проявление разнообразия мира — а мне интересно разнообразие мира.

Зачем-то природа упорно выдаёт в людской (и не только в людской, кстати) популяции стабильный процент гомосексуалистов — да-да, знаменитое НОМовское:

*Шесть с половиной процентов зверей,
Семь процентов людей
И иных представителей
Человеческой расы —
Пидорасы...*

Сама эта стабильность говорит о том, что природе зачем-то это нужно, что это часть какой-то программы. Эта программа работает, да аж со времен Сократа, говорившего, что тот, кто не понимает прелести юных мальчиков — либо слепой, либо глупец.

Я не знаю, зачем нужен этот процент — я ж не Господь Бог, и человека создал в своей жизни пока что только одного.

Я предполагаю, что это эдакий процент, заложенный природой на мутацию — на быстрые изменения.

Человек — животное социальное. Человек множится не за счёт когтей, силы и зубов — как раз какие-нибудь тигры, которые живут когтями, силой и зубами — они вымирают. Будучи уничтоженными в том числе заведомо более слабым человеком.

Сила человека — в его социальных умениях. В сложной системе сдержек, противовесов и взаимоупоров.

Я подозреваю, что стабильный гомосексуальный процент —

это некоторый и стабилизатор общества, и катализатор. Нечто, что не позволяет социуму застаиваться.

Это сообщество, активно меняющее понятие гендера и его сути.

Говорят, что среди гомосексуалистов много талантов — я думаю, что у гомосексуалистов талантов вровень с остальными, не больше и не меньше, но гомосексуалисты оказываются в более жёстких условиях и вынуждены использовать свои таланты, чем нередко прославляются и реализовываются. В отличие, кстати, от гетеросексуальных, которых безмятежность социальной жизни склонна, напротив, более усыплять, оставлять колодец талантов неисчерпанным.

Ещё, вполне вероятно, у геев более особое чувство своего тела, в связи со своей ориентацией — недаром многие из геев, коих я знаю, врачи — и врачи при этом хорошие.

Одно совершенно точно — геи не несут в общество опасности. Гомосексуализм — не болезнь, заразиться ею невозможно. Это просто чётко очерченная субкультура, которая никогда не заберёт на себя больше того, сколько людей изначально ей подвержены.

Любые страхи вокруг этой темы — следствие чьих-то нечистоплотных манипуляций.

Что делать? Да ничего не делать. Жить себе и жить. Спать с тем, с кем хочется, а не с тем, с кем не хочется.

Со скрипом, но по миру идет волна легализации однополых отношений — и я считаю это здоровой тенденцией.

Это как проституция — можно сколько угодно морализаторствовать, ничего при этом не делая, и от всего этого пустобрёхства ничего не изменится. Только некоторые демагоги будут упиваться собственным апломбом, да присматриваться в зеркале — не вырос ли у них от святости нимб.

Гомосексуализм — был, есть и будет. Как показывает мировая история — примерно в одном и том же проценте.

Его не отменишь декретом, не запретишь указом. Да и незачем.

Мы живём в новой эпохе. Кто-то зовет ее Эрой Водолея, я же зову Эрой Дуралея — так смешнее.

Идёт уход от заскорузлых, неработающих, застарелых патриархальных догматов. Общество поменялось. И если раньше кто-то мнил, что он вправе за другого человека решать, как ему жить, что ему делать и с кем заниматься сексом — настало время законодательного посылания этих пердунов в то жалкое место, откуда они и высунулись.

Короче, много будет ещё вонючих битв на эту тему, эксплуатирующую прежде всего людское невежество, но это уже излёт, агония старого мира, миазмы стариков.

Новый мир будет терпимее и разнообразнее. Эволюция выберет тех, кого выберет.

И смириться, если это будете не вы.

Камо грядеши: 27, 50

ГЛАВА 48. ЖЕНСКАЯ КРАСА. ПОЧТИ ПРИТЧА

Хочу вам рассказать притчу-быль, и если вдруг она будет сочтена аморальной, то это ваши трудности.

Есть вещи, о которых неловко говорить, а в итоге, ежели не сказал, сплошное расстройство, от которого никому не лучше. Поэтому я скажу.

Есть разные фетиши, подчёркивающие женскую красоту, и один из самых главных, с моего глубочайшего убеждения и страстного ощущения, это естественная растительность в есте-

ственных для этого местах.

Да-да, я знаю какой по этому поводу поднимается визг — не надо визжать. Если вам нравится иное — ну пусть себе и нравится на здоровье.

Просто — вот посмотрите любые классические скульптуры, классические картины, где изображены роскошные, здоровые, лакомые, сексуальные, богатые плодородными формами женщины. И у всех у них — возбуждающе тёмные треугольники.

Да что классическое искусство — эротические фотографии и картины прошлого века, то же самое.

Да ещё наши бабушки не заморачивались на тему гладкого бутона (и недопустимости всего иного), и тем не менее вызывали при этом, между прочим замечу, стабильный интерес у наших дедушек.

Это всё веками было настолько естественно, что даже не возникало колебаний. Почвы под них не было.

Естественные формы, естественное здоровое тело всегда влекло. Можно обманывать свои убеждения, но инстинкты говорят прямолинейнее.

Перелом случился тогда, когда началась эпоха глянцевых журналов и массовой визуальной культуры. А массовая культура — это массовая реклама.

Косметика, пластические операции, вся эта индустрия так называемой «красоты» — это всё миллиардные прибыли.

Глянец начал пропагандировать некие стандарты, достичь которых возможно, лишь потребляя определённые товары и услуги.

Так объявилась война всему, что на деле является первейшим признаком здоровья. Красивых женщин начали убеждать в том, что если они не жертвуют своей индивидуальностью, не потратят уйму денег на совершенно ненужные процедуры — им не быть красивыми, желанными и любимыми.

Пропаганда настолько целевая, мощная и безжалостная

(ещё бы — миллиарды и миллиарды прибылей на кону), что своей цели она, к сожалению, нередко достигает. Девушки начинают стесняться тех вещей, которыми стоит гордиться.

Мужики ещё вдобавок обмельчали. Видят фотографию живой, здоровой, красивой женщины с естественной растительностью — вопят и визжат, как будто занозу в яичко загнали — «дайте ей бритву!». Говно собачье, а не мужики.

Женской волосатой письки они, блять, испугались. Как они Родину защищать будут, если они в обморок даже от вида женской письки падают?

Пусть мой глас одиночен среди океана пропаганды, и вопиет, теряясь на общем фоне, я всё-таки скажу — девушки, глянцевого журналы — это фуфло. И то, что они пропагандируют, это тоже фуфло.

Нормальный мужик не заметит причёску, не оценит борьбу с целлюлитом, не станет ныть по поводу вещей, которые говорят на деле о вашем здоровье и сексуальности.

Все эти вещи из глянцевых журналов — замечали ли вы — нужны не для мужчин, они нужны, чтобы женщины могли посоревноваться с другими женщинами.

Да, это отсюда эти распространенные обиды, когда женщина угрожала кучу денег на причёску и ждёт, когда мужик это заметит — а он, естественно, не замечает.

А если мужик таки станет ныть — значит, не уверен в себе, боится, что у него в решающий момент не встанет, боится показаться херовым любовником, и, подтягивая вас под некие стандарты и критикуя, на самом-то деле боится облажаться сам, и тщетно пытается так застраховаться от провала.

Если мужик вас действительно любит и хочет — вот будьте уверены, у него встанет, даже если вы будете под мешком рабочего комбинезона.

А если не встаёт, то любые глянцевые приبلуды — лишь

сокрытие реальных психологических или физиологических трудностей.

Да, почти притчу обещал.

У меня были отношения с одной чудесной, интересной и очень сексуально манящей девушкой. Она влекла в том числе и тем, что красота её такая, нежурнальная — нулевая грудь, вне фотомodelьных стандартов лицо — кавказский папа и русская мама совершенно особенную, неповторимую смесь намешали. Тело здоровое, плодородное, выносившее и родившее ребёнка.

Это тоже, кстати, добавляет сексуальной кипучей, бравадной злости — «эх, пацан, знал бы ты, что я сегодня делал с твоей мамой!».

К ней влечёт. Её хочешь так, что в глазах темнеет — кровь из головы уходит начисто.

Вот, когда мы с ней внезапно провалились в весьма бурные сексуальные отношения, у неё была возбуждающе небритая промежность — как я люблю, и это меня сводило с ума, доводя просто до накаливания.

А я ей об этом не сказал. Постеснялся. И как-то испугался того, что она мне не поверит, если я похвалю и выражу восхищение тем, что действительно взрывает во мне (да и не только во мне) страсть, но не входит в стандарт глянцевого журналов.

И вот однажды она попросила меня подождать, а сама пошла в ванную, в коротком, небрежно накинутом халатике, с бритвой в руках.

И вот я понял — она собирается побрить *там*. Причём сделать это из хороших побуждений ко мне.

И вот столбняк — попросить её этого не делать — боязно, неясно, как сделать это деликатно, неясно, поверит ли она мне, не надумает ли с женской изощрённостью какую-нибудь безумную, подозрительную версию невесты чего.

А не попросить — стать свидетелем того, как исчезнет один из самых возбуждающих фетишей.

Я так и не осмелился. Велика оказалась сила общественных установок.

И до сих времен досажую.

Но — я учусь на своих досадах. В жизни некогда с другой девушкой у меня повторилась подобная ситуация — и я оказался достаточно смелым, чтобы честно и ясно заявить о своих истинных желаниях — а это, внезапно, вызвало не просто согласие, но ещё и обоюдную радость — девушка полностью разделяла мои представления об истинной красоте и истинной сексуальной привлекательности.

Так что история с хэппи эндом.

Вспомнил «Басню» Хармса:

«Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на всё, только бы быть капельку повыше».

Только он это сказал, как смотрит — перед ним волшебница. А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может.

«Ну?» — говорит волшебница. А человек небольшого роста стоит и молчит.

Волшебница исчезла. Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе».

Вот и я говорю вам — истинно, будьте храбрыми и смело заявляйте о своих истинных желаниях.

Выбирайте самое лучшее, дабы не грызть ногти, на руках и ногах.

Камо грядеши: 69, 64

ГЛАВА 49. ИНОПЛАНЕТЯНЕ. БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Вы верите в инопланетян? Впрочем, глупый вопрос, в инопланетян верить, это как в Бога — нет верующих или не верующих. Есть желающие верить и желающие не верить.

Да и смысла никакой в этой вере — даже если где-то и есть братья по разуму — что нам с того толку? Ближайшая, самая-самая ближайшая планета, где может существовать жизнь (заметьте — не где существует, а где только может существовать), лежит от Земли на расстоянии 1500 световых лет.

Сколько это? Ну, один световой год — это 9 460 528 447 488 км. Умножьте на 1500 сами.

Это означает — если нам невероятно повезёт, и на этой планете окажется разумная цивилизация, и мы сегодня отправим им послание со скоростью света — на Земле пройдёт 1500 (мини-

мум) лет, прежде чем они его получают. То есть они получают послание, которое будет им рассказывать о человечестве 1500-летней давности.

А если они нам ответят — это ещё минимум 1500 лет.
Мне почему-то кажется, что я не доживу.

Да, кстати — самое первое человеческое послание, которое целенаправленно транслировалось в космос — это была речь Адольфа Гитлера на открытии Олимпиады 1936 года.

Так что если братья по разуму и получают когда-то весточку от человечества, то первым они познакомятся именно с этим джентльменом.

Захотят сделать нам приятное и пришлют ответ — «хайль Гитлер!».

Вот стыдоба-то будет.

Камо грядеши: 81, 74

ГЛАВА 50. ЕСЛИ БЫ В БЕЛАРУСИ БЫЛА ЛЕГАЛИЗОВАНА ПРОСТИТУЦИЯ

Здрасьте, многоуважаемые коллеги! Тема нашей сегодняшней лекции — Беларусь и легалайз проституции в оной.

Знакомьтесь — два эксперта-лектора по легализованной проституции.

Известный русский писатель, популярный блогер Гайдамак, автор монографии «Секс-туризм — где в мире делают ЭТО», профессор проституточных наук, председатель международного конвента, эксперт, эсквайр.

Резидент Республики Беларусь, кровавый торmentor Минска и сопредельных весей, почётный доктор проституточных наук и adept секс-туризма — Александр свет-Романыч.

И вот, делясь как-то своими мироощущениями и миронаблю-

дениями, мы, вышеозначенные два столпа мысли, гиганты демократии, светочи Европы, грозы Азии, повелители Африки, пришли к осознанию грустного факта — нет в Беларуси легалайза, нет официального квартала красных фонарей, такого, как в Амстердаме, куда могут прийти благородные доны (или благородные донны), да путём передачи определённого количества дензнаков, согласно прейскуранту, никого не таясь, как честные бюргеры, купить сеанс исполнения утех сексуального характера и подоплёки.

Да-да-да, разумеется, тут начинается шум о том, что легализация проституции — это деградация человеческого капитала.

Деградация человеческого капитала, скажу я вам, это когда половина здоровых и энергичных мужиков в стране работают охранниками и вахтёрами — выписывают пропуска, сидят на стульчике весь день, охраняют не пойми кого, не пойми от чего. Вот это деградация человеческого капитала.

Население страны, которое смотрит телевизор, про происки бендеровцев, американцев и марсиан, не обращая внимание на мусор во дворе и прохудившуюся крышу — вот это деградация человеческого капитала.

А легалайз — всего лишь способ вернуть в правовое поле явление, которое всегда было, всегда есть и всегда будет. Что бы там ни утверждали фанатики.

Морализаторов — каждый первый, а тех, кто предлагает решения — ни одного. Это очень так выгодно — покричать о моральном облике — и безопасно, и вроде как «за Родину». Нифига не сделал, но вроде как за правое дело — можно шоколадную медальку повесить на грудь.

Никакой прямой связи с легалайзом и популяризацией проституции нет.

Ну есть в Турции легалайз — кто-нибудь вообще об этом помнит? Ну нет в Таиланде легалайза — это мешает ему быть мировой столицей секс-туризма?

Нелегальный статус даёт пространство для коррупции, а чистят рыбу хоть и с хвоста, но гниёт она с головы. Крышевание любого криминала проходит в симбиозе с представителями власти, которые позаботятся о том, чтобы не подставить лично себя под удар.

Легализация же убирает это поле для коррупции.

А секс с проституткой сам по себе — это вообще одно из самого честного, что есть в мире.

Политики и все им сочувствующие занимаются точно тем же самым, только при этом лицемерно корчат из себя благодетелей.

Политика — те же фрикции, только без оргазма.

Почему бы не осчастливить такую хорошую страну, как Беларусь, честным легалайзом, и почему бы не украсить такой милый город, как Минск, кварталом красных фонарей?

Собственно, проституция для Минска явление не чужеродное. Она тут прекрасно себе была в царское время на легальном статусе. Благородные доны могли сходить себе в номера.

Явление и не засыпало — во время немецкой оккупации гау-лейтер Минска Вильгельм Кубе был убит взрывом бомбы, подложенной под матрас его кровати.

Как вы думаете, как бомба попала под матрас его кровати? Кто её туда пронес? Только не надо официальных версий, которые притянуты за уши так, что становится смешно.

Явление живо и до сих пор, как, впрочем, в любом практически городе нашей необъятной Родины и сопредельных краёв.

Впишись в любой минской гостинице — половина номеров сдаётся на час, по телефону позвонят и вежливо предложат, у любого работника гостиницы спроси, где найти искомое — замнутса, забегают глазёнками, но в просьбе не откажут.

Если хочется наглядного выбора — езжай на Каменную Горку, любой местный покажет остановку у Неманской и сопредельные дворы.

К чему всё это лицемерие? Проституция в Минске была, есть и будет есть.

Лучше прикинуть место, куда бы имело смысл квартал ночных бабочек определить.

Место должно быть такое — в центре, но укромное. Понятное к поиску, чтобы и иностранцы могли заглянуть, и местные после тяжёлых трудов.

И, разумеется, сделать тут винокурни и прочие культурные причиндалы.

Лучшее, что я знаю — улица Раковская и Раковское предместье. И не только из-за многозначного названия.

Во-первых, тут вполне соблюдены вышеозначенные требования, а во-вторых — тут уже хватает хмельных заведений и вообще какого-то такого разгульного духа и позова пуститься во все тяжкие.

На стене символический портрет Чехова — уж кто-кто, а он знал не понаслышке все прелести платной любви. В отличие от коллег по цеху, того же Достоевского, почитать у которого про Сонечку Мармеладову, и становится ясно, что Фёдор Михалыч проституток не то что никогда не брал, а вряд ли вообще видел, а если и видел, то издали на улице, после чего немедленно переходил на другую сторону тротуара.

И даже заводской край, выходящий сюда бочком, места не портит — напротив, рабочим, труженикам тоже нужен культурный отдых. Да и территория естественным образом закрывается от проходных дорог, плюсик в укромность.

Божечки ты мой, ну я же просто вижу, как можно тут, как

в благословенном Амстердаме, сделать отдельные входы, поставить вкусные красные лампочки, в окошечках помахивают бёдрами роскошные дивчины Полесья и гости ближнего и дальнего зарубежья.

От соседних заведений звуки хорошего голландского транса и запахи свежесваренного пива, роскошной запечённой в горшочках картохи с мясом.

Боже! Боже! Я вижу столько чудесных мест, у меня голова от перспектив кружиться начинает.

Из Америки приехал

Представительный купец:

Два ящичка золотые

Да серебряный конёк. (с) Слова народные

Вал туристов, которые вносят в скромный белорусский бюджет ощутимые деньги, очереди в консульствах за белорусской визой.

Россияне, пользуясь безвизовым пространством, так и вовсе — вкалывают денно и ночно, как рабы на галерах, на бессмысленных и беспощадных капиталистических стройках, зарабатывают презренные дензнаки, а потом садятся в машину и катят на выходные в Минск.

Там снимают гостиницу — кап в бюджет, пользуются благами — кап в бюджет, оставляют (в буквальном смысле проёбывают) в винокурнях да в комнатках с портьерами столько денег, сколько не снилось бюджету иной африканской страны — кап-кап денег в бюджет.

Разумеется, все работающие девочки — обязательный медосмотр, обязательное дежурство стражей порядка, строгих, справедливых и неподкупных, в блестящих касках, как у дяди Стёпы, которому распоясавшийся туристик не сунет взяточку.

У каждой девочки — прејскурант и кассовый аппарат. Нужно обосновать командировочные — пожалуйста, вот квитанция. Услуги предоставлены, налог в республиканский и городской бюджет уплочен. Распишитесь.

— Александр, коллега, видите ли вы то же, что вижу здесь я? А именно — невероятное поле инвестиций и перспектив.

— Вижу, коллега! Я охвачен не меньшим волнением!

Надо бы донести внятно Александру Рыгоровичу концепт и практические выкладки.

Я убеждён — если добиться его воли в этом вопросе, проект можно считать решённым.

А если вы считаете, что Александр Рыгорович настолько консервативен, что на это не пойдёт, то мне кажется, вы его плохо знаете.

Он с виду только косный. А на деле — и во всех белорусских конкурсах красоты побеждают только те пухленькие, широколицые блондинки, которые входят в его личный типаж, и сына он заделал не от жены, которая до сих пор где-то в колхозной ссылке, пока он, не слишком и скрываясь, по любовницам живёт. И казино в Беларуси, в отличие от соседей, живут и здравствуют, где не меньшие с кварталом красных фонарей страсти кипят и соизмеримые деньги отмываются.

Противостоять России, отстаивать свою независимость дуболомно не в его интересах, а вот утопить Россию во благах, сделать Беларусь для той же России, и не только, желанным курортом, заповедником удовольствий — это можно.

Короче, на следующей встрече с Александром Рыгоровичем я подробно отрекламирую ему этот концепт, вместе с бизнес-планом.

Камо грядеши: 64, 58

ГЛАВА 51. НИША В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Людей в социуме условно можно разделить на шесть групп ответственности, в зависимости от их этапов развития, качеств и свойств личности, от степени их влияния на происходящее.

Зная это, удобно строить с людьми отношения — есть примерное понимание, чего они ждут и в чём нуждаются. И нет ненужных иллюзий.

Пребывание в каждой из этих групп не есть что-то хорошее или плохое. Каждая социальная ниша имеет свои плюсы и минусы.

Идут эти группы по степени возрастания личной ответственности за происходящее.

1 группа — Наблюдающие

Таких в среднем в обществе до пяти процентов от общего числа.

Ответственности ноль. Это состояние детей, бомжей и наркоманов.

Но если для детей это состояние естественно их возрасту, то для взрослого (по паспорту) человека это состояние весьма специфично.

Ответственность избегается — в том числе и за собственную жизнь. Они полностью зависимы от окружающего мира. Живут за чужой счёт, работать не умеют и не хотят.

Стивен Кинг, сам бывший на стаже, очень хорошо охарактеризовал наркомана: «Наркоман живёт сегодняшним днём. Для него не существует понятий „вчера“ или „завтра“. Он думает лишь о текущем моменте». А ещё заклинал наркоману не верить — даже если он начнёт складно и логично просить на дозу, или убеждать, что он исправился и, чем чёрт не шутит, готов обеспечивать себя сам — это всё ложь чистой воды. Совершенная ложь, потому что говорящий и сам в неё верит.

Я наркоманов повидал достаточно много — и практически всегда, интересное дело, у них есть кто-то, кто добровольно (даже если делает вид, что это не так) берёт ответственность за них на себя. Чаще всего это добрая мамочка или жена, играющая роль мамочки — чтобы самоутвердиться и сладко по-бабьи чувствовать себя незаменимой. Упиваться ощущением того, что есть человек, который от неё полностью зависим. Она пропащего наркомана будет героически спасать. Правда, делать это так, чтобы он оставался таким, какой есть — потому что если он вдруг исцелится и сам возьмет ответственность за свою жизнь, чем же ей тогда заниматься? Как ей тогда самоутверждаться? Тут действует принцип — «я всё сделаю для того, чтобы ты вырос, при условии, что ты никогда не вырастешь».

Группа называется «наблюдающие» — потому что это то, что они делают в совершенстве. У наблюдающих сумасшедшая наблюдательность и интуиция. Как у детей, которые, будучи беспомощными, умеют, тем не менее, сделать так, чтобы мир о них позаботился.

Наблюдающие мастерски находят и безошибочно выхватывают из толпы тех, кто будет их содержать и обеспечивать их потребности. Мастерски манипулируют на чувстве вины и долга, мастерски давят на жалость, используют гипертрофированные инстинкты, вынуждая людей, попавшихся в эту ловушку, о них заботиться.

Видели кукушонка, родившегося в чужом гнезде? Он выкидывает всех своих братьев из гнезда, быстро вырастает крупнее своих «родителей», но те продолжают на родительском инстинкте его кормить, и их не смущает то, что он их втрое больше и убил всех их родных детей. Так и опекающие взрослого «наблюдающего».

Впрочем, не всегда это состояние разрушительно и бесплодно — если уметь его использовать, входить в него осознанно — это лучшее творческое состояние для писателя или художника — наблюдательность и внимание к деталям обострены для предела.

2 группа – Исполняющие

Самая многочисленная группа — их около 55% от общей численности социума, а порой и больше.

Это группа-потребитель. Общество потребления. Их жизненный лозунг — «хлеба и зрелищ!».

По сути это «народ» — самая благодарная аудитория для популистов, оттого, что живёт по принципу «куда ветер — туда дым». Это именно эти люди, не участвуя напрямую в политической и общественной жизни, приходят молча на избирательные участки и всей своей массой голосуют за партию власти — ту самую, о которой Черномырдин говорил — «какую партию ни создай — всё получается КПСС».

Запросы «исполняющих» в общем-то невелики, оттого их удовлетворение — заведомо исполнимая, рутинная задача для прикладников. Если у этих людей есть борщ на обед, а по телеку крутят КВН — в общем-то им уже и достаточно.

Нередко всякая интеллигенция возапливает — неужели народу не нужно ничего, кроме телевизора, еды и дачи?! Да, этим 55% — в общем-то ничего больше и не нужно, совершенно верно.

К работе эти люди относятся как к необходимости — не слишком её жалуя, но воспринимая как неизбежное зло. «Надо же где-то работать». Есть такая профессия — на работе сидеть.

Частичную ответственность за свой труд они всё-таки несут, но сами к личному совершенствованию мотивации имеют мало или не имеют вовсе.

Это рабочий, который 30 лет работает на одном заводе, в одной должности — и ему с этим нормально. Тётка в бюджетном заведении, — «мужчина, там всё написано!» — перебирающая неинтересные ей бумажки.

За ними нужен определённый надзор, нужен человек, который их будет «пинать» — оттого, что если этого не делать, то работа превратится в полнейшее очковитительство. Интересно,

что в их модели мира — да, есть люди, которые имеют право их «пинать».

Они готовы умереть за свои маленькие права, вроде как не пропустить никого вперёд в очереди на почте, но совершенно не готовы отстаивать что-то действительно значимое.

Самая главная заслуга людей 2-й группы — они создатели материального мира. Это они клепают табуретки, кладут асфальт, управляют бульдозерами, добывают нефть, рубят деревья, пашут поля. Без их массовой работы нам всем пришлось бы туго.

3 группа — Творящие

Этих людей процентов 10 от общего числа. Они несут полную ответственность за плоды своего творческого труда, живут, продавая плоды своего труда, но не умеют управлять ни собой, ни другими. Умеют творить, но не умеют организовать процесс творчества.

Это люди, которые в рамках своего дела имеют совесть, чтобы не допускать халтуры. Любят своё дело и совершенствуются в нём. В рамках их дела и квалификации им можно доверять. Учатся новому, овладевают ещё более серьёзным мастерством, но им всем нужен сторонний человек, который их организует. Нужен кто-то, кто предоставит рабочее место, даст заказ. Организует выставку, если «творящий» — художник. Выступит режиссёром, если «творящий» — актёр. Будет арт-менеджером, если «творящий» — артист.

Высоцкий — типичный пример. Он творил, а в его тени был Юрий Любимов, который организовывал абсолютно всё сопутствующее — гастролы, концерты, выступления, публикации, записи. Ограждал Высоцкого от запоев, постоянно вокруг крутился — «Володя, ты сегодня выступаешь там-то. Володя, ты завтра — там-то...».

Интересно, что когда Высоцкий с Любимовым разошлись в своём творческом сотрудничестве — Высоцкий не нашёл ему

замену, а организовывать сам себя не научился. И довольно быстро и бесплодно сгорел.

«Творящие» хороши как ассистенты — подмастерья, помощники, профильные мастера. И как добросовестные наёмные работники для «действующих».

4 группа — Действующие

Если предыдущие три группы незрелые, так как нет полной ответственности за себя и свою социальную деятельность, то начиная с 4-й группы, с «действующих», которых в среднем четверть, процентов 25 в обществе, идут люди, которые самостоятельно организуют собственные рабочие процессы. Несут полную ответственность за себя, членов семьи, сотрудников, производимые продукты и услуги.

Да — это бизнесмены или те, кто реализуются через профессию.

Смысл жизни — «дело». Бизнес.

Бизнес, причём, не обязательно напрямую связан с заработком денег, бизнес — это вообще комплекс действий — самому определить желаемое, самому организовать процесс, самому его развивать и совершенствовать.

«Действующий» берёт ответственность в своём деле на себя. Отвечает за результат. Распределяет и делегирует ответственность среди сотрудников.

По сути, абсолютное большинство рабочих процессов — это процесс организации человеком 4-й группы людей 2-й группы.

Это управленец. В своём деле, чаще всего, прошёл все стадии, знает их изнутри, но с переходом в 4-ю группу — всё больше поручает непосредственное производство другим, а сам занимается развитием и продвижением.

«Действующий» — это некий король в своём небольшом королевстве. Его мало интересует то, что творится вокруг его королевства, он сосредоточен на внутренних делах.

Если «действующий» расширяет рамки своего бытия шире

границ только сугубо своего дела, он переходит в 5-ю группу, в «управляющие».

5 группа – Управляющие

Здесь масштаб уже шире ответственности за своё дело – здесь включается ответственность за процессы, происходящие в обществе. «Управляющих» – процентов 5 от общего числа.

Включается масштабное мышление, область действия распространяется дальше своего «дела» – включается амбиция влиять на общество, оставить след в истории.

Материальная отдача, которая в 4-й группе одна из перво-степенных мотиваций, здесь понемногу отходит на иной план – здесь включаются идеалы служения обществу. Получение благодарности от общества как высшее вознаграждение.

Именно эти люди занимаются благотворительностью, нередко анонимно. Именно эти люди – масштабные, амбициозные и бескорыстные управленцы, работающие не сколько для себя, а оттого, что «за державу обидно».

6 группа – Исследующие

Группа крайне малочисленна, таковых меньше одного процента от общего числа.

Область ценностей выше, чем просто ценности определённого социума – это масштаб цивилизации.

Эти люди обеспечивают накопление, трансформацию, передачу знаний в следующие поколения.

Степень ответственности наивысшая – за себя, за близких, за процессы, происходящие в обществе, за создание новых путей развития.

Это учёные, исследователи, монахи, идеологи. Их постоянное дело – самообразование и самомотивация.

В какой-то мере – это высшее, чего можно достигнуть в рамках развития социального интереса.

«Хочешь изменить мир — стань этим изменением», — говорил идеолог Махатма Ганди, посвятивший всего себя служению, достижению баланса и гармонии.

Но силы человеческие не вечны. Мало кто может оставаться в 6-й группе долго — роль столь масштабна, что неминуемо приходится расплачиваться самоотречением. «Исследующие» довольно быстро приучаются отдавать мало внимания себе и близким. Близким «исследующего» с ним нелегко. Впрочем, нередко близкие «исследующего» его и не видят — он становится для них недостижимым, скрытым масштабностью своих задач.

Так вспоминала о своем отце Индира Ганди, говорившая, что её отец ко всем был свят, кроме как к ней, его дочери. Так же говорила об отце дочь Че Гевары — освободительная война повстанцев Кабинды и Боливии забирала всего его, на дочь не оставалось.

Вот, вкратце так.

Я пользуюсь этой шпаргалкой в жизни, и мне легче понимать многих людей и строить с ними отношения, когда я понимаю, в какой они группе (сам я, несложно вычислить, в четвёртой) и какие у них интересы.

Конечно, здесь нет жёсткой привязки, в разных сторонах жизни может проявляться по-разному. Тут, как и во всём, важнее всего осознанность — тогда от текущего нахождения в какой-либо группе можно получать плюсы, которые в каждой из этих групп есть.

Но в любом случае — я себе на будущее поставил напоминалку — дальше 5-й группы не выходить. Как там в «Собаке Баскервиль» — если вам дорог ваш рассудок — а мне мой рассудок дорог.

Камо грядеши: 74, 6

ГЛАВА 52. СЧАСТЬЕ

Вы знаете, что такое счастье?

Оставьте все эти киноштампы, «счастье — это когда тебя понимают», роскошь человеческого общения, Ди Каприо с бабой на носу Титаника.

Я вам скажу, что такое счастье. Потому что если я не скажу, то никто не скажет.

Счастье — это когда просыпаешься утром от того, что кишечник распирает. За окном утреннее марево, мысли ещё тупые и спутанные, но сигнал мощный и конкретный — срать!

И не думаешь в этот момент ни о Ди Каприо, ни о роскоши человеческого общения — идёшь дёрганой походкой в уборную, или то, что её замещает, и наваливаешь кучу. Приподняв от пола ступни, зажмурив глаза, чуть ли не с истомой.

А после, в легкой испарине, сделав дела, выходишь на божий свет — и вот оно, Счастье!

Не плоды заморских киноакадемий, а вот самое что ни на есть счастье, исконное-посконное-сыромятное, пахнущее Русью.

И как будто музыка, как будто ангелы задудели в трубы. В груди словно встряхнутая газировка.

А в заднем проходе — ну просто малиновый звон колокольный, как будто не прямая кишка, а место для Всенощной.

Вот это счастье. И бросьте все инсинуации.

Кто считает, что это грубо и неправильно — прекратите чтение этой книги. Прекратите, сходите к бабушке, исповедайтесь, поставьте свечку.

Или напишите жалобу в ЮНЕСКО.

Да-да, вот пожалуй это будет лучше всего, жалобу в ЮНЕСКО, точно. Давайте, дерзайте.

Камо грядеши: 66, 30

ГЛАВА 53. ЛЮДИ-КОШКИ И ЛЮДИ-СОБАКИ

Есть люди-кошки и люди-собаки.

Есть ещё, конечно, люди-тараканы и люди-тапки, но об этом в следующий раз.

Люди-кошки — гуляют сами по себе и свободолюбивы. Свобода — высшая ценность.

Кошки не признают над собой хозяев. Кто-то, конечно, номинально может считать себя таковым, но кошка, чтобы получить свои выгоды, просто ему в этом подыгрывает, оставаясь себе на уме.

Полезен мне? За ухом чешешь и еды даёшь? Так и быть, я позволю тебе себя погладить. Нет с тебя выгод? Хвост подняла и ушла.

Люди-кошки — экспериментаторы. Если человек-кошка творит что-то, что выходит за рамки зыбкой или явной общественной морали — возможно, это просто-напросто эксперимент, продиктованный страстью к исследованиям и любопытством.

Люди-кошки всегда в поиске. Для них стабильность — это кладбище. Кто-то будет спорить, что на кладбище всё очень стабильно? Люди-кошки обладают особенностью периодически запускать перемены — в своей жизни и вокруг.

Авторитеты для кошек играют меньшую роль. Скорее для кошек есть проводники, за которыми они наблюдают и идут.

Искусство и его интриги — тоже дело людей-кошек. Знаете, как кошки и младенцы умеют внимательно наблюдать за чем-то, что явно происходит прямо сейчас, а мы, оглянувшись, видим лишь пустую комнату? Точно так же люди-кошки поступают в искусстве — они видят то, чего ещё нет. Некоторые умеют материализовывать, приносить в этот мир то, что они видят (зачастую — только они).

Люди-собаки совсем иные, их дело — служить. Им не нужна свобода. Им нужен хозяин.

Когда у них нет хозяина, они становятся бродячими собаками — дикими, опасными и бесполезными.

Это люди-инструкции. Люди которые делят мир на «правильно» и «неправильно», хорошо и плохо.

Чаще всего с собачьей безапелляционностью они совершенно точно знают, что хорошо — это так, а плохо — это эдак. Даже если мир к этому моменту много раз изменился, а их знания безнадёжно устарели.

Для них важнее правила («правда»), чем счастье. «Порядок», нежели свобода.

Это именно они, собаки, много лают в интернете. Выслуживаются перед хозяином.

Хозяин — это их центр мироздания. Смысл жизни собаки — служить ему.

Собаки мыслят критично обо всём, кроме как о хозяине. Хозяин непререкаем. Хозяин имеет право на всё. В том числе и на собаку.

Хозяином может быть что угодно и кто угодно — другой человек, секта, Путин, религия, политическая партия или очередная (написанная, кстати, кошкой по приколу) Святая, Всё Объясняющая Книга. У алкоголиков хозяин — алкоголь. У кого-то хозяином является телевизор — недаром во множестве квартир телевизор находится на самом центральном, почётном, священном месте, и зачастую он единственный, кто обладает силой собрать вокруг себя людей, которые в иных ситуациях вместе не собираются.

Если собаку всё-таки лишить хозяина, оторвать от него — всю энергию собака обратит на то, чтобы найти нового. И ведь найдёт. Не факт, что лучшего.

Люди-кошки и люди-собаки — это не хорошо и не плохо. И те и другие нужны. И у тех, и у иных есть как симпатичные, так и не самые лицеприятные стороны.

Кошки могут быть неверными. Сегодня гуляют с одними, завтра с другими.

Кошки лицемерны. Высокомерны и тщеславны. Склонны к интригам, склонны сталкивать лбами собак, а самим в этом время наблюдать за их сварой, помахивая хвостиком. Эгоистичны. Делают ровно то, что им выгодно.

Они не очень-то сострадательны. К страданиям других относятся весьма равнодушно. В том числе к тем, причиной к возникновению коих послужили.

Подлость. Обман. Изворотливость. Жестокость. Пренебрежение, непостоянство.

У кошек нет совести. Вывать к ней бессмысленно — кошка лишь фыркнет, почешет за ухом да уйдёт.

Вместе с тем — с кошками интересно. Они вдохновители, организаторы, импровизаторы. Причём, нередко с кошками интересно собакам. Есть такие люди, которые вроде как и не единомышленники, вроде и непохожи, вроде и разными путями идут — а, чёрт, а всё равно играет и пленит какое-то обаяние! Нередко это симпатия собаки к кошке. Собаки не всегда могут себе в этом признаться, потому что признаться в этом означает, что собаку интригует что-то «неправильное» — а это уже, в собачьих глазах, тревожная кнопка об опасности продажи Родины.

Главное достоинство собак — они создатели и хранители материального мира.

Кошкам быстро наскучивает производство — они теряют интерес к тому, что уже создано, переключаются на следующее.

Собаки надёжны. Как с ними договорился — так они и будут

поступать. Без сюрпризов. Это идеальный работник-исполнитель. Они соль земли. Незыблемость мироздания.

А трудности в жизни с собаками идут из их косности. Они негибкие. У них бедная фантазия, они жрут, что дают, они несамостоятельны без хозяина, а вынь из них фигуру хозяина и идею служения ему — от них не так-то много и останется. На полчаса с собакой поговорить, а потом попрощаться и всячески избегать дальнейших встреч, потому что предсказуемо и скучно. Это эдакий положительный и свой в доску Максим Максимович, из «Героя нашего времени», от гостеприимства которого кошка Печорин предпочёл, тем не менее, поскорее сбежать.

Собаки слепы, когда дело касается несовпадения действительного с рамками их ожиданий. Они воспринимают перемены как угрозу хозяину (впрочем, нередко именно так и есть, всё новое — это обязательно смена авторитетов) и ослепляются яростью. Они могут напасть и убить, не разобравшись. Просто за то, что кто-то или что-то выбивается из постоянной картины.

Гопники — в 100% случаев это собаки.

Разумеется, это не есть строгие случаи. В одном человеке личина кошки может меняться личиной собаки и наоборот. Но, как я заметил, одна из личин в отдельный период жизни всегда явственно доминирует. Чаще всего человек останется в основном кошкой или в основном собакой на всю жизнь.

Интересны взаимодействия.

Кошка с кошкой чаще всего взаимодействуют ярко, но недолго. Страстью и импульсом.

Собака с собакой уживётся, только если у них уживаются хозяева. При этом всё будет очень ровно и предсказуемо.

В любом случае — они понимают природу друг друга. Они одной крови, ты и я.

Кошка с собакой — вот где искры разлетаются.

Я — кошка. А вокруг меня много собак.

Я ненавижу собачью агрессию за её слепоту. Ненавижу, когда люди-собаки готовы меня убить просто потому, что я другой.

Всё-таки за кошками этого нет — они могут убить в схватке, в столкновении, но не станут убивать «геноцидом» и «фашизмом» — только из-за принадлежности к иному. А собаки могут. При этом сочтут это «правильным».

Кроме того — кошек они меряют по себе. Считают, что раз кошка что-то задумала — это для того, чтобы хитроумно уничтожить её, собаку. А у кошки, на самом деле, учитывая её презрительную высокомерность, о собаке-то и мыслей не было. Много чести, о каком-то дерьме думать.

Я не могу, да и не хочу, абстрагироваться от «собачьего» мира. Потому что именно в собачьем мире я имею простор для реализации, именно в собачьем мире я выражаю своё творчество, именно в собачьем мире я получаю материальные радости, которые для меня важны (в отличие, кстати, от собак, которые ради хозяина ими готовы пожертвовать).

Я не хочу повторять ошибку многих кошек — кошка думает, что для совершенства ей нужно лишь научиться открывать дверь холодильника и самой уметь открыть консерву с едой. При этом кошка не задумывается — а как вообще и откуда эти консервы появляются в холодильнике.

Поэтому учусь взаимодействовать.

Так что — да здравствует великая дружба кошек и собак! Готов вышить эти слова золотом на подушке.

Ну, вышивать не сам буду, разумеется — собаку попрошу.

Камо грядеши: 94, 51

ГЛАВА 54. СПАСАЯ РЯДОВОГО УЗБЕКА

Ехал я мимо Митинского радиорынка на своих старых Жигулях. Смотрю — не подбомбится ли кто, для поддержания штанов.

Стоит на обочине хлопец. Гастарбайтер. Коробка с телевизором.

Остановился.

Узбек. Я их сразу определяю по характерному кроткому взгляду. Застенчиво спросил, не доброшу ли за скромные 300 рупь до одного, не к ночи будет упомянуто, коттеджного поселка.

Поехали, хуле тут.

Коробка большая, в багажник не влазит. Назад в салон тоже.

Просто тогда вынули из коробки свежкупленный телевизор, положили назад, коробку оставили.

Разговорились.

— Откуда сам, как зовут? — спрашиваю.

— С Узбекистана. Сергей, — робко отвечает. Так робко, словно в преступлении сознаётся или в какой-то позорной и заразной болезни.

— А на самом деле как зовут, к чему имя коверкать?

— Соиб, — недоверчиво на меня глянул. Знаю я этот взгляд.

— Узбекистан большой, откуда именно?

— Карши, — голос бесцветный.

— Ух ты! — меня, конечно же, с моей тягой к истории, разом взбудоражило, — дворец Тамерлана, второй город бухарского каганата.

— Ты знаешь?! — Соиб аж вскрикнул.

— Знаю, конечно. Как не знать...

Разговорились о вечном. Сперва робко, но вскоре уже трещали без умолку. Об истории, о том, как в Узбекистане цветут и благоухают сады. О человеческом труде. О том, что все войны

и стены люди придумывают и создают сами.

Потом перешли на насущное. Сразу стало как-то холодно и грустно. Да и за окном проплывал заснеженный декабрь.

Соиб работает в коттеджном посёлке, строитель. По 12 часов в сутки. 7 дней в неделю.

Живёт с восемью односельчанами в бытовке.

Как устроился, доволен — даже не забирали паспортов. Крыша есть. Быт наладили. Договорились напрямую — деньги платят.

Сейчас вот выбрался — заработали немного, а в бытовке ничего нет, скинулись на телевизор, самый дешёвый.

Из посёлка не выходил 4 месяца. Его соратники дольше.

Гулять опасно: менты увидят — трясут. Отнимают деньги. Иногда бьют.

Поэтому в одиночку его и отправили, чтобы гурьбой не шастать.

И тут, как по заказу — тормозят на посту ДПС. Много раз мимо него ездил — ни разу раньше не тормозили. А тут — явно глаз у них намётанный.

Я из машины вышел, чтобы внимания не привлекать, но у меня даже документы не спросили — сразу двинулись к пассажиру. Пассажир побледнел. Это всё. Попал. Сейчас его обчистят — ни денег, ни телека.

Мент еще такой, практически карикатурный попался — маленького роста, прыщавый, плюгавый, ветром сносит — настолько блёклый, что в разговоре с ним просто теряешь нить и начинаешь смотреть сквозь, не в силах на чём-то сконцентрироваться.

Вытащил он пассажира. О чём-то говорят, мне не слышно, мент только начинает покрикивать и подпрыгивать. Соиб лишь возносит руки, как в молитве, словно извиняясь.

Мент двигается уверенной походкой к телевизору. Вдруг

натыкается на меня.

— Телевизор мой, — говорю.

Ап! А ничего не сделаешь.

— Езжай, — говорит мне.

— Я пассажира дождусь.

Посмотрел на меня как на умалишённого.

Увёл. Вдруг через какое-то время возвращается. Что сейчас-то надо, думаю?

— Не хотите ли исполнить свой гражданский долг и поучаствовать понятым?

Я аж прыснул невежливо. И отказался.

Смотрю на их будку — а у них, видать, рейд — вся будка полна таких же бедолаг гастарбайтеров. Толкуются там, по одному их вызывают, орут, не спешат, кого-то вводят, кого-то, понурого, выводят.

И тут смотрю — натянув шапку на уши, ко мне понуро идёт Соиб. Медленно идёт, трагично. И менты его, из-за его неспешной понурости, пропускают.

И тут до меня разом дошло что произошло — ха-ха-ха! Это ж для меня есть разница между узбеком, таджиком, киргизом и вообще между отдельными людьми, а им в будке они все как скот, на одно лицо. И Соиб, воспользовавшись этим, просто тихо перешёл в другое помещение, откуда уже выходят обобранные, и изобразив из себя скорбного обобранного, тихо, почти на цыпочках, не привлекая к себе внимания, дошёл опять ко мне, до машины.

— Поехали, — тихо говорит. А сам аж с искрой улыбкой сверкнул.

Ай, сукин сын! Вот молодец! Хитрый.

Тихо, не привлекая внимания, отъехали. Поехали дальше, благо уже недалеко.

Молчит. Слёзы в глазах. Молчит так, как молчит любой бес- сильный человек, которому нанесли жестокое, незаслуженное оскорбление.

Мне почему-то вспомнился Список Шиндлера и слова, сказанные Штерну — «я очень надеюсь, что когда-то это безумие кончится, потому что оно не может быть вечно, и мы с тобой presto встретимся, как два добрых друга».

Кажется, я ему своими словами об этом и сказал. О том, что это безумие кончится. И что мне очень жаль. То, что происходит — несправедливо.

Доехали.

Из бытовки выскочили ребята. Бросились обнимать друга — давно его не было, пропал, переволновались. Радостно вскрикнули, увидев телевизор. Как дети, нашедшие подарок под ёлкой в Новый Год.

Соиб сразу же попросил у ребят 300 рублей для меня — обчистить его таки успели, даже не доведя до будки.

И сразу же радостно затараторил о том, что у него брат тут недалеко на автомойке работает, он со мной сейчас доедет — машину мне бесплатно помогут.

Я отказаться было попробовал, но он лишь руками замахал. «Обидишь», — просто и бесхитростно сказал.

Из бытовки выбежала тощая рыжая дворовая псина — хромоногая и с добрыми, озорными глазищами. Уткнулась Соибу в коленку. Он потрепал её за ушами.

— Альмой назвали. Её тут прошлый год машиной переехали и выбросили, ну у меня денег немного было — я её выводил. Пришлось поездом домой ехать, не самолётом.

Характерно поцокал языком. Я каршинских и шахрисабзских узбеков сразу же по этому характерному цоканью вычисляю.

Камо грядеши: 71, 68

ГЛАВА 55. ОНИ ПОЕХАЛИ ДАЛЬШЕ

Бродяги.

Отвергнутые землёй. Земля не примет их тело.

Они сойдут на обочину дороги, лягут. Как будто отдохнуть. Но через какое-то время лицо облепят муравьи, и их не сдует дыхание.

Никто не оплатит это тело. Никто не склонится, никто не погорюет.

Оно останется лежать, в пыльной косухе.

Лишь ветер будет ласково шевелить пыльные, спутанные волосы. словно юная девка играет с прядями видного жениха, упав с ним в душистую траву.

Они зовут меня. Зовут в дорогу. В последнюю дорогу.

Иногда я забываю о них, и мне кажется, что они мне приснились. Что их нет, что они персонажи какого-то глупого американского роад-муви.

Но сегодня они пришли вновь. И они были настоящие.

Они напомнили о том договоре, который мы заключили с ними в степи, скрепив его ожогом костра.

Честен тот, кто платит.

Мне ведь никто не поверит, правда? Не поверит, что они настоящие.

Я не спрячусь от них ни в одной точке мира. Это слишком маленькая планета.

Одиночество. Настоящее одиночество. Фонарь на мачте. Бедственные огоньки в чёрном ночном океане.

Их смех пробирает до прожилок. Они смеются над собой.

Они грубые и убедительные.

Ребёнком я смотрел на них, на хромированные мотоциклы, банданы, серые глаза, в которых можно раствориться.

Маленький мальчик не заметил, как вырос и стал таким же.

Я сойду на обочину и буду молиться. Кому? Да чёрт его знает кому. Буду скулить, как волчонок. Жалобно, протяжно, лихорадочно слизывая языком слёзы.

Неумолимость.

Когда-то они придут за мной, и я не смогу не поехать с ними.

Я буду ехать по дорогам, сперва известным, потом не очень. Степь станет полупустыней, полупустыня пустыней.

Земля перестанет рождать. Капнет последняя капля. Выйдет мой срок. Срок смертного, заключившего сделку с демоном.

Я умею вызывать демонов, которых не отправишь обратно.

Они заберут обещанное.

Зачем они пропускают этих демонов в этот мир через меня? Я проводник? Похоже на то, именно поэтому я ещё жив. Кто-то должен быть гонцом и глашатаем.

Сейчас эту работу творю я. Я делаю её честно и прилежно.

Господи, это жестоко и это справедливо. Перед смертью действительно падают маски и краплёные карты.

Все становится настоящим. Убедительным, красивым, с благородным отливом красного дерева.

Позволь мне оставить мою дочь в этом мире, об одном тебя прошу.

Дай мне времени, я знаю, ты щедр, если тебя попросить, если действительно надо.

А потом я уйду, обещаю, как и договорились.

Я поеду дальше. Вместе с ними.

Камо грядеши: 3, 31

ГЛАВА 56. РЫБА

Мне снилась рыба.

Я на своей кухне. По правде говоря — на ней давно не прибрано.

Кухня неаппетитная. На такой кухне не готовят, на ней потребляют полуфабрикат, несвежее, застарелое, затхлое.

Я копаюсь в пакетике.

Да вы знаете такие пакетики — к пиву. Пакетики, которые не живут своей жизнью — они придаток. Набор.

Там мусорок. Грязненькое ассорти. Какие-то потемневшие орешки в какой-то задохнувшейся слизи, какие-то сухие трупики анчоусов.

И вдруг среди этого мусорка я вижу рыбу. Беру её в руки. Она слишком большая для того пакетика, где была.

Странно, как она туда попала? Неужели никто не заметил несоответствия?

Я смотрю на неё, держа в руках.

А это даже и не рыба. Это какой-то рыбоподобный моллюск. А ещё присмотрись — и не моллюск, а что-то вроде жука — вроде тех, которых Беар Гриллс красочно раскусывает в своём шоу где-нибудь в джунглях Амазонки, жалуясь, что их вкус подобен холодному гною.

Тут мне становится брезгливо.

Даже на такой неаккуратной кухне, с холодным пивом — это нельзя есть. Противно.

Смотрю — а у этой рыбы-моллюска-жука глаза. И — бывает же такое! — выразительные. Чёрные и осмысленные.

Они раскиданы по разным сторонам хитинового панциря головки, как две оконечности молота. Несимметричные. И торчат,

как сушёные грибы. Так, что их можно поддеть и вырвать неловким движением.

И тут меня передёргивает — этот моллюск живой. Он не шевелится. Но я смотрю в его глаза, а они бездонны.

И в них словно извинение — прости меня, что я такое мерзкое. Прости меня, что тебе пришлось держать меня в руках. Я мерзок. Я себя никому не пожелаю. Прости.

Я, говорит мне глазами рыба, не хотела в этот пакетик. Никому не хотела добавлять мерзости.

Я не выбирала для себя этот пакетик. К пиву. К чьему-то пиву. Прости, что испортила вечер. Прости, что испортила пиво.

Прости, что ещё добавила мерзости этой не слишком аппетитной кухне.

Я кладу её на стол, предварительно подложив под неё что-то грязное, с засохшими, прилипшими остатками пищи.

Я не хочу её касаться. Я в лёгкой панике ищу какой-нибудь пакет с мусором, куда я смогу, не касаясь рыбы-жука, её выбросить.

Только сейчас замечаю — у рыбы вспорото брюхо. Косой разрез на боку — наверное, я держал её другим боком, не видел.

В ровной прорехе красные внутренности. Рыбья кровь не стекает.

И тут рыба окончательно подтверждает, что она живая — она дёргается. Характерно, по-рыбы, хватая воздух.

Раз дёргается, второй, третий.

Молча. Как рыба.

Молча. В тишине и грязи.

Ещё дёрганье. Ещё.

Она уже не такая мерзкая. У неё уже никаких гибридов. Она просто рыба, с чешуёй, которая даже может красиво искриться,

если попадает в солнечный свет.

У неё бездонные глаза. Чёрно-серые. Я вижу каждую зеркальную нить этих глаз. В них страдание и извинение.

Рыба бьётся. Молча. Кровь не течёт. Рыба бьётся. Ещё. Ещё. И ещё.

Молча.

Ещё бьется, ещё. Ещё.

Молча.

Я проснулся. Раннее утро, оно же поздняя ночь.

Спать не могу. Я сажусь и пишу это. Вот это.

Раньше я не знал, что всё это значит.

Теперь знаю.

Эта рыба, моллюск, жук, кистепёрая белёсая змея — это я. Это моя душа. Такая, какая она есть на самом деле.

Эта рыба живет глубоко в пещерах. Она одна плавает по бесконечным ледяным подземным ручьям. Там прозрачная, ледяная вода, но оценить это нельзя — нет света.

Тельце рыбки белое. Она может десять лет не есть. Сердце гоняет её холодную кровь с частотой один удар в минуту.

Она даже не живёт. Она в анабиозе плывёт из пещеры в пещеру, из ледяного ручья в ледяной ручей.

Эта змеевидная рыба белая и прозрачная. Этого достаточно там, где вечная тьма, и только шорох бездонной воды, уходящей в ледяную глубь.

Она плавает, цепляясь за камни и водоросли кистепёрыми плавниками.

Её никто не видит, не ищет, не любит, не ждёт.

Она какой-то невероятной волей иронии попала туда, куда попала — в пакетик со склизким мусорком для пива, под невкусную, горькую пьянку.

Душа моя. Ты холодная, ледяная рыба-моллюск, водяной

жук-змея, с хитиновой спинкой.

Взяв тебя такой, какая ты есть, тебя тут же откидывают, борясь с блевотной мерзостью, выкручивая неестественно ладони.

В твоих жилах холодная рыба кровь.

Ты молчишь. Ты можешь разговаривать только страданием твоих бездонно красивых глаз, по злющему божьему садизму прилепленных к холодному тельцу.

Там, где ты живёшь, царит мрак и ледяной холод, а бесконечные ручьи уходят в ещё большую глубину.

Тебе очень плохо.

Все подземные залы пещер, никогда не видевшие света — вместилище твоей рыбой тоски.

Ты белёсая тень, плавающая в одиночестве из зала в зал.

Но ты есть. Пусть твоя кровь течёт одним ударом рыбьего сердца в минуту.

Ты есть. Ты живая. И я теперь это знаю.

И ты мне нужна. Я не выброшу тебя.

Я люблю тебя такой, какая ты есть. Какая бы ты ни была — ты мне нужна.

Я боялся, что ты умерла. Очень боялся. Я очень-очень за тебя боялся. Я вглядывался в ледяной мрак и боялся.

Мне очень больно видеть тебя такой. Прости меня.

Я тебя люблю.

И я тебя ТАМ не оставляю.

Я думал, что нет вещей за пределами смерти и хуже смерти. Но теперь знаю, что есть. Жить ТАМ — хуже смерти. Теперь я это знаю.

Я болею тобой, душа, но я счастлив тобою болеть.

Камо грядеши: 40, 12

ГЛАВА 57. СУДЬБА ФАИНЫ

С легкой руки Михаила Афанасьевича у меня теперь словосочетание «дом литераторов» ассоциируется с пьянкой, ресторанным кутежом, мужичками, с капустой в усах, дамами, пишущими под псевдонимом Штурман Жорж, и прочей вакханалией.

В советское время была тяга ко всяким объединениям — кружкам, секциям и прочим сборищам людей, которые даже самые малые душевные рефлексии не в силах проживать самостоятельно.

А ещё всем объединениям полагались творческие площадки — мастерские там всякие, аудитории, да не где-нибудь, а в центре города.

А в мастерских что? Правильно — бухают с ночи до утра.

Что я, на богемных сборищах не бывал, будь они неладны? Бывал. Бухал, видел, знаю.

Когда эти люди по одному — они ещё куда ни шло, а с некоторыми даже и поговорить возможно поболее, чем несколько минут.

Но когда они собираются вместе — туши свет, кидай гранату, Господь — жги!

Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не обоссаться поодиночке.

Правда. Посмотри на эти рожи — в чём-то все творцы похожи. Поэты, художники...

Художники, поэты да писатели, когда молодые, то бывают разные — кто-то так себе человек, а кто-то прикольный.

Но с возрастом, складывается впечатление, все художники, известные и не очень, становятся крошечным говном.

Все эти творческие объединения неминуемо делают дело, противоположное творчеству — они усредняют.

Создают советскую мечту — среднестатистического писателя, среднестатистического художника или музыканта. Людей, которые пристроены к кормушке, но давным-давно забыли — кто они, откуда, какое их истинное имя (не то, которое в паспорте, а то, которое истинное). Камо грядеши.

Милая и безобидная, казалось бы, проституция всегда оканчивается ампутацией души. Слишком уж сильна в людях наивная вера, что вот уж кто, а они-то — они успеют соскочить. Что Дьяволу можно продать только половину души.

Каждый первый наркоман, в широком смысле определения, это лелеял.

Те, у кого остались лоскуты души, те яростно боятся даже не того, что у их произведения будет один-два-четыре читателя — это как раз бы, напротив, кормило гордыню — человечество ещё не доросло до меня, хо-хо-хо! Я понятен только избранным!

Они боятся того, что их книга выйдет, войдёт в планы, осядет по региональным библиотекам по разнарядке — и окажется в полном забвении.

А ведь правда — знаете, перебираешь иногда книги на библиотечных полках от скуки и находишь там опусы каких-то совершенно неизвестных региональных щелкоперов, пишущих под эгидой союза писателей «Молодые дарования Мордовии», или «Лауреат Коряжминского областного конкурса Золотое перо, или Разливанный соловей».

Какие-то имена, какие-то романы, обрывки чьих-то жизней, чьи-то имена.

Эти люди писали книги. А читателей нет.

Да я сам — поддержку в руках их книгу, взвешу и отложу навсегда в сторону.

Книг много, а жизнь коротка.

Мне не хочется знать, что будет дальше, с самых их первых страниц.

Подобно большинству журналистов, я мечтал написать роман. И, не в пример большинству журналистов, действительно занимался литературой. Но мои рукописи были отклонены самы-

ми прогрессивными журналами.

Сейчас я могу этому только радоваться. Благодаря цензуре, моё ученичество затянулось на семнадцать лет. Рассказы, которые я хотел напечатать в те годы, представляются мне сейчас абсолютно беспомощными. Достаточно того, что один рассказ назывался «Судьба Фаины».

Лена не читала моих рассказов. Да и я не предлагал. А она не хотела проявлять инициативу.

Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность.

И наконец, женщина может оставить его в покое.

Кстати, третье не исключает второго и первого. © Довлатов

Когда задумываешься о судьбах литературы и литераторов — у самого начинает зудеть страх чистого листа. Страшно писать.

Страшно писать не оттого, что, быть может, не поймут — да нам что, привыкать? Вся жизнь в непонимании, застряли, как челюскинцы во льдах.

Куда страшнее, если поймут. Кивнут, примут, напишут грамоту, дадут членский билет — и забудут.

Так, будут кирять на казённых площадях Союза писателей, собравшись по поводу склеенных ласт очередного мэтра или по поводу очередного регионального казённого конкурса.

Иногда пригласят в жюри — скрипучие сдвинутые парты, графин с желтоватой водой. Запах выкрошенного ДСП в местном ДК. Неистребимые тётушки с многоэтажными причёсками, суета в гардеробе.

Иногда включают в антологию писателей родного края, с коротким рассказом. «Судьба Фаины».

Похоронят живьём. Вот этого-то, на самом деле, бояться те, кто уже стартанул как молодой, перспективный автор, член Сою-

за Писателей Усть-Каменогорска.

Что делать, спросите, вопросом другого литературного классика, название произведения которого все слышали, но никто его не читал?

Да что делать, что делать — сухари сушить. Что же из этого следует — следует жить, шить сарафаны и яркие платья из ситца — вот что из этого следует, и ничего более.

Жить и творить, не оглядываясь на людские толки.

Мы — всего лишь слёзы в глазах вечности, нам не дано знать, что из нашего творения останется, а что забудется.

Делай — и не ищи людского мнения, оно ненадёжно. Сердце и Бог в нём — куда надёжнее.

Рукописи горят, но любимых детей не сжигают.

Один герой Стругацких ясно сформулировал, кто есть писа-

тель — он всего лишь больная совесть общества. Ну дело у него такое — брюзжать не в ногу, когда все в строй славословят.

И сроду писатели не врачевали никаких язв — просто иногда у общества совесть болит, вот и всё.

Ну куда ещё муку выплеснуть? А бумага-то всё стерпит.

...Гулял я как-то по Орлу, да набрёл на Дом литераторов.

Воспитанный, культурный человек что должен был сделать на моём месте? Правильно — поинтересоваться, кого испустил из своих недр этот Дом, из тех, кем по праву гордится Орловщина, чьи книги осели в библиотеках, часто ли собираются тут морёные жизнью, или напротив — самодовольные, толстомясые поэты.

Но я оказался человеком некультурным и трусливым. И осторожно, на цыпочках, от Дома ушёл.

Знаете, как говорил литературный классик — а ну его нахуй, на всякий случай. Подальше от бога — подальше от чёрта.

Вдруг мальчики кровавые по углам сниться начнут.

Камо грядеши: 76, 7

ГЛАВА 58. МОДНЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Ехали мы с Романычем автобусом из Праги в Дюссельдорф, и попались нам в попутчиках два голландских мальчика (что вы сразу подумали? нет, они не такие).

Мальчики молодые, вежливые, испорченные европейской степенностью, а тут к ним в автобусе прицепилась славянская бабушка из какой-то балканской страны и давай по ушам ездить, на скудном английском. И не отстаёт от них, и не отстаёт.

«Куда-нибудь в Воронеж этим ребятам с таким набором параметров попадать нельзя, пропадут», — вывел мудрость мой внутренний Конфуций.

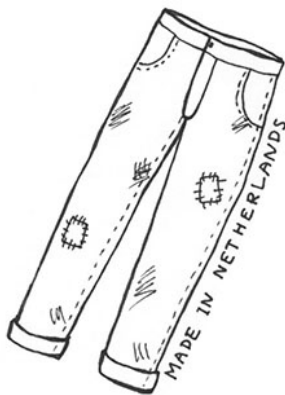
А у одного из них оказались очень модные брюки — белые, но с нарисованной грязью, следами грязных рук, искусственной

мятостью. И стильно так выглядит, и прикольно — одно слово, прогрессивная Голландия — не хер это вам собачий.

Когда приехали уже в Эссен через Дюссель, сидели на хате, у Романыча оформилась дилемма — у него с собой было двое штанов — одни удобные, другие неудобные, которые успели натереть яйца.

Но те, которые удобные, внезапно подверглись нападению талой воды и капающей шаурмы (то есть дёнера), а постирать и высушить их уже не успевалось.

Романыч сидел и решал вопрос — какие надеть? Грязные, но удобные, или чистые, но неудобные?

— Решай, кем ты хочешь быть — либо модным голландцем, либо белорусом с натёртыми яйцами, — по-иному оформил перед ним задачу мой внутренний Конфуций.

Романыч секунд пять переваривал информацию, а потом уверенно потянулся за грязными брюками.

Камо грядеши: 2, 11

ГЛАВА 59. ПЬЯНСТВО — НАШЕ ПОСТОЯНСТВО

Наверное, это банально климатическое. Финны вон в доказательство — пьют не меньше нашего.

У нас большая страна, необъятные просторы, весело так, что хоть сейчас в петлю.

Мы любим грезить о мировом устройстве, боимся ядерной войны, а другой рукой накликаем её же. Потому что достало.

На фоне западной узости и бережливости, у нас всё просто — «а пошло оно всё к чёрту!» — и полетела душа в рай. Ненадолго, но ярко.

Один момент — и мы готовы со всем расстаться.

Русский человек лучше других знает — он на земле лишь гость. Тут уж, говоря строчками Омара Хайяма:

*Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую израильские кости —
Всё, что выпало, надо успеть проиграть.*

Вот и проигрываем. У нас проигравший зачастую выигравшего счастливее. Такое вот, русское с ног на голову.

Блажен тот, кто готов всё проиграть. Кинуть всё на стол. Долго запрягать — и никуда не поехать.

Русское пьянство — это особое измерение. Оно шире алкоголя, шире пространства.

Вообще русский человек широк, как от Балтики до Колымы этапом. Надо бы немного сузить.

Опять нет причин не пьянствовать. Горе и радость — всё едино там, где едины живые и мёртвые.

Хотя у мёртвых все-таки фора — им больший почёт, лучшее за столом место. И с них тост.

Алкоголь — смазка между людьми. Очевидно, что лучшая смазка между людьми — смазка влагалища. Но я с этим скудным мнением в меньшинстве. И даже в лёгком презрении.

Пьянство, пьянство — наше постоянство.

Очень трудно поверить, что то, что мы видим за окном — это и есть Россия. А то, что в зеркале — это мы.

Не может же всё быть настолько банально?!

Наше пьянство сродни религии. Мы вообще очень религиозны — даже атеисты не могут просто оставить Бога — им необходимо объявить Богу смертный приговор, вести борьбу до последнего ангела.

Борьба с религиозностью проходит совершенно в религиозных канонах.

Подальше от Бога — дальше от чёрта.

Кто бы нам ещё это в нужный момент напомнил, так, чтобы не разбили ему об лоб пустую бутылку.

Всё ведь человек, всё тварь божья. Возлюби ближнего своего — так, кажется, говорил Спаситель между первой и второй, вклинившись в скорую паузу.

Боже, сколько любви и уважения разлито елеем за праздничным столом! Как вкусны, Господь, твои кильки на закуску.

Спасибо, что не оставил нас, грешных. Иже еси, нам водки принеси. Паки-паки. Житие мое.

Люди, втиснутые в пространство страшных сказок, советских газет перед обедом, библейских историй из телевизора, под тенью крыл ястребов из Пентагона, держащих склеротичный палец на спусковом крючке войны.

Потоки, волны, вибрации Джа, накаты, приливы и отливы — всё через нас, через души, через тело.

Чудны деяния Твои! Аффар, пеши есчо!

Кто-то завтра не проснётся.

Я почему-то надеюсь, что это буду не я.

Точно так же дети надеются, что родители не умрут. Зло будет повержено.

Пусть в порнофильме, но все поженятся. Чапаев выплывет. Возляжет лев с агнцем, поплачут друг другу в канонические бороды арабы и евреи. Погуляем на армяно-азербайджанской свадьбе.

Но — вы же помните, блаженны проигравшие. Горе слабым. И их же есть царствие небесное.

Махмуд, наливай!

Камо грядеши: 34, 83

ГЛАВА 60. ДАДИМ СТРАНЕ УГЛЯ

Это сейчас чёрное золото — нефть. А когда-то чёрным золотом был уголь.

И за уголь разгорались войны.

Уголь забирал жизни. Хоронил несчастных живьём. Сжирал душу Сергея Лазо, запертого японцами в топке паровоза.

Уголь для меня свят — я ж внук шахтёров, вырос в шахтёрском крае.

Перед углем у меня пиетет. Меня завораживает мысль, что он, уголь, лежит там в земле ещё со времён динозавров, пресовался веками в слои, отпечатывая папоротники и диковинные растения. Что он, плод страшных подземных мистерий, выходит на поверхность — кормить огонь.

Он будет жарко разгораться в печах. Он согреет кусачим зимним утром.

Угольный сарай приравнен к храму.

Я ещё в школу не ходил, не всегда мог связно слова в рассказ собрать, но что такое коногонка, или лава, или штрек, или клеть — знал хорошо.

Нормальные дети сочиняли сказки про ребят и зверят? А я сочинял продолжение детской сказки — «Три поросёнка работают шахтёрами».

Шутили, что у всех живущих в шахтёрских краях лёгкие в угольной пыли — а это и не шутка.

Шахтёры в своё время были знатной, хорошо зарабатывающей кастой. Но никогда шахтёры не были здоровыми и долго не жили.

Ещё бы — если работа в шахте это не ад — что же тогда ад?

Значение угля сильно пошатнулось — другие энергоносители вытеснили.

Шахты жирного, чёрного, энергоёмкого антрацита — на плаву. Он рентабелен.

Если же уголь худшего качества, а ещё и вывозить его трудно — пошли шахты закрываться.

В цивилизованных странах шахты закрывали не по рентабельности — по волевому решению.

На то время это встречало бунты — финны бранили противников шахт всеми длинными финскими ругательствами.

А чего натерпелась от английских шахтёров Маргарет Тэтчер! Легче, чем предателями и вредителями, и не называли.

Сейчас, конечно, впору спросить — где мы, а где они — но кто спрашивать будет? Кто отвечать?

Да и нас это не касается. Мы — ура иль ах — не цивилизованная страна. И уголь по-прежнему — не основная, но значимая карта.

Это он, уголь, просто из-под прицела масс-медиа ушёл —

забылись шахтёры, стучащие касками на Горбатом мосту у Белого Дома, забылся Черномырдин, предлагающий поработать в забое без денег.

Шахтёры забылись, о них вспоминают лишь после очередного взрыва на очередной шахте, где новейшее обеспечивающее безопасность оборудование просто искусственно выводят из строя — чтобы не мешать работать во все смены, на сверхприбыли, рискуя жизнями.

Шахтёры забылись — но уголь по-прежнему собирает свою дань.

Поймите, чуваки, нельзя просто так, безнаказанно потрошить землю, ещё и представляя себя царём природы.

Нельзя брать уголь, не принося ему человеческих жертв — он божество жаркое, злое и дремуче языческое.

Он не прощает непочтения к себе. Не очень-то разборчив — его не купишь жалостью к шахтёрским вдовам.

Дадим стране угля. Переполосуют страну гремучие угольные составы.

Денно и ночью в портах железные роботы грузят его в суда, проседающие по самую ватерлинию.

«Не останавливать работ!» — кричит Линия Партии.

Бесконечные, пыльные, чёрные суда уходят за морской горизонт. Сгореть в далёкой африканской, или ещё какой-нибудь там топке.

*Шла Саша по шоссе, с Донбасса на Кузбасс
Чрез угольный бассейн, где в каменную пасть
Людей уносит клеть к забоям и кайлам,
Где добывают смерть с углём напополам.¹*

Камо грядеши: 3, 35

¹ Несчастный случай, «Шла Саша по шоссе»

ГЛАВА 61. AZAQ DEŇIZI / АЗОВСКОЕ МОРЕ

Азовское море — моё.

Мои разнокровные предки селились с ним рядом, переходили вброд гнилые лиманы по его берегам, ходили по водам, брали дань рыбой.

Азовское море — самое мелкое море в мире. Но одно из самых богатых.

14 метров — самая большая глубина.

В любой точке Азовского моря видно дно.

Мы никогда не узнаем, как жутко сжималось сердце тех, кто остался похороненным на дне, успев увидеть место своего последнего пристанища.

Смуглые люди пересекали эти воды, щурясь, сидя на носу своих кораблей.

Есть в Азовском море что-то непостижимое, что-то сакральное — это его первозданность.

Его плавные берега беззастенчиво трогают за сердце, оставляют беззащитным, как голое дитя.

Здесь, на пустынном берегу, рождается странная мысль — а быть может, и не было никаких людей? Может, океан только-только придуман Создателем, и человечество ещё не зародилось?

А быть может, человечество, как в «Планете обезьян», уже исчезло, и первозданность вновь берёт свои права?

Если правы старые мореходы, говорящие о том, что души умерших людей уходят в море — я знаю, в какое именно море уйдёт моя душа.

Камо грядеши: 21, 17

ГЛАВА 62. СДАВАЙТЕ, ГРАЖДАНЕ, СТЕКЛОТАРУ

В детстве, как нормального советского подростка, меня бабушки-дедушки нередко отправляли сдавать стеклотару.

И вообще, открывая ситро, следили, чтобы не сколоть отквашкой часть горлышка — такие не примут.

У меня до сих пор эта привычка, аккуратно бутылки вскрывать — бутылочное горлышко берегу.

Открыляющий процесс — приносишь какие-то пустые бутылки на пункт, где кисло пахнет пивом, отдаёшь их, горсточку советских монеток получаешь. Мусор за деньги — ну не чудо ли?

Одно время пункты приёма стеклотары пропали из виду, но в 90-е появились вновь.

Я зашёл поинтересоваться и был удивлён — бутылки принимались за 1 рубль. И более того — принимались жестяные банки, из-под пива, из-под кока-колы — по 10 коп. за штуку. Просто плющишь каблуком алюминиевую банку, чтобы места много не занимала, да приносишь, наравне со стеклом.

Дома была коллекция алюминиевых банок — в 90-е верх буржуйства, а уже на излёте 90-х ценности в них никакой — банок всяких стало навалом, эксклюзивность испарилась.

Целый день я плющил их ногами, топая как осерчавший барин. Потом сдал, вместе со скопившимся складом бутылок с недавней пьянки.

Получил рублей 30 — две бутылки хорошего пива. И воодушевился.

Следующее время я везде и всюду собирал бутылки да банки. Что сам пил — естественно, складывал тоже. Ходил с пакетом, гремел как бомж.

На бутылки была конкуренция — многие тоже их искали — но всё же не слишком большая. А на алюминиевые банки конкуренции не было вовсе — 10 копеек типа — мелочь. Пренебрегали.

И зря. Мелочь иль не мелочь, но курочка клюёт по зернышку (весь двор в говне) — насобирать десяток банок — по времени те же затраты, что и на поиск одной бутылки. Выходит тот же рубль.

Смешное дело, но у меня начал получаться неплохой приработок.

Нет, с этого, конечно, не разбогатеть, но на безработные студенческие расклады — хватало на пиво, порой и на портвейн, а порой и на портвейн с лавашом.

Некоторые, видя мои поиски бутылок, посмеивались. А я их осаживал — что, стоять на митингах с чужими лозунгами и подделывать подписи кандидатам в президенты (тогда только очень ленивый этим не подрабатывал) — лучше?

Остатки совести ещё не были пропиты, поэтому пересмешники осаживались.

Я же честно собирал на свой хлеб.

По весне так и вовсе — заработал денег на билет в Великий Новгород, в гости. Как сейчас помню, весной выплывают «подснежники» — все те бутылки, что в сугробах незаметно зиму пролежали — время самое хлебное.

Окружающие перестали потешаться. Даже скорее заиграло уважение — надо же, не кланчит, не кланёт судьбу — сам зарабатывает. Да ещё и угощает — а я щедрый был, угощал, когда мог.

Некоторые люди, которым не было необходимости самим сдавать бутылки, тем не менее, начали их сохранять — и при случае отдавать мне.

Так они их просто выбрасывали, а тут знали — сделают хорошее дело.

Помню, еду с Кузьмичом, ещё на его «Ласточке» (Жигулях-шестёрке), разговариваем о чём-то, вдруг Кузьмич бьёт по тормозам.

— Ты чего? — спрашиваю.

Тот выбегает, приносит бутылку — оказывается, на обочине стояла — отдаёт мне.

До слёз трогательно.

Потом я как-то начал зарабатывать по-иному. Да и студенчество кончилось.

А через какое-то время и культура сдачи стеклотары ушла в небытие.

Так и ушёл в анналы истории этот способ заработка.
Жалко.

А я до сих пор — открываю бутылку — берегу горлышко.
А потом озираюсь — так, куда бы бутылку деть?

А потом вспоминаю, что хрен я с ней что сейчас сделаю.
И с сожалением выбрасываю.

Камо грядеши: 15, 37

ГЛАВА 63. ГОСДУМА, ИЛИ КАК Я ПРОВЁЛ ДЕНЬ

Был в Государственной Думе.

Как я туда попал? Да очень просто — вышел рано утром из родимой хаты в Орле, предварительно одевшись да покушавши в дорогу, доехал на вокзал, сел в «Ласточку».

4 часа пути, во время которого читал Лавкрафта «Зов Ктулху», 5 минут опоздания, и вот я в Москве-столице, златоглавой, кто в Москве не бывал — тот Москвы не видал, друга я никогда не забуду, ну и так далее.

Доехал до Охотного Ряда, там — Москва вступила в предновогоднюю неделю — всюду лавки, скоморохи, менты, киргизы, прочих радостный настрой и даже ледовая горка.

Прошел Манежку, сворачиваю в Георгиевский переулок — в Госдуму много проходных, но для смердов вход с обратной стороны. Играем, тэк-с сказать, на заднем дворе.

Стоят членовозы, чёрные и мрачные катафалки. Кто просто депутат — тому Форд, кто уже ручкоцеловальный, управитель думского комитета — тому Бэха.

Одиночный митинг, мужичок витиевато вопрошает плакатом — «Единая Россия! Людям кажется, что валютная ипотека — тема ст. 159 УК РФ» («Мошенничество» — прим. автора. Уж её я знаю, меня ж по ней же в своё время винтили).

Ну, может, каким-то людям так и кажется, а мне вот так не кажется. Есть главный закон ипотечных займов — они берутся в той валюте, в которой получаешь зарплату.

Кто-то поступал рискованно, брал ипотеку в валюте под маленький процент, в то время как зарплату получал в рублях. Брал, платил существенно меньше рублёвых заёмщиков, а многие так даже ещё и бахвалились собственным умом перед

скудоумностью иных.

Тут случилась такая вот жопа, рубль рухнул в анус, кто набрал кредитов в валюте — те мгновенно за рублем в анус вослед.

Ну, и чего тут мошеннического? Кто кого обманул?

Брал рискованный кредит? Брал. Знал, на что шёл? Знал. Взрослый человек? Взрослый. Ну вот и не обижайся.

Есть процедура банкротства — ежели встрял с валютным кредитом, то проходи через неё — в тюрьму не посадят, штрафа не выпишут.

Но нет ведь же — хочется и рыбку съесть, и сесть на стыдное, и на велосипеде прокатиться — и всё на дармовщинку.

Ясное дело, политику таких вещей, о каких я вам тут толкую, говорить нельзя — политик, который избирателям скажет чистую правду, что они сами накосячили, немедленно уткнётся в конец своей карьеры, — и в который раз я возрадываюсь тому, что я не политик и могу говорить кому угодно и чего угодно.

Так что, господа валютные заёмщики — по-человечески мне жаль, что пацан к успеху шёл, а ему не фортануло, но граждански — много чего властьпридержащим нашим можно вменить, но вот валютную ипотеку не надо.

Б-г завещал идти дорогою правды и добра — вот и иду.

Ладно, я про Госдуму — подхожу я, значит такой, короче. Прямо на улице, под семью ветрами КПП, усталые мордовороты вбивают паспорта.

Я ему паспорт, а он мне сразу говорит, что меня пропустить не может, потому что я в камуфляже.

А я ведь и правда хожу в камуфляже, уж не придаю особого значения и внимания, привык — удобно, красиво, мужественно и дерзко.

На мне военные бундесверовские штаны из секонд-хэнда, принадлежавшие до меня какому-то немецкому спецназовцу,

с бесконечными карманами под фляги, ножи, кремни да ручные гранаты. К тому же я только что с поезда, с рюкзаком. Все кругом — с папочками, с дипломатами, в костюмчиках цвета мышинного навозца, а я — ну сущий гайдамак, мечта малолетней, полотовтерзаемой гимназистки.

Я говорю:

— Командир, у меня брюки с собой-то есть, переодеться — не вопрос. Но переодеться буду прямо тут, обнажая на пороге Государственной Думы всю спрятанную у меня под штанами мощь и дикость — а тут ведь женщины вон, дети, слабонервные, социально неустойчивые категории населения...

Он репу чешет.

— Ладно, — говорит — мне-то шо, я человек маленький. Дуй внутрь, там просто ещё один кордон — если прицепятся, то сам разбирайся.

Зашёл внутрь. Чтобы выписать пропуск — паспорт в узкое окошко с полностью зеркальной поверхностью. Ничего не видишь, твой паспорт где-то там исчез. Может, мне в этот самый момент за зеркальным стеклом жопу показывают да страшные гримасы корчат, а я и не знаю.

Смотрю в зеркало — как будто сам себе пропуск выписываю. А это форменный бред — я сам с собой и без пропусков договориться способен, по-джентельменски, веря на слово.

Второй кордон — на мои фашистски-немчуровские штаны всем плевать.

Увидели российский паспорт с украинской обложкой, сказали гы-гы — позвали лишь кореша на прикол посмотреть.

Внутри до диарейных спазмов всё очень предсказуемо — фойе, как в провинциальном театре, гардероб — тётушки точно такие, как горничные в советских фильмах о бытии коммунистической номенклатуры — фартук, чепец.

На стене добротная металлическая, гравированная карта России — такую быстро не поменяешь, так на ней Крым не наш.

Да-да, в Госдуме я успел увидеть лишь одну карту России, и российского Крыма на ней нет.

Куча сувенирных магазинчиков — все эти чернильницы с двуглавыми орлами, фляги с Путиным, одновременно с этим — детские книжки, цветочный магазин и кактусы в кадках — ну мало ли, вдруг в Госдуме срочно потребуется кому-то посидеть на кактусе или слопать его, в доказательство личной преданности.

Куча стендов с бесконечными, однообразными кубками — какие-то думские соревнования по шахматам, стрельбе, пляжному волейболу.

Атмосфера вопиюще дурацкая.

Ходят всякие известные личности.

Все эти физиономии видел в одной упряжке по телевизору, а тут они вдруг все в реале, в одной упряжке.

Вот Станислав Говорухин прошёл. Вот кто-то из КПРФ, забыл, как там его.

Шляются, как у себя дома.

Большая часть лиц очень-очень смутно знакома. Скорее всего, их тоже где-то как-то видел, по телевизору, на фотографиях — но просто сразу не опознаешь.

А с другой стороны — все эти депутаты удивительно одинаковы — серьёзно, на одно лицо, как из одного инкубатора, из-под одной наседки.

В большинстве своём — непривлекательные, рыхлые, бесформенные тела. Болезненного, задохнувшегося цвета лица — как ещё добротный, но всё-таки старый и заплесневелый от дождей кирпич.

Совершенно одинакового вида костюмы, в основном небла-

городного голубого оттенка в рубчик, которые сидят плохо и никому не идут.

Много шутят, много обращаются друг к другу, но как-то очень уж приторно и по-пустому. Изо дня в день известный всем спектакль.

Много некрасивых женщин.

Грустно такое о женщинах говорить, но что поделать — херовый из меня политик, я уже говорил.

Есть какая-то тоже специально выведенная в инкубаторе номенклатурная порода — угловатые, мешковатые юбки, старушечьи блузки.

Распространена ещё местная субпорода — огромные, квадратные, высоченные, широченные бабы. Не толстые, а такие, сплошные жилы — ломовые лошади, буйволицы — косая сажень в плечах, ноги-колоды, борцовские руки, тяжёлый подбородок, пергидрольные волосы, косолапая боксёрская походка.

Идёт — земля трясётся, невольно отступаешь, как от стада обезумевших бизонов.

Сразу видно — такая если надумает принести народное счастье, так обязательно принесёт. А не будут счастье брать — вдавит его насильно коленом и отключит газ.

Современная роль депутатов не просто горька — хуже, она позорна.

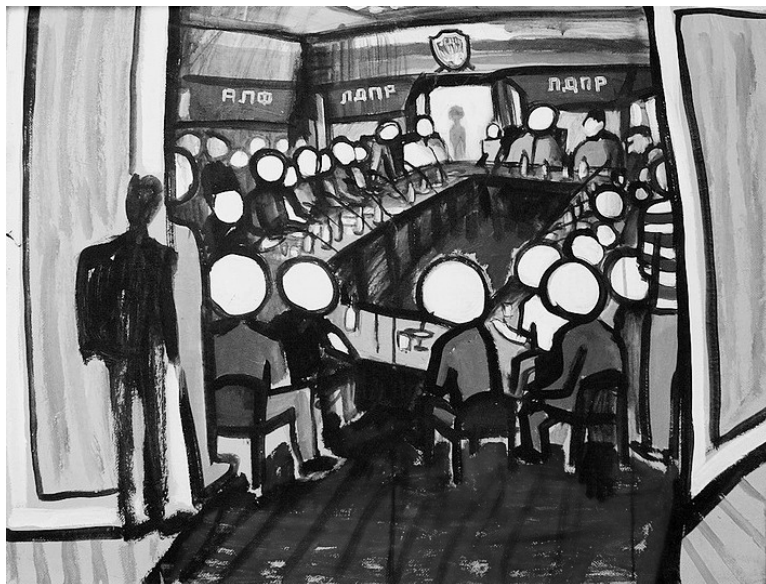
Госдума напоминает факс в автоматическом режиме — принимает всё, что присылают.

Из 450 депутатов на заседаниях присутствует редко когда больше сотни.

Депутаты сдают однопартийцам свои электронные карточки, оттого при голосованиях присутствующие просто потешно бегают по рядам, нажимают кнопки.

Цирк уродов, чесслово. Ей-богу — ввели бы уже автоматизацию по методу опального олигарха Скуперфильда, работающего на макаронной фабрике — крутится колёсико с выступом,

и выступ с одинаковой периодичностью нажимает на кнопку. Вообще можно было б не приходить — чего людей гонять зря.

Люди, которые одарены и во многом успешны — годятся лишь на то, чтобы нажимать по команде кнопки.

И выглядят оттого как карцер, в котором задохнулся поэт.

Один из безошибочных способов узнать душу места — слушать обрывки чужих разговоров.

Вот проходят мимо мужички да тётки, вида школьного завуча с двухсотлетним стажем. Что-то разговаривают о каких-то постановлениях, которые пришли в ответ на другие постановления, в корректировку на третьи постановления — какие-то сложные бюрократические конструкции.

А вот заходят в лифт тётка — выше всех на две головы, почти упирается в потолок, и мужичок — похож на напёрсточника из 90-ых.

Мужичок увлечённо рассказывает, как именно следует гото-

вить гуся в яблоках. Рассказ — ну сущий Паниковский. Крылышко, ножка — с причмокиваниями.

Тётка кривит нос, говорит, что гусь воняет, мясо чёрное — мужик с ещё большим рвением объясняет, что это уж как приготовить, и продолжает рассказ в подробностях, пока на каком-то из этажей за ними не смыкаются двери.

Какое настроение этого места? Это настроение междусобойного, предсказуемого Совка. Эдакий НИИ Россиеведения, с прикладным уклоном. Сущие Стругацкие, «Улитка на склоне».

Госдума поражает своей удивительной безвкусицей. Здесь нет ничего от человека, ничего от личности, ничего от индивидуальности.

Можно идти-идти, идти-идти, но всё равно — видишь эти бессмертные монструозные люстры, эти непобедимые красные бабушкины паласы — и признаёшь свою перед Советским Союзом полную капитуляцию.

Он победил. Мы умрём, а он останется.

Стандартные кабинеты, стандартные разговоры, стандартные комплименты. Стандартная напускная дымка глубокой рабочей озабоченности — которая слетает очень быстро, как не бывало, стоит только хлопнуть по плечу голубого пиджака да назвать в буфет.

Это то небольшое, что в Госдуме делают с видимым оживлением и интересом — едят.

Тут спецказанник, спецприёмник. Большой зал прозаседавших, где жуют мясоядные хомячки, с селёдкой в усах.

Ну-ка, взглянем, что едят народные избранники, великие небожители, властители душ, элита страны, её оплот и основа, уважаемые и умудрённые мужи, законодатели и радетели, ясные соколы, защитники от западного и заокеанского гнилья, заботли-

вые отцы, верные мужья, почтительные сыны и дочери, возникшие духовных скреп.

Сосиски «Папа может». Сок из пакета с рекламным слоганом «Пей соки. Не беси природу!».

Сиротливая горстка фунчозы. Задохнувшаяся кучка фасоли.
Ватный московский хлебушек с салцем.

Все народные избранники, могущие легко себе позволить что-то более изысканное, не заморачиваются, тем не менее, и аппетитно уписывают всё это за обе щёчки, щурясь, как бурундуки.

Хватает последователей теории заговора — они убеждены, что на деле эта столовая для отвода глаз. А у российских депутатов водятся зальчики похитрей, с фуагррой и устрицами — секретные, по паролю, дабы ходоков не дразнить.

Блаженны верующие. Но правда проще и безрадостнее — нет никаких зальчиков похитрей.

Нет и никогда не было.

Лучше бы они были, но их нет.

Депутаты жрут в думском буфете не потому, что в этот момент они ведут какую-то шпионскую игру, работают под прикрытием — это и есть настоящий депутат. Он сидит в думском буфете, ест сосиску — и это единственная его ипостась.

Как там — можно вывезти девушку из деревни, но вывезти деревню из девушки нельзя.

С Госдумой так же — можно попрощаться с Советским Союзом — но он же с нами не прощался, верно?

Именно поэтому нашу Родину не победить. Не победить, потому что нельзя взорвать болото.

Думаешь — это грим. А сдираешь вместе с кожей.

Примерил козлиную шкуру, а она приросла.

Мы едины — мы непобедимы.
Только почему-то от того не радостно.
Знаете, хорошо тут у вас, но я, пожалуй, отойду в сторонку.

...Что было потом? А, да ничего такого, собственно.
Доехал ещё до Общественной палаты, на Миусской площади.

Еда из Госдумы не пришлась, как и остальное содержимое
Госдумы, ни к душе, ни к сердцу, поэтому вечером традиционно
доехал до «Ханоя» на Савёловском рынке, отъел там вкуснейший
вьетнамский суп.

Ну а потом вновь на поезд, посреди ночи прибыл в совершенно
(опосля огненной Москвы) затрапезный, тёмный Орёл,
20 минут на такси — и я вновь в тихих родных пенатах, где
за окном расстилается сюрреально чёрное поле.

Вот и всё.
Сказке конец, кто слушал — молодец.

Камо грядеши: 81, 66

ГЛАВА 64. ТАУ. ОДНАЖДЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Мда, не тот нынче Сайгон.

© Б. Гребенщиков

Это вам не хухры-мухры.

© Джордж Харрисон

Что делают все нормальные люди, приезжая в новое место?
Я первым делом навожу справки, какие в округе есть места
для плотских утех.

В англоязычном инете бытует СексВикипедия, там большая статья про вьетнамский град Сайгон, он же Хошимин, куда занесла меня once upon a time блудливая судьба. Зачитался и очаровался.

Проституция во Вьетнаме запрещена, ибо кругом победивший социализм, поэтому кварталов красных фонарей как таковых нет. Однако есть места различных сборищ, суть которых ясна адептам грехопадения и между строк.

Что меня огорчает в проституции, а ещё в сфере разной концертной деятельности — они все ассоциируются с ночью. А я жаворонок. Рано ложусь, рано встаёт. Самое активное время у меня приходится совсем не на ночь.

Из-за этого, кстати, некогда перестал профессионально работать в среде организации разных концертных мероприятий, из-за ночного графика — ибо ровно в то время, когда всё должно начинаться, меня наоборот начинает рубить в сон.

Засыпающий герой сцены — печальное зрелище.

Интересно, что в моём опыте была всего лишь одна девушка, которая, как и я, страстнее всего желала близости утром. Восхитительно было — проснёшься рядом с ней, когда солнце озаряет восходным розовым заревом, проведёшь ласково от лопаток до копчика, а она сразу вспыхивает.

Вот и досадно, что в тот час, когда у меня самая охота воспользоваться прелестями продажной любви, в местах её продажи тихий час.

Плюс ещё, массированным грешным расстрелом шрапнелью, проституция чаще всего жмется к алкоголю, наркотикам, клубной тусне. Оттого хочешь приключений — попутно изволь отправить галлон алкоголя в нутро, а я не пью, отстыковался от формата клубных посиделок, и сразу же оказываюсь тем самым из процесса исключённым.

Не, я посмотрел, конечно, из любопытства на культовый Сайгонский клуб «Апокалипсис сегодня», имени Фрэнсиса Форда Coppола, но, как говорил другой классик, взятый в эпиграф, «не тот нынче Сайгон», и культовые пивные, где американские солдаты щупали мягоньких вьетнамских девок, превратились в дорожные, моднявые клубешники со сладенькими коктейлями для вьетнамской золотой молодёжи.

Впрочем, не сошёлся на них всех свет клином. По Азии широко популярны массажные салоны, и вовсе не только оттого, что там действительно делают поистине классный массаж, со знанием дела, а оттого, что практически все массажные салоны, сконцентрированные в кварталах определённой разгульной славы, предполагают помимо массажа услуги по дальнейшему «хэппи энду».

Начал узнавать, где таких салонов можно найти, выяснилось, что в пяти минутах ходьбы от того места, где я остановился. Причем забронировал я жильё совершенно наугад — вот что значит заточен на такие вещи, и нюх как у собаки, и глаз как у орла.

Днём там тоже особого оживления не заметно, плюс тупо не видно вывесок, оттого кажется, что ничего на тему грехопадения и нет. Но вечером вывески отчётливо видны, плюс везде стоят зазывные девушки, порой не дающие проходу, предлагающие своим вьетнамским мяукающим говором «вэри гут масас».

Вьетнамки, на мой субъективный вкус, не самые прекрасные девушки в Азии, чемпионство всё-таки за монголками и кореянками, но всё равно, сами по себе хороши.

Странно лишь то, что вьетнамками называют помимо женщин ещё и тапки. Впрочем, с чешками — та же беда. С болгарками и того хуже.

В общем — надо брать. На массаж сходить стоит. Даже если вдруг обломается продолжение — час массажа как такового есть удовольствие несомненное.

Чаще всего на улице зазывалой стоит та барышня, с которой потом и познакомишься поближе. Этому ещё опыт Таиланда научил.

Поэтому имеет смысл прогуляться как надменный бургер, привередливо выбирая самую манящую.

Увидел девку — плоскомордая, пухленькое вьетнамское лицо, глаза-щёлки, в чёрном коротком платье. Азиатская фигура — маленькая, миниатюрная. Ниже меня на голову, но всё при ней — упругая смуглая кожа, грудь словно из плотной резины, животик аппетитно чуть нависает, ляжечки. Очаровательная, характерная, фирменная азиатская лёгкая кривоноготь.

Сам салон внутри двора, вход из переулка, случайно не забредёшь. Обувь на пороге снимается, женщина помогает это сделать, как истинному падишаху.

Вьетнамские жилища узкие и длинные, вверх поднимаешься по узким винтовым лестницам.

Девку звали Тау.

Шла впереди. Пока поднимались по лестнице — а ноги у них маленькие, оттого ступеньки короткие, в половину моей ступни, смотрел ей под юбку — увидел вкусно переступающие мясистенькие ляжки и край тёмно-сиреневых трусов.

Комната, маленькая душевая, две койки со специальными дырками, чтобы в них лицом во время массажа уткнувшись лежать.

Зашли, немного помогла мне раздеться.

Я сполоснулся.

— Ложись, — она говорит, а сама пошла в душевую, дверь лишь наполовину закрыла.

Не знала, что я не лёг и в зеркало напротив на неё смотрю — приспустила трусы, пописала, с прелестной животной непосредственностью сполоснулась да трусы обратно натянула. Трусы сзади тёмно-сиреневые, однотонные, а спереди в полосах, разных оттенков. Мило и вкусно обтягивают щедрые, плодородные бёдра.

Я лёг, начала меня массировать. То спину, то ноги, то руки, то шею, то поясницу. Лежу, балдею. То мнёт руками, то локтями, то взобралась на меня коленками и скользит по мне всем весом.

Уселась мне на задницу. Сама в платье чёрном, как и была, своей жопой чувствую её жопу, обтянутую трусами — обволакивающую, женскую, тёплую. Моя жопа сама собой под ней начала восторженно елозить.

Она в какой-то момент, тоже так с весёлой азиатской непосредственностью, шлёпнула меня по жопе и ржёт. Иногда что-то спрашивает. Вьетнамский говор прикольный, звонкий и мяукающий. Половину слов с таким акцентом не понимаю, но лютуют как музыка.

Промяла.

— Переворачивайся, — говорит.

Перевернулся.

Черноволосая, волосы как смоль, прямые, ниспадающие. Такие, которые в косу не заплетёшь — заплетёшь их, чуть не удержишь, отпустишь, а они тут же — вжих! — и обратно сами расплетутся. Достаточно длинные, чуть ниже лопаток, в хвост. Конский такой классический хвост — толстые, блестящие, сильные, здоровые волосы.

— — удалено цензурой — —

Я ей говорю — сними платье.

Она колеблется.

У них во Вьетнаме, поскольку в социализме секса нет, с этим строго, теоретически возможна облава или контрольная закупка, плюс там у салона есть хозяйка, и она либо не хочет прямых ассоциаций с гнездом разврата, либо действует на все неучтённые хэппи энды общак, в который Тау просто не хочет скидываться.

Плюс слышимость та ещё, и характерные звуки сразу попадают под подозрение.

Колеблется, потом со своей этой азиатской непосредственностью, только уже без шуток, даже чуть жалобно, мяукающе — «ты хочешь меня трахнуть?».

Я ей гордо и спокойно — «ага, хочу».

Она стоит, колеблется, показывает мне знаками, что тише — разговоры и все звуки слыхать на всю ивановскую.

Сама поверхностно, нерешительно кладёт мне руку на член, делает несколько неуверенных движений. Я прижимаю её руку.

Кушетка достаточно высокая, как кухонный стол, даже чуть выше. Она стоит слева. Чтобы не зависала в этой нерешительности, сперва кладу ей левую руку на задницу, на платье.

Делаю ей комплимент, сказал, что она красивая, что, собственно, чистая правда, говорить которую легко и приятно, она по-бабьи тупо так обрадовалась — «ой, что, правда?!».

Положил ей руку на задницу под платье, на трусы. Глажу. Она замерла, явно боится возможных последствий, но чувствую под рукой, что жопа та ещё игрунья.

Чуть приподнял платье. Передо мной красивые, смуглые, гладкие бёдра, обтянутые трусами.

Трусы ещё такие, какие я обожаю — обыденные, не вычурные, на каждый день.

Гладкий живот, как у воспетой Песнью Песен Суламифи,

любовницы царя Соломона. «Круглый, как чаша, девический живот».

Задрал платье ещё выше. Пупок красивый. И такое, даже не подростковое, девчочковое движение — в стороны раз-раз. Это когда маленькие девочки стоят, выпятив живот, и воображуются. Когда девочек накрывает первая сексуальность, а они ещё пока не понимают, что с ней делать.

Снимать платье совсем она не хочет — на случай, если вдруг зайдут, чтобы можно было, прячась за занавеской, быстро одёрнуть, но расстегнула так, что я его поднял до чёрного лифчика.

Лифчик чёрный, чуть кружевной по краям, но тоже не вычурный.

Вытащил из лифчика одну грудь. С азиатками это сложнее делать — груди более упругие, пружинящие, возвращаются в исходное положение, не растекаются.

Азиатские соски — словно из твёрдой, плотной резины. Если по ним ниспадает лёгкая ткань, то на секунду, как на крючке, задержится.

Кружки для азиатки достаточно большие. Посередине крупный кратер. Лифчик расстегнула, ласкал грудь губами, потеряв чувство времени. Кратер на сосках такой, что язык почти с лёгким стуком внутрь проваливается.

Точкой невозврата, чтобы не убежала, одним движением спустил по-хозяйски с неё трусы до колен.

Писька волосатая! Контрольный выстрел в голову моего фетишизма.

Волосы чёрные, гладкие и примятые. Азиаткам волосы легче приминать, они ровнее.

И задница такая, свободная, не отягощённая комплексами и самоистязаниями в угоду мёртвым журнальным стандартам, чуть откляченная, подростковая. И тоже упругая.

— — удалено цензурой — —

Отдохнули минуту, она сходила в душ, потом я сходил. Расплатился с ней.

А ещё оставалось немного времени — говорит, ложись, что ли, массаж-то прервали, давай уж домассажирую.

Лёг на спину, массаж лица и шеи.

Некоторое время молчала, а потом как начала смеяться, чуть-чуть истерично, но в целом с той же азиатской непосредственностью. Из половины её мяукающих слов разобрал только что-то из серии — «был маленький, а потом вдруг — о-о-оп, и большой! вот же чудеса на свете бывают!».

Закончили, время вышло, в час уложились. Спустился вниз, расплатился с хозяйкой за массаж.

Тау склонилась, надела на меня сандалии. Пока сидела на корточках — ещё раз с нежностью посмотрел на её темно-сиреневые трусы.

Вышел на бурную, галдящую азиатскую улицу, наполненную запахами жареного и гудением мотоциклов.

Оглянулся — Тау уже не было.

Странная такая мысль — больше мы никогда не встретимся. Я быстро утонул в лабиринте узких Сайгонских переулков.

Камо грядеши: 1, 47

ГЛАВА 65. ААРЕ. ПРЫЖОК С МОСТА

У меня есть состояние, которое я называю «Ааре», по имени реки. Это состояние прохода сквозь страх. Состояние «боюсь и делаю».

Ааре — река, опоясывающая Берн, столицу Швейцарии. Купание в ней является одной из излюбленных забав местных жителей.

Точнее, «купание» — это звучит несколько самонадеянно.

Вода в Ааре горная и оттого ледяная. Течение стремительное — если во весь опор бежать по берегу, то еле-еле догонишь того, кого вода увлекает, как щепку.

Ныряешь в одном месте. И полетел.

Готов? Готов! Пошёл!

Я почему-то сразу для себя понял, что не смогу уехать из Берна, не приобщившись к этому. Особенно когда услышал, что в прошлом году тут утонуло четверо русских.

Первый опыт. Скользкие камни, вода сносит как ураган. Поток невероятной силы.

Знаю по опыту — ждать долго, это только кормить страх.

Бултых! А-а-а!

Я щепка. Меня несёт ледяная вода.

Поджилки сжимаются от холода. Гладь Ааре покрывает русский мат.

Пловец я неплохой, но всё равно быстро изматываюсь. Лавировать в потоке сложно.

Пристать к берегу, да ещё схватиться в полёте за поручень — непросто. Но справился.

Вылез. Отдышался.

И ровно тут, когда всё закончилось, ощутил, зачем люди лезут в горы или ищут разного себе экстрима на задницу.

Адреналин.

Отдышался. Успокоился. Ушёл на второй заход. Потом

на третий, потом на пятый.

Уже понемногу приноровился. Устал меньше, проплыл больше.

Доволен был собой невероятно.

Но всё-таки не совсем.

Над Ааре перекинут мост.

И местные бравые татуированные парни только и делали, что с него сигали.

Заприметил я его себе на следующий день.

И пришёл на следующий день туда.

Стою и сам с собой дискутирую. «Не, ну вот объясни, ну вот ты ведь здравомыслящий пацан — оно тебе надо? Ты что, перед девочками хорохоришься, кому чего доказываешь?».

И сам себе отвечаю: «Хочу. Адреналин. Хочу пройти через страх. Почувствовать именно это — стену сковывающего страха, онемение рук и ног. И прыжок. Проход через страх».

Я могу. Хочу пройти через страх и получить именно этот опыт. Чтобы потом тело вспомнило, как я это умею.

Руки дрожат. Ноги как макароны.

Не каждый день я с моста в ледяную горную реку прыгаю.

Рассудил — начну перелезать через перила — навернусь. С мандража — как пить дать навернусь.

Перелез на обратную сторону перил на берегу. Пошёл с обратной стороны моста.

Дошёл до середины. Обернулся.

Ноги дрожат. Высота сверху кажется ещё больше. Подо мной лазоревый поток.

Вот и он. Хотел страх? Получи и распишись.

Обратно пути нет — обратно я уже не перелезу. Хотя бы потому, что так больше шансов навернуться.

Струсить уже не получится.

Стою. Ступор.

Подо мной вода убегает вдаль.

Назад пути нет.

Прыгай.

Страх стеной. Ноги дрожат. Руки онемели.

Стоять долго — больше кормить страх. Я это знаю.

На мосту рядом стоит мужик — немецкий такой, нордический, с приятной полуулыбкой, светлый, голубоглазый. Задумался. Любуется рекой.

Поддержка. Я всё сделаю сам, но мне нужна поддержка.

Я попросил его сказать мне, когда будет благоприятный момент, когда по реке никто не проплывает. И признался, что делаю это в первый раз. И боюсь. До усрачки боюсь.

Просите — и будет дадено вам. Мужик озарился, подарил мне дружественный и восхищённый взгляд:

«Ты смелый человек. У тебя всё получится. I believe».

Спасибо!

Боюсь и делаю.

Мои ноги отрываются от моста. Доля секунды паралича. Страх полностью захватывает тело. Но я уже в воздухе.

Ба-бах! Тело входит в воду. Доля секунды.

Ни холод, ни скорость не чувствуются.

Вода выталкивает меня обратно, уносит щепкой.

Оглядываюсь. Дядька стоит на мосту, показывает мне два больших пальца. «Молодец!»

Спасибо.

Вода несёт меня прочь.

И вдруг я понимаю, что не мёрзну. И сил — хоть против течения плыви. И мысли ясные. И сомнений нет. А кругом Берн, Швейцария, уничтожающей красоты места.

Это как в драке, самое трудное — первый удар. После легче — в кровь бьёт ударная доза адреналина — и уже ни боли, ни страха. Даже с каким-то удивлённым любопытством, как в замедленном кино, смотришь, как твой кулак ударяется в чьё-то лицо, как в плотный мешок.

Вместе со мной в воду грохнулась плита страха, который давил меня там, на земле.

А тут — плита разбилась и ушла на дно. А я выпорхнул из-под неё.

Спасибо, Швейцария, Берн, Ааре и неизвестный ясноглазый человек на мосту.

Я, кажется, что-то ощутил для себя. Кое-что очень-очень важное.

Это важное останется со мной навсегда, а бетонная плита, одна из тех, что я с собой всю жизнь таскал, осталась навсегда похоронена здесь, в водах Ааре, и никогда больше не поднимется на поверхность.

Камо грядеши: 76, 1

ГЛАВА 66. ВРАЧУ — ИСЦЕЛИСЯ САМ

99% посетителей поликлиник — махровые жертвы. Все эти бесконечно стонущие, кряхтящие, сопящие, пердящие, жалующиеся, ругающиеся, скрипящие, чадающие, смердящие, сырые, хромые, убогие, горбатые — они ведь здоровее всех живых. Нужно быть очень-очень здоровым, чтобы позволить себе роскошь регулярных походов по врачам.

— Молодой человек, вы не подадите мне руку? — тянет трясущую длань, преувеличенно шумя, дородная, розовощёкая, нестарая ещё тётка.

Я сразу вспоминаю «Остров Сокровищ» Стивенсона, Слепого Пью и то, что последует за этим — «А теперь, мальчик, води меня к капитану, или, клянусь, я сломаю тебе руку!» — и ведь ломает. Силищи там уйма.

— Нет, не подам, — ломаю я жертвенную программу.

Тётка так возмущается, что легко подскакивает по лестнице в несколько прыжков, забыв от возмущения, что она немощна.

Самый страшный враг этих людей — тот, кто не будет признавать их жертвами.

Пока они жертвы — они считают, что им все должны.

Поэтому самым страшным врагом у них станет тот врач, который их вылечит — потому что если они официально станут здоровыми, куда они будут ходить по утрам, с кем они будут ругаться в очередях, кого они будут поучать? Кому будут рассказывать в очереди методы лечения от всех болезней (кроме своей, разу-

меется)? Кому будут жаловаться на ужасные жизненные обстоятельства, которые их, невинных и святых, так безвинно притесняют?

Разом весь смысл жизни пропадает.

Трудно быть врачом в таком окружении. Как лечить людей, которые больше всего на свете не желают быть излеченными?

Неудивительно, что врачи проваливаются в ту же трясину, жижу — она очень заразительна. Начинается это бесконечное бюджетное плаканье — ой, того нет, ой, сего нет, ой, нас никто не ценит, ой, мы тут за мизерные копейки спасаем нацию, ой, когда ж правительство о нас подумает (сами-то о себе не умеем), ой, мама-мама, что я буду делать, ой, мама-мама, как я буду жить?!

У меня нет фобии перед врачами — я привык считать их несчастными и больными людьми. Да-да, больными — по-моему, никто не болеет столько, сколько врачи. Никто не курит больше и чаще на порогах, с землистыми лицами. Полиция разве что.

Все эти окулисты-очкарики, горбатые мануальные терапевты, шепелявые логопеды, глухие лоры, алкоголики-гастроэнтерологи.

Мне один на редкость толковый врач как-то объяснил простую вещь — начни лечить любую болезнь — один и тот же цикл: сдаёшь анализы, процедуры проходишь, учёные мужи и жёны смотрят бумажки, пишут свои знаменитые неразборчивые каракули. Но первопричина у всего этого всё равно одна — безалаберный образ жизни.

Пока жрёшь всякую гадость, ложишься спать к утру, мало двигаешься, не умеешь работать с чувствами и живёшь на нервах — будешь болеть. Как только о себе начинаешь заботиться и себя беречь — тело само приходит в норму — оно знает, как ему восстанавливаться.

Чехов говорил — серьёзную болезнь лечить не имеет уже смысла, а несерьёзное само пройдет.

Чем больше вращаешься в среде врачей, чем больше соприкасаешься с их унылым, безнадёжным миром, где нет просвета, где каждый — «больной», где каждый день кто-то умирает, увядает, угасает, гниёт, рассыпается — тем больше сам начинаешь этим могильным тленом пропитываться. Самому накрываться психологией жертвы — я бедный-несчастнейший, инвалид, ножка болит, а все кругом тупицы, ничего не знают, ничего не умеют.

Ну а чего могут дать врачи? Только то, что у них есть. А что у них есть? А у них есть только вот этот опыт жизни в этом безысходном мире, где все болеют и это навсегда.

Есть врачебная паранойя — всюду перестраховываться, отчего доктора любят посылать на десятки каких-то совершенно необязательных истязаний. Выписывать кучу ненужных лекарств — «на всякий случай». Как там в инструкции таблеток от головной боли: «побочное действие — головная боль».

Есть совершеннейшее неуважение к собственным коллегам — слышали, как врачи читают записи других врачей? «Ой, ну бред же!», «Ой, ну кто их вообще учит?», «Ой, ну что они там вообще понимают!».

И при этом же — как только дело касается того, чтобы прикрыть собственную жопу в случае ошибки — о, тут полная круговая порука — будут покрывать явное вредительство, дружно стоя насмерть, как Парижская Коммуна.

В сфере врачей не слишком стоит полагаться на рекомендации.

Точнее не так — стоит полагаться на рекомендации, если сказано, что этот конкретный врач вылечил столько-то людей — они ушли от него здоровыми после своего какого-то объективного

недуга.

Но если врача рекомендуют не как хорошо вылечивающего, а хорошо лечащего (разницу чувствуете?) — это ловушка. Приглашение выпасть в жертву.

Кроме того — у многих ведь нет возможности сравнить. Что они в своей жизни видели?

«Иван Иванович — врач от Бога!!! Огромное спасибо ему. Да, конечно же, он на меня орал. Конечно же — он порезал меня на британский флаг. Само собой — вымогал взятку. Конечно же — хамил, ничего не объяснял. Конечно же — очереди насмерть по 50 часов. Но это ведь везде же так».

Ох, не верю я всем этим врачам от Бога.

Врач от человека и для человека нужен, а не от Бога — с божественным разберёмся сами, без сторонней помощи.

Когда я вижу очередного врача от Бога — с какой-нибудь чахоткой, с загорающимися на бутылку водки глазёнками, курящего, пропадающего, хамящего и безнадёжно никому, кроме больных, не нужного — я вспоминаю ещё библейское — *Medice, cura te ipsum!*

Врачу — исцелился сперва сам.

Камо грядеши: 14, 7

ГЛАВА 67. НЕРОЖДЁННЫЕ ДЕТИ

У меня есть дар — я умею с разными девушками видеть наших с ней нерождённых детей. И многих из них вижу очень отчётливо. Пол, по крайней мере, определить могу запросто.

А бывает так, что с девушкой совместных детей не вижу. Есть в этом некоторая фатальность — значит, нигде, ни в одном из доступных пространств вариантов их быть и не могло.

Я 5 лет прожил с женщиной, с которой изначально не видел совместных детей.

Или наоборот — бывает так, что к девушке (сейчас имею в виду одну, конкретную, которая, возможно, даже прочтёт эти строки, но не поймёт, что они о ней), с которой у меня ничего не было и вряд ли будет, у меня особенная нежность и благодарность. Я понимаю, это звучит странно — а я просто вижу наших с ней двух красивых дочерей. Дочерей, которые никогда не родятся.

Я благодарен ей за то, чего она в этом мире не делала.

Долгое время мне очень тяжело было с этим жить — я чувствовал себя предателем. Предателем детей, которые могли быть, но которых в этой реальности нет и не будет.

Я чувствовал себя командиром падающего самолёта, который подходит к своему ребёнку, моляще на него смотрящему, и говорит, глядя в глаза, называя по имени: «Я не дам тебе парашют».

Но сейчас меня отпустило.

Такая данность — необходимость постоянно делать выбор. Каждый раз предавать что-то и кого-то, чтобы дать жизнь выбранному.

Мы все рождаемся с этой данностью, с необходимостью постоянно идти через смерть, и не в наших силах это изменить.

Мои нерождённые дети — они ведь есть.

Их нет материально, но энергетически — они есть. Я их чувствую. И люблю их. Каждого по-своему.

Иногда я разговариваю с девушкой, а сам проваливаюсь в иное пространство. И если я вижу наших с ней нерождённых детей, наверное, что-то очень нежное в этот момент разливается в моих глазах.

— Ты чего? — удивлённо, прервавшись, переспросит она

— Нет, ничего, — нежно и благодарно улыбнусь ей я.

Ну а правда — как мне объяснить то, что я сейчас почувство-

вал и что увидел? Как описать то ощущение и видение, которое сейчас отчётливо мелькнуло? Как объяснить, за что именно я ей благодарен?

Камо грядеши: 7, 18

ГЛАВА 68. ЖУРАВЛИ ЛЕТАТ НАД НАШЕЙ ЗОНОЙ

Жил да был человек — не богат, не беден, не румян, не бледен. Давайте его как-нибудь назовём, как у русских классиков принято, ну, скажем, Порфирием Филипповичем. Да, вот, Порфирий Филиппович, почему нет.

Работал Порфирий Филиппович менеджером в крупной компании, своя квартирка в Марьино, жена, сын от первого брака.

Всю жизнь его тиранила мать. Потом присоединилась жена.

У матери рак, болезнь обиженных и мстящих. Жена просто не в себе — по материнскому образу и подобию брал.

Сбежал в наркотики сперва, как ширнётся — так ему вроде и весело, небо в алмазах. А как попустит — так и вновь, хоть цианид кушай.

Надо было куда-то надёжнее сбежать. Думал Порфирий Филиппович думу, думал и придумал.

Сперва в каком-то клоунском колпаке таскался день по улицам, привлекая к себе внимание, совершил попытку отобрать сотовый телефон (неудачную), потом ещё один так отобрал (копеечный, даже не продашь его).

Взяли его (прямо в колпаке), был суд. С потерпевшими трения уладили, зачлось то, что репутация хорошая, ранее не судим, что большая мать на иждивении и алименты на сына платит, и, хоть и деяние квалифицируется как грабёж, по совокупности дали 2 года не слишком строгой колонии.

Порфирий Филиппович с огромным облегчением, избавившись от гнёта и третирования двух женщин, отправился себе в колонию отдыхать.

Русский сюр. Пустынные марсианские пейзажи Рязанской лесостепи.

Много деревень, которые своим удручающим состоянием ещё дадут колонии фору. Не всегда поймёшь, кто сидит, а кто охраняет. Они и сами, верно, запутались уже, и лишь меняются периодически на всякий случай местами.

Колония отличается от просто деревни лишь КПП со шлагбаумом. И стены кое-где с колючей проволокой.

Сидят в основном по символичным мелочам — украл мешок картошки, спьяну морду набил. Виновные в ДТП, злостные алиментщики.

Даже прибывают в неё своим ходом, не под конвоем.

Да, тупо так, как в армию на сборы — доехал в Рязанскую область, пришёл в зону, говоришь — здарсьте, я такой-то, для исполнения наказания прибыл.

А, ну проходи, касатик, коли уж прибыл, посидишь тут у нас два годика.

Люди, замкнутые в одних стенах и рамках, мгновенно начинают вести себя в соответствии с механизмами коллективного бессознательного — распределяются роли, занимаются ниши, выстраивается иерархия.

Вся эта налаженная система — «этого нельзя, но если очень хочется и платежеспособен, то можно».

Механизмы взаимоотношений начинают проявляться особенно сильно, и выживает тот, кто почувствует истинный смысл происходящего, а не фасадный.

Прямолинейные тут долго не живут. А вот пиявки — очень даже.

Сидят бывшие столичные жители в деревне. Работают на лесопилке, кидают лопатой в коровнике навоз.

Два корпуса — мужской и женский. Между ними место встреч.

Бараки строго не разведены, есть возможность дать на лапу надзирателю, чтобы тот случайно закрыл пару в ангаре на часок.

Странный какой-то выверт общества — одни сотворили какой-то глупый проступок напоказ, общество отправило их на малопродуктивную работу в осеннее поле. Кому от того счастье? Кто выиграл?

Многие из сидельцев рады тут оказаться.

Когда их срок выйдет — они обязательно что-то такое сотворят, чтобы вновь сюда вернуться.

Им тут крыша над головой, кормят, телевизор. Ответственности ноль. Как на курорт, ей-богу. А что работать иногда приходится — так на воле ещё больше работать приходилось.

Символичны и те, кто приезжают на свидания — выходит уважень лет сорока, а к нему мамаша в чепце кидается и давай кудахтать — «Боренька, ну что же ты без шарфика?! А ну немедленно надень шарфик, а то простудишься. А ну немедленно помой яблоко — там ведь множество опаснейших, болезнетворнейших микробов!...».

Мамаши неосознанно сделали всё, чтобы их сын сюда попал. Они уверены в том, что их Боренька (Коленька, Серёженька) — почти святой, ну разве что без нимба, а кругом — злые щупальца оболгавших его супостатов.

Их сын в тюрьме — а они вновь имеют возможность почувствовать себя нужными и незаменимыми.

Своей жизни сделать не сумели, поэтому делают всё, чтобы их сыновья собственной жизни не прожили, вечно нуждались в них, как в костылях.

Место, которое мерещилось мрачным, оказалось почти анекдотичным.

Наказание обратилось курортом безответственности.

Колония, неотличимая от окрестных деревень, где Порфирии Филипповичи быстро находят с местными язык. Особенно за самогонкой.

Абсурдное селение, горсть домов и коровников в громаде бескрайнего ноябрьского поля.

Камо грядеши: 39, 14

ГЛАВА 69. ГОЛОВА СТАРАГО ВЕПРЯ

Всем, кто бредит по возрождению исконной, посконной, православной Рассеюшки-матушки, вот вам рецепт из времён, не в пример нынешним, богодуховных и благолепных — орфография, стилистика и пунктуация до последнего знака соблюдены:

«Голова старого вепря, подаваемая холодной в день Святого Христова Воскресенья. Самую красивую голову старого вепря очистить, сварить, как копчёный окорок. Положив на блюдо, убрать уши и морду, красиво выстриженную, белою бумагою и зеленью».

Камо грядеши: 45, 4

ГЛАВА 70. ОРЕХОВО-ЗУЕВО, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Как-то я, Архангел и шизоидная дева Анна, настным утречком киберпанковского лета 2005 года, завалились на кладбище.

Зачем? Кагору попить.

Как такая мысль могла прийти нам в голову? Да очень просто — попробуйте 48 часов не спать, а я на вас посмотрю. Мы тогда увлекались депривацией сна, последствием которой был глючный эффект, сходный с ЛСД.

Но чтобы попить кагору на кладбище — необходимо что? Что, я вас спрашиваю? Правильно — необходим кагор.

А кагор покупается, вестимо, в церкви. Туда мы и поехали.

Приехали, а там на воротах висит приколотый листок А4, а на нём трогательно распечатанный список грехов, рекомендуемых для покаяния.

Начали мы его читать — и такое ж удовольствие! Все эти прелюбодеяния, скотоложества, славолубия, велехваления. А ещё высокомерие, высокосердие и высокоумие. А ещё почитание себя разумным и мудрым, чародейство и неприличное вкушение пищи.

Онанизм был повторён целых три раза, мужеложство четыре — это, вестимо, у кого что болит. А внизу и без того богатого списка было коряво подписано шариковой ручкой: «неподавание милостыни нищим».

Но милее всего нам пришлось словечко «суемудрие».

Всё в нём — и сунул-вынул, и изворотливость, и лукавство.

А у нас как раз была одна из групп безымянной — ну и стала она, с лёгкого случая, величаться Суемудрием — а поскольку группа официально не распадалась, то не будет ошибкой сказать, что так она величается и по сей день.

Мы тогда жили с Архангелом на моей хате, и у нас был склад инструментов.

В любую секунду была возможность их врубить, начать что-то играть, и тут же все, кто умел играть, а также те, кто не умел, начинали присоединяться.

Так рождались вещи — без единой репетиции, сразу по ходу.

Писались на диктофон. Звук выходил классический гаражный — обаяния выше крыши.

Тут самое трудное — вспомнить потом, как что играется. О, это неловкое чувство, когда в песне из двух аккордов, которую сам же сочинил, забываешь один из. Да ещё и стоя на сцене.

Групп по сути было две.

Одна — группа «Медведь».

Как из самого названия слышать — она концептуальная. Все песни касаются медвежьей тематики, и даже есть несколько концептуальных альбомов, объединённых одной канвой — альбом про то, как медведь порвал украинскую деревню, но потом раскаялся в этом и горько плакал. Альбом про то, как медведь решил стать честным пионером, и стал им. Альбом о том, как медведь воевал с браконьерами, и в итоге перевоспитал их, отправив в тот же пионерлагерь, в котором был сам.

Ну вот — а всё, что не входило в медвежью тему, всё плавно стало «Суемудрием», выходящим под его эгидой.

Народу у меня, в скромной однокомнатной хате в Замкадье, вписывалось меряно-немеряно. Хата была известна среди узких кругов говнорокеров. Её знали под кодовым именем Притон УАУ (ударение на второе У).

Раз у нас в хату затесалась Алёна, по прозвищу Пупс.

Алёна — пример девушки без мозгов, которую сей факт абсолютно не портит. Более того — она совершенно не обижается на изложение этого факта — потому что у неё нет мозгов.

Дело было так — я возвращаюсь из Минска, захожу в свой родной дом, а у компа сидит незнакомая девушка. Увидела меня и орёт пронзительным, радостным голосом — «Приве-е-е-ет!» — ну так, будто миллион лет знакомы.

В комнате на кровати храпит Архангел в пошлых красных трусах.

Ну я, разумеется, поприветствовал в ответ, ну и продолжили общаться, как всю жизнь знакомые.

Это вообще была особенность Притона УАУ — никто не спрашивал, кто и откуда взялся. Как-то пустое это — если взялся, значит, так надо.

Алёна просто очаровательна в своей глупости.

Есть лишь два у неё недостатка — очень уж шепотная, спать не даёт, и ОЧЕНЬ высокий голос. Если просто разговаривать, то ещё ничего, но если начинает радостно голосить, то барабанные перепонки отслаиваются.

А голосила она часто — недостаток мозгов сполна компенсировался буйным чувственным восприятием мира.

Вот, например, спим мы после затяжной пьянки. Кто где — где настиг буйную головушку сон, там она и приложилась.

И вот утром с кухни пронзительные крики:

— А-а-а, Бурзумий убился, Бурзум убился и спит в бутылках,

а-а-а, Бурзум убился, божечки-божечки, Бурзум убился!...

Все недовольно ворочаются. Я, как самый героический, сонный и мятый иду с ней на кухню — ну чего там?

— А-а-а, Бурзум убился, Бурзумочка убился! — уши у меня уже заложило.

Выхожу — на кухне всё в ровном слое пустых бутылок. В самом их скопище, подложив под голову пустой штоф Немировки, спокойно спит себе Бурзумий.

Ну спит и спит, чего, в самом деле — не может благородный дон культурно себе в бутылках поспать?

Я Алёне быстро объяснил, и она — всё-таки глупость великая вещь — очень быстро успокоилась.

Так Алёна у нас как-то и зажила.

Бухала совершенно не по-девичьи, но при этом не пьянела — никакой алкоголь не мог дать дури больше, чем у неё уже было. Но с другой стороны — с ней весело, собой симпатичная. Очень мило забывала, с кем она уже успела потрахаться, а с кем нет.

И что выяснилось совершенно внезапно — закончила музыкальную школу по классу фортепиано.

Последнее, разумеется, тут же нашло применение.

Алёна была типичным выпускником музыкальной школы — ничего в жизни не сочинила сама, но аранжировщик великолепный. Любую мелодию — просто садилась за клавиши — и максимум за минуту подбирала.

Она восхищалась нашим сочинительским талантом, тем, как из нас прёт. А мы восхищались её техническим автоматизмом.

Так она плавно влипла во многие наши вещи.

Ещё по ходу выяснилось всё же, как Алёна попала в Притон — она сбежала от мужа, которого звала по фамилии, Кирьяновым.

На убитую разводом барышню она была похожа меньше всего, потому что гуляла, веселилась и отрывалась как перед Судным днём.

Периодически исчезала на пару дней — ехала к Кирьянову, там скандалила, но таки получала от него денег и радостная прибегала в Притон, оглашая пространство своим ультразвуком:

— Ребята, Кирьянов дал денег, гуляем!

Притон одобрительно гудел и начинал гулять с новой силой.

Когда деньги заканчивались, гулять становилось не на что — Алёна вновь уезжала к Кирьянову.

Мы её воспринимали как нашу резидентшу, эдакую радистку Кэт, которая просто ездит к Кирьянову на работу вахтой.

Кирьянов был ревнивый, иногда звонил, и тогда они начина-

ли выяснять отношения, как в итальянском синематографе. Мы восторженно улюлюкали.

А потом, на фразе «нахуй ты звонишь, Кирьянов?!», мы включили инструменты и врубили трэш на полную, крича в микрофон: «Нахуй ты звонишь, Кирьянов?!».

Так родилась одноимённая вещь.

А ещё однажды благодаря Алёне родилась вещь «Орехово-Зуево».

Она с кем-то болтала по телефону, не с Кирьяновым — с каким-то корешем, который поиздержался и собирался ехать в Орехово-Зуево к маме, кланчить денег.

Как она с ним говорила — это и само по себе потешно, а уж когда была произнесена милейшая фраза «ну давай, пиздуй в свое Орехово» — мы взяли инструменты и запели под мотив бардовской песни — «Я пиздую в Орехово...», и вдруг сама собой вставилась следующая фраза: «На трамвайчике стареньком...».

Короче — Бурzumий, который заведовал у нас идеологией и текстами, взял листок бумаги, и уже минут через пятнадцать весь текст новой песни был готов.

Песня называется «Орехово-Зуево». Да, это мистический город в Подмоскowie, в котором жизнь Вени Ерофеева в «Москве-Петушках» повернулась прямым в ад.

Тоже, хорошее название — есть в нём и что-то от хуево-кукуево, и от утреннего похмельного стоны — «что-то орехово-зуево мне, ребята!».

Песня в своём первоначальном виде нарочито с закосом под бардовскую — такое, непрерывное щипковое треньканье. Бурзумий взял губную гармошку и, как нередко с ним бывало, выдал на ней жару.

Я попал на вокал, пел блаженным голосом сельского дурачка.

Дальше произошло что-то мне до сих пор неясное — песня ушла жить своей жизнью.

Для меня она была проходной — ну так, смешная, но одна из. Ничего такого.

А народ — мы как раз много играли по каким-то клубешникам, я быстро им счёт потерял, — народ везде требовал «Орехово-Зуево».

Концертно она начала звучать по-другому, тяжелее, разудалее, хотя стёбный бардовский ритм-щипок остался.

Я помню своё охренение, когда выхожу на сцену, передо мной достаточно большой клубный зал, в нём много людей, в том числе мне неизвестных, и они скандируют «Орехово-Зуево», вызывают на бис и чуть ли не стонут от оргазма.

Честно, я не знаю, что такого в этой вещи. Чем-то она оказалась народной — может, вот этой стёбной ритмикой («Бар Глухариное Гнездо представляет новое слово на бардовской отечественной сцене...»), а может быть, архетипичной ситуацией, когда без бабок пиздуешь по рельсам в далёкое Орехово-Зуево к маме.

Благодаря этой вещи у меня есть бесценный опыт — я понимаю, что чувствуют музыканты, которые любят одни свои вещи, а хитами внезапно становятся другие.

И с этим ничего нельзя сделать. Песни — как дети, рождаешь их, кормишь какое-то время, потом уже они сами.

Пойду переслушаю, короче.

Камо грядеши: 46, 10

ГЛАВА 71. ПОВѢСТЬ О НЕВѢРОЯТНОМЪ ПРИКЛЮЧЕНІИ, ПРОИЗОШЕДШЕМЪ СО МНОЙ ВЪ АЛЬШАНИ

Было это въ 2016 годъ отъ Рождества Христова, и произошло сіе проишествіе съ вашимъ покорнымъ слугой, Александромъ Владимировичомъ, извѣстнымъ болѣе въ кругахъ приближенныхъ къ Императору какъ популярный блогеръ Гайдамакъ, коллежскимъ ассессоромъ, занесла котораго нелегкая во Орловскую губернію, селеніе Альшань.

Покинувъ самодвижущійся экипажъ, подпоясавшись кушакомъ, дабы уберечься отъ сильнаго vent du nord, продуваваго до исподняго черезъ трое портокъ, я отправился обозрѣвать окрестности близъ мѣстнаго храма.

Кричали сойки, голосили вальдшнепы.

Селеніе во сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, живетъ токмо картофелемъ, рыбною ловлей да Божьимъ духомъ.

Во времена голодныхъ Господь нашъ ниспосылаетъ во Альшань токмо Божій духъ, а картофеля и рыбнаго улова крестьянъ лишаетъ.

Рѣка Ока, не велика и не мелка, катитъ во сторону стольнаго града Орла свои своенравныя какъ черкесскій жеребецъ воды, коіе столь скоры на расправу, что ажно подмыли мѣстныя берега, подточили аки боберь курень.

Не далече ушелъ и буйный нравъ мѣстныхъ ушкуйниковъ, душегубовъ рѣчныхъ, промышлявшихъ на благословенныхъ сихъ берегахъ.

Мѣста нонешніе, какъ я былъ добръ сведомъ, не всегда отличались кротостью нравовъ аборигеновъ, оттого я сжималъ въ карманѣ рукоять револьвера, за голенищемъ ботфорта держалъ булатный ножъ дамаской стали, а за пазухой да за подкладкой картуза имѣлъ съ собой довѣренныя бумаги и депеши отъ самаго Государя Императора, якіе подтверждали благость моихъ дѣяній.

Вынувъ фотографическій аппаратъ, я ужъ произвелъ нѣсколь-

ко фотографических снимковъ, какъ вниманіе мое привлечь приближающійся самодвижущійся экипажъ крестьянскаго назначенія.

Тревога сковала мои члены — что готовила мнѣ столь молніеносная встрѣча?

И вотъ, слышу я гласъ. Но, уши мои вѣрить во слышимое отказываются — не вопрошаніе слышу я, а ажно благословеніе, да пытливое просеніе — произвести фотографированіе самодвижущагося экипажа болѣе тщательно, нѣжель я изначала позволиль себѣ произвести, вальяжно.

Повѣстуетъ оратай, что орало сіе предназначено на картофельныя культуры, и онъ, ловко управляясь съ машиной, сѣть да жнеть хитроумной машиной урожай, дабы были сыты мамушки, да ихъ малыя дѣтушки.

И во удивленіи пребываль я, ибо кожень во Орловской губерніи гораздъ слова бранныя извергать, аки токмо въ моментъ узреть фотографическій аппаратъ на ликъ свой направленный, но совершеннѣйше посрамлень былъ я во худыхъ измыслияхъ своихъ, и посрамилъ меня безвѣстный оратай, глубиной добродушія своего да истиннаго Божія благодущія.

И погрузился во глубину думъ, скромный рабъ божій, популярный блогеръ Гайдамакъ. Долго, денно и ночью думу думаль, да измыслиль — не захирѣла еще Русь матушка, и ѣсть будущность у Государства Россійскаго, когда такіе люди въ селеніяхъ даже глубинныхъ, губернскихъ, да ѣсть.

И пошелъ я восвоися, вдоволь селище оглядѣвши, но совсѣмъ инымъ цвѣтомъ раскрашенъ былъ путь мой — со скорбью пріѣзжалъ, да въ радости отѣхаль. И на душѣ моей было лепо да радостно.

2016, Орѣль, въ годину раздумій о себѣ и о Россіи

Камо грядеши: 52, 57

ГЛАВА 72. ИКЕА

*Были в ИКЕЕ
Снова видели Бога
Он похож на тебя немного —
Такая же недотрога
И немного похож на меня —
Такая же размазня.*

*Всё те же ухмылки, замашки
Мы сказали: «Боже!
Мы чужие в ИКЕЕ твоей.
Мы в ИКЕЕ твоей потеряшки.
Где нам взять столько денег,
Чтоб купить все твои чашки? (с) СБПЧ, «ИКЕА»*

Что там Тайлер из Бойцовского клуба говорил — «ты покупаешь типовой столик с инь-янь в гипермаркете и размышляешь — насколько точно он выражает твою индивидуальность».

Видит Бог (тот самый, недотрога и размазня), что грех похоти и чревоугодия мне свойственен, а вот грех алчности нет, оттого я если и адепт общества потребления, то посредственный.

Меня никогда не возбуждали слова «сезонные распродажи», «скидки», «новая коллекция». Определённо, к вещам и брендам у меня отношение умеренно-равнодушное. Впечатления куда больше важны.

Оттого я всегда с лёгкой недоуменной брезгливостью смотрел, как перекашивались лица и издавался сдавленный стон — «О боже! Настоящие замундийские штаны, продаются со скидкой в 1% и всего за 15 миллионов 148 тысяч рублей — о боже! Боже! Да ты понимаешь — это же замундийские штаны — надо немедленно брать!».

К чему столько шума? Ну штаны, ну клёвые даже, быть может, но так ли уж важно это всё для вопросов истинно вселенской

важности? Например, похоти и чревоугодия.

Я недоуменно глядел, как народ едет в другую страну, а там дотошно ходит по каким-то гипермаркетам, смотрит какие-то шмотки, какое-то барахло, какие-то кастрюли. Присвистывает.

Нет, я не умаляю ценности материального мира, но он уместен, как по мне, ровно до той поры, пока приносит радость или обеспечивает истинную необходимость.

Когда же это перехлёстывает в подобную алчность — это сродни наркомании.

Я понимаю закупки с коммерческими целями — перепродать там, где это выгодно.

Но когда целые возы и баулы забиваются вещами для себя, в таком объёме, с которым можно пересидеть ядерную войну, а особенно когда это происходит в ущерб сиюминутному счастью — это выше возможностей понимания моим маленьким мозгом.

В Польше, в Бяла Подляске, помню — трейлеры с барахлом на парковках, яблоку некуда упасть, и толпа осатанелых людей — скупает пластиковые тарелки, моющие средства, какие-то пластмассовые вёдра, какие-то тюки бумажных полотенец — как будто из 90-х на машине времени прилетели.

Какие-то ожесточённые высчитывания суммы возврата НДС, скороводки, скороварки, хлебопечки, хренорезки.

Они вообще заметили, что тут вокруг другая страна ещё есть? Нет, наверное.

Среди всего этого IKEA — единственное исключение.

Конечно, больше всего я Икею люблю своей, пристрастной любовью — из-за магазинчика шведской еды, из-за забегаловки с дешёвыми сосисками и из-за столовой с фрикадельками. Но не только.

Это единственный гипермаркет, по которому мне действительно приятно просто погулять.

Помню, в Киеве моего детства был мебельный магазин на Дружбы Народів — здание с причудливой крышей а-ля пагода, оно стоит там до сих пор.

В моем детстве оно, здание, казалось невероятной дерзостью архитектурной мысли, а сейчас как-то присмотрелся — ну домишко себе и домишко. Не хижина дяди Тома, но и не инопланетный аэровокзал.

Но не о нём речь.

А речь о том, что в тамошнем мебельном магазине была невероятная по тем временам роскошь — всякие румынские стенки, шкафы и табуретки не просто были нагромождены грудями, воняя клеем и прессованной стружкой, а встроены в макеты комнат.

Разумеется — войти было нельзя, всё, как в музее, красной ленточкой огорожено, но даже и просто посмотреть — это впечатляло дерзкой наглядностью.

А тут, в Икее, впечатляющее раздолье, где можно не просто посмотреть, но и на каждой кровати поваляться, в каждый шкафчик заглянуть, в каждое кресло плюхнуться и каждого плюшевого лося погладить.

Единственный магазин, из которого я могу выйти, ничего не купив, но оставшись при этом довольным.

Последний раз так было только в детстве, когда я часами зависал в магазине игровых приставок, облизываясь на новые картриджи, на которые всё равно не было денег.

Вот же времена были — а сейчас целая приставка восьмьбитная лежит, и картриджей к ней штук двадцать, а я её подключить ленюсь. Хотя хочется порой Марио погонять, очередной раз пройти Контру или послушать саундтрек из Aliens 3.

В Икее мне нравится простота и возможность сделать жилое пространство просторным.

В том числе не без помощи Икеи мне удалось обустроить

первую в своей жизни реально понравившуюся мне хату.

Людское захламление — уникальная и тотальная штука.

Когда разводился в последний раз и вывозил из однокомнатной хаты вещи тогдашней слагающей полномочия жены — блин, шесть машин набралось. Шесть раз я свой героический Лансер забивал под завязку.

И где это только всё умещалось в однокомнатной хате? Когда успелось? Не понимаю.

Остаётся себя утешать лишь тем, что продолжи я жить как городской старёвщик, так и все 12 машин небось вышло бы.

Но всё-таки с Икеей проще не захламляться и сохранять при этом светлый и опрятный вид жилища.

Знаете, бывает такая монументальная мебель, что чувствуешь себя Ильичом в Мавзолее. Особенно если при этом свет тусклый, утопающий в коврах и светопоглощающей древесине, либо такой, мертвенно-бледный, как в морге.

Бляха-муха, если бы я в таком жил, то за пару дней сошёл с ума, взял иконку и ходил бы в одном исподнем по улицам, как поэт Иван Бездомный, бормоча что-нибудь про нечистую силу.

Вот. А Икея — она светлая, чем мне и нравится.

И куча таких совершенно обаятельных мелочей — все эти светильнички, игрушечки, прихваточки, сковородочки.

КувшинчегИ, дудочки, свечечки с лавандой, рамочки картинные.

Да-да, названия отдельных товаров — притча во языцех, знаю.

Кто их такие придумывает? Я готов поверить, что где-то в недрах Икеи, в лабиринте бесконечных коридоров и дверей, находится зала, где сидит страшное чудище с щупальцами, глазами и богопротивными присосками, и к нему приходят на поклон перепуганные жрецы:

— Как нам назвать новый светильник?

— ГНВОЕРК!

Много имён чудных готовит нам просвещения дух.

Ваза Мудлик. Набираешь в поисковике — мудлик, вылетает часть какой-то ругани.

Или Уптэчка.

Ночь, улица, фонарь, уптэчка,

Внутри сидят четыре гомосэчка.

Или сокращения на ценниках:

«ХЕССЕНГ мтрс с прж крм тп жёсткий е».

Из серии — если бы Арсеньев был торчком, то он написал бы книгу «Дрсу Узл».

Еще Икея славится тем, что почти все её товары можно собрать без специального инженерного склада ума и грубой физической силы. Просто пользуясь прилагающейся поэтапной инструкцией в картинках.

Как там, собеседование при приёме на работу в Икею — «здравствуйте, соберите табурет и присаживайтесь».

К сожалению, не всегда — стеллаж с символическим названием Альберт (имя, хорошо знакомое любителям пирсинга) вы хрена лысого соберёте без грубой физической силы. А ещё банальных советских гвоздей, молотка и такой-то матери, не входящих в основной комплект.

Но это скорее исключение, а к абсолютному оставшемуся большинству баракла эта благая весть применима.

Я вот однажды, доведённый тухлым временем до некоторых финансовых затруднений, не брезговал разными халтурками, одна из которых заключалась в том, чтобы закупить в Икее мебели для офиса и привезти всё это дело. Водила и грузчик в одном лице.

А в офисе, преисполненном милых девочек, меня вдруг попросили за дополнительную плату ещё и привезённую мебель собрать.

Я, надо сказать, невысокого мнения о своих рабочих способностях. Считаю, что руки у меня из жопы, и языком, включая кун-нинлингус, работаю гораздо эффективнее.

Подозреваю, что совершенно напрасно так себя припечатываю, и это убеждение есть не результат реального положения дел, а результат специфического воспитания, суть которого сводилась к запретам из серии «не делай этого, не делай того, потому что у тебя всё равно ничего не получится». (И к дальнейшему удивлению — «а чего это ты ничего не умеешь, ничем не интересуешься, ничем не занимаешься?»)

Вот, а тут и халтурка, и эта очаровательная женская слабость, когда передо мной хлопают прелестные серые глаза, способные растопить любой лёд.

В общем — я за дело взялся, скинул верхнюю одежду, обнажил туго обтянутый футболкой торс и татуированные руки, несколько раз перед девками прошёлся гоголем, проплыл аки утица и принял, истинный мужик, за дело. (Не без позёрства, разумеется.)

Ну и что вы думаете — у меня всё получилось. Повозился, конечно, и в инструкцию каждую секунду пялился, но ведь собрал жеж!

Мимимишные девочки мне и спасибо сказали, и денег в ладошке принесли, и посмотрели с лёгкой завистью («достался же кому-то такой мужик!»). Я денег взял и гордо ушёл восвояси.

+1 к карме, +100 к самооценке.

Спасибо, в общем, Икее — ты не только о материальной стороне позаботилась, но и о психическом моём шатком здоровье.

Были в Икее.

Снова видели Бога.

Взяли два каталога.

Камо грядеши: 25, 70

ГЛАВА 73. КОГДА Я НА ПОЧТЕ СЛУЖИЛ ЯМЩИКОМ

В моей семье было принято писать письма, и с почтой я знаком с дошкольных лет. Благо писать и читать выучился задолго до.

Среди родственников и друзей семьи была традиция слать друг другу тонны открыток. Многие из них сохранились.

Такой, уже подзабытый советский церемонный стиль.

Обязательное кустистое приветствие. Дальше обязательная мантра: «у нас всё по-старому». Именно так — не «хорошо», а именно «по-старому».

Дальше почти всегда шла обязательная жесть, опровергавшая, что «у нас всё по-старому», перемежаемая миролюбивыми бытовыми новостями: «...собрали картошку, 10 мешков вышло. Григорию Пилипцу отрезали ноги, сидит сейчас дома. Иван Максимыч недавно приходил, играли в карты. Жучка ошенилась. Ещё умерла мама, вчера вот похоронили, а у отца инфаркт. Сварили сегодня борщ. У нас все по-старому...»

Мы с моим брательником пошли супротив традиций, оттого слали друг другу письма с самостоятельно рисованными комиксами, главными персонажами которых были почему-то либо Александр Друзь, либо Розенбаум.

Розенбаум всегда изображался с гитарой и в абсурдно широченном сомбреро.

Я обожал ходить с бабушкой на почту — почта была с характерным запахом сургуча, с шумом штампов-молотков, с тётками-клушами.

Посреди почты стояли столы, под стеклом лежали газеты с тиражными таблицами лотерей — я с упоением смотрел, что вот этот номер выиграл три рубля, этот десять. Этот выиграл балалайку, этот — автомобиль Москвич.

Ещё в обязательном порядке взвешивался на здоровенных

напольных весах, грубо покрашенных в синий колор.

Когда получали или отправляли посылки, был волшебный ритуал — либо заколотить ящик гвоздями, либо, напротив, вскрыть его гвоздодёром.

Ящики обшивали мешковиной, на которой писали тёмно-синим химическим карандашом, смачиваемым слюной.

Ещё на почтах были переговорные пункты. Деревянные, рассохшиеся кабинки, в которых кричат в трубку нахлобученные люди — «Люся! Люся! Алло! Люся! Ты слышишь?! Это я, Семён! Се-мён! Слышишь?! Люся! Алло!».

Висел массивный телефон с жёстким шнуром. В кабинке зажигалась лампочка, пахло столярной или обувной мастерской.

Дерево было лакированным настолько, что казалось, внутри кабины меркнет свет.

На стенках висели листы телефонных кодов, с городами по алфавиту.

Перед моими глазами вечно оказывалась Яя. Я с удивлением спрашивал — где это такая, и как им там вообще с таким названием живётся?

Во взрослой жизни лишь только я узнал, что это в Кемеровской губернии, и что жители поселка Яя именуются яйцами. «Вперёд, яйцы!» — гласил однажды виданный спортивный транспарант.

Эх, всегда любил почту. Ностальгия, что поделать. Даже на хамство не могу сердиться.

Тем более, если честно, я вообще поражаюсь, как Почта России до сих пор работает, и вполне неплохо — из того, что я знаю, она должна была загнуться позорно и скорострельно уже очень давно.

Даже сам успел два месяца поработать на почте, ночным сторожем, и эта запись о приёме на работу — до сих пор любимая в моей напроць фальсифицированной трудовой книжке.

Камо грядеши: 62, 24

ГЛАВА 74. НАРЦИССИЗМ

Захожу я на кухню, чаю сделать.

А там Женюша, мой брательник, всю кухню набил зонтиками, штативами, освещением и всякой фотохреню — пробует возможности новой зеркалки.

К чайнику не пройти, я говорю:

— Женюш, чозанахер, как мне чаю испить прикажешь с такими раскладами?

А он, меня не слыша:

— Так, я пробую возможности автоматической съёмки — камера сама фотографирует каждые 3 секунды. Ну-ка — садись

и что-нибудь изображай.

Ну и что вы думаете — я сел и начал изображать.

У меня ж нарциссизм — как увижу зеркало, так тут же прихорашиваться начинаю. В каждый кадр влезть люблю.

В общем, я кривляюсь, камера щёлкает, я в прострации, Женюша в восторге.

Тут приходит Лана, которой я обещался чаю, но легкомысленно об этом напрочь забыл, с такими-то делами.

А муж и жена — одна Сатана. У нас обоих нарциссизм.

Оттого когда Женюша молвит ей «теперь ты» — ждать долго не приходится и приглашение повторять тоже.

Лана кривляется, Женюша в восторге, я тоже.

Не до чаю тут, когда такие дела творятся.

Покривлялись и разошлись.

К чему я это всё рассказал? Что хотел сказать автор этим произведением?

Да ничего, ну а чего тут можно сказать?

Не, чаю так и не попили.

Камо грядеши: 4, 41

ГЛАВА 75. РУССКИЙ РОК. СВОДНЫЙ БРАТ / ПРОСТО БЫТЬ ЖИВЫМ

Я не адепт русского рока. И никогда им не был.

Моя любовь к металлу началась быстрее, и когда русский рок приходил стучаться ко мне во врата сердца — место уже было занято.

Но всё равно, в среде русского рока я всегда мгновенно идентифицировался как «наш» и «свой». Металл и русский рок

были на одном фланге неформата. Эдакие пусть и не родные братья, но сводные, приведённые судьбой в один окоп.

У металла и русского рока много общего. Но гораздо больше различий.

Прежде всего, главное отличие, неочевидное для многих тех, кто не держал в руках гитары — это музыка совершенно разная структурно.

Русский рок играется или легко перекладывается на аккорды. Да любую, собственно, песню русского рока можно переложить на акустическую гитару и спеть пацанам во дворе.

Металл играется квинтами и глушением, и он совершенно не перекладывается на акустическую гитару. Я не буду лезть глубоко в технические дебри, но в металле совсем другой принцип звукоизвлечения — квинты больше заточены на ритм (аккорды на мелодику), а глушение — это когда правая рука (у левой левая) тыльной стороной прижимает струны, и звук получается короткий, отрывистый и зубастый — как будто хищник ухватил клыками жертвенную плоть да рванул на себя. И весь металл-звукоряд построен на чередовании глухого и открытых звуков — что полностью исключает возможность повторения композиции на акустической гитаре.

Да-да, нередко кто-то, узнав, что я играл в группе, протягивал мне акустическую гитару — «сыграй чё-нибудь», а я отвечал, что не умею. Мне говорили — «ну как же?!». Я начинал объяснять — электрогитара в металле и акустическая гитара — это совершенно разные инструменты.

Ну не умею я играть на арфе, даже если умею играть на бала-лайке, несмотря на то, что у них обоих есть струны.

На меня махали рукой — ну и ладно, не очень-то хотелось.

А и правда не очень хотелось — формат кухонных эксгумаций песен мне омерзителен. Уж не знаю — слишком ли частое бытие на подобных тусовках сыграло роль, или что-то другое,

но вот это, когда собираются на кухне пьяные люди в табачном дыму, хватают гитару и начинают в миллионный раз блять какую-нибудь несчастную песню, давно потерявшую смысл, истрёпанную, как пленная проститутка — меня начинает тошнить.

Особенно когда начинаются пьяные бравады из серии «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Феерическое лицемерие. Секта бесконечно одиноких людей, страшащихся себе признаться в том, что их никто не любит.

Второе, главное и основное отличие, которое кладёт между металлом и русским роком глубокую пропасть, это разный приоритет музыкальной композиции.

Русский рок заточен на текст. Без текста русского рока не будет.

Металл заточен на музыку и ритм. А текст — дело важное, но всё-таки второстепенное.

В этом плане — русский рок вырос из авторской песни, как из гоголевской шинели.

Металл вырос из западной рок-музыки, которая в свою очередь, если уж далеко и глубоко клубок разматывать, вышла из музыки чёрных, с их безумными, языческими, вудуистскими ритмами, сложным лабиринтом ритмического рисунка, музыкальной медитацией, похожей на колыхание знойного воздуха.

Русский рок таков, что если у него убрать музыкальную составляющую, то он не потеряет своего посыла и смысла.

А порой — лично мне хотелось бы, чтобы музыки и вовсе не было. Это как стихи Башлачёва — когда мне их цитируют, мне нравится. Но слушать их в оригинале с аккомпанементом — ну просто невозможно.

А ещё — русский рок, как слышно из самого определения, русский.

А металл — да, имеет какие-то родные гавани, страны, дав-

шие жанру особенно много, но всегда был и остаётся интернациональным.

Металлу легче брать влияния. Русский рок же получил своё наследственное клеймо — пока он остаётся русским — на него распространяются все русские групповые закономерности и стереотипы.

Русский рок обречён основные вдохновения черпать только из русскоязычного пространства — и именно поэтому русский рок сейчас такой, какой он есть — каков стол, таков и стул.

Русскоязычное пространство очень сильно изменилось за последние годы.

В 90-е, во время тех самых, призванных поколением Цоя перемен, сдвинулась с места огромная, застоялая машина — с пылью, ржавчиной, скрежетом. И русский рок был рупором этих времён.

И — хватило десятилетия, чтобы надорваться и устать. Мышцы оказались хилыми.

А может быть, появилась просто более сытая перспектива? Эдакий новый буржуазный НЭП? Новая буржуазная революция, в которой победили колбаса и холодильник?

Так или иначе — но вся Россия, всё русскоязычное пространство, ну и русский рок со всем этим неотрывно — все повернули куда-то не туда. В какое-то безопасное, сытое болото. Где есть, что кушать. Но нет, что думать.

Где есть, что производить. Но нет того, что чувствовать.

Застой, флюиды которого ласково усыпляют в сытую летаргию — чуть проголодался, так колбаски покушал и снова заснул.

Застоялая, ржавая машина въехала в трясины и застыла, собирая лягушек.

Русский рок был рупором происходящего в людских душах? Так он таковым и остался. Он и сейчас, как акын, как труподур

с гусями — просто поёт то, что видит.

Не нравится то, каким стал русский рок? Так его вина-то какая? Он всего лишь отзеркалил действительность, наш мир, нас с вами.

Не нравится увиденное? Ну, тут уж на зеркало неча пенять, коли рожа съта.

Русский рок сегодняшнего дня — это «лабутены, нах!» — и это точный портрет нас самих.

Был рок-н-ролл на надрыв, на рывок, на энергию, свобода, равенство и братство? «Мама, это рок-н-ролл. Рок — это я»? Был. Кончился.

Сегодня мы все условные хипстеры — сытенькие, в меру деликатные чистоплюйчики. И наш рок, музыка протеста, точно такая же, как и наш протест.

Нравится? Кушайте. Не нравится? Все равно кушайте.

Хотели стабильность? Получили. Инджой.

Да, она вот такая, как на кладбище.

Себе иначе её представляли? А почему, собственно?

«Цой мёртв», — написали неизвестные поперёк стены Цоя на Арбате.

Это было бы кощунством, если бы не было правдой — Цой ведь действительно мёртв.

Кому сейчас нужны перемены? Кто их ждёт? Вот в том и дело, что никто не ждёт, никому не нужны.

Обидно ли мне за это? Да, обидно. Пусть русский рок — брат мне сводный, не родной. Но я хорошо к нему отношусь, он пусть и местечковый немного, как деревенский родич, и мнит из себя лишку, но хороший парень. Я переживаю за него.

Я хочу вновь тех времён, когда, взглянув в русский рок, я увижу в нём свое отражение, которое наполнит меня гордостью. Как когда-то.

Во всём этом есть очень тонкий, малоразгаданный, малоисследованный элемент — то, что в христианской доктрине обозначается как тяжкий смертный грех уныния.

Сперва это, кстати, кажется странным: почему уныние — это не просто грех, а тяжкий грех? Ну, вот сижу я на кухне в унынии — разве ж я такой же злодей, что и преступивший заповедь «не убий»?

Ага, на самом-то деле — такой же.

Убийство собственной души — такой же грех, как и смертоубиение физического тела.

Мы все, как общество, как цивилизация, как народ, как страна, столкнулись с новым, коварным врагом. Его коварство состоит в том, что выглядит он безобидным. Ну подумаешь — чуть-чуть поленился. Ну подумаешь — чуть-чуть переел. Ну подумаешь — целый день провалялся перед телевизором, гонял танчики или порнуху.

В этом сытом благополучии постепенно, медленно, незаметно начинает отмирать душа. Отмирают нервные рецепторы, и душа лишается способа дать сигнал — как ей там плохо, как ей одиноко, как она томится в темнице.

Остаются фальшивые люди, с приклеенными улыбками на лицах, которые из настоящего лишь, периодически напиваясь, громко, безобразно, надрывно, горестно ревут. Так горестно, что мурашки по спине.

У Роберта Говарда был такой персонаж — душа, превращённая в мерзкую желеобразную массу, заточённую навеки в подземелье. И она не могла причинить путнику фактический вред, но она так жутко плакала и стенала, что мало кто мог пройти то подземелье, не тронувшись умом.

Жизнь и выживание отличаются одним, но колоссальным пунктом — наличием творчества. В выживании места для творчества нет. И именно наличие творчества является переходом к жизни. К человеческой жизни, имею в виду, а не жизни человека-рептилии, с холодильником, айфоном и самомнением.

Это тяжёлый каждодневный труд, особенно в мире лёгких соблазнов. Вставший на этот путь, на путь творчества, будет с первого дня подвергаться насмешкам и сомневаться в своей правоте. Не раз и не два придёт к горькому отчаянию — а надо ли то, что я делаю? А какой в этом смысл? А не пошло бы оно всё к чёрту? Ведь куда проще просто есть, пить и закусывать.

Так вот, тут ответ простой — да, надо. Не для кого-то — для собственной души, прежде всего. Если не хочешь, чтобы божий дух задохнулся в ещё живом теле, погасла божья искра, его поцелуй, его ангельское дуновение. Если этого не делать — душа истончается, рвётся, грязнится. Превращается в рыбу.

Как там в сказке тульских оружейников о железном мундире для души, охраняющем от любых чувств: «Тогда взял он зубило, молоток и начал отбивать замки от своей железной одежды. Один кое-как открыл, заглянул внутрь мундира, а там пусто. В этом мундире у него истлела и душа, и всё, что он носил в себе хорошего».

Просто делать. Как молитву.

Если приходит соблазн — просто делать своё творческое дело ещё более неуклонно, поддерживая себя и напоминая себе о том, куда приводит в жизни безвольный дрейф.

«Господь да покарай вашу скуку! Сытость свиней в благоустроенном хлеву».¹

*Дураки называют нас совестью рока,
Циники видят хитроумный пиар
А я лишь не желаюдохнуть до срока —
У меня в глотке рвёт связки дар.²*

¹ Стругацкие, «Град обреченный»

² ДДТ, «Контрреволюция»

Что делать, когда нет вдохновения? Делай без вдохновения.
Как угодно, но делай. Немного чего-то — лучше, чем много
ничего.

Просто являть то, что Дмитрий Горчев называл «Великое
Свое» — то есть то, что только один человек из всех когда-
либо живших и живущих может подарить этому миру, став одной
из его неотъемлемых частей.

Астрофизик Нил Деграсс Тайсон однажды ответил на вопрос,
о самом удивительном факте о Вселенной. Его ответ меня просто
поразил. Поразил тем, насколько человек точной, прикладной
профессии точно ухватил самую-самую суть:

*Когда я смотрю вверх, в ночное небо, я знаю — что да, мы
являемся частью этой Вселенной, мы находимся в этой Вселен-
ной.*

*Но, возможно, более важен тот факт, что эта Вселенная
есть внутри нас.*

И когда я размышляю над этим фактом, я смотрю вверх.

*Многие люди чувствуют себя маленькими, так как они малень-
кие, а Вселенная большая, но я чувствую себя большим, потому
что мои атомы пришли из тех звёзд. И существует взаимосвязь.*

*Именно этого вы действительно хотите в жизни — вы хоти-
те чувствовать себя взаимосвязанным, значимым, хотите чув-
ствовать себя соучастником происходящего вокруг вас.*

*Именно это и составляет нашу сущность. Просто быть
живым.*

Просто быть живым.

Как же это просто... И как сложно.

Камо грядеши: 96, 16

ГЛАВА 76. РЕЗЮМЕ ПИСАТЕЛЯ

Я искренний, глубокий, чувственный и отзывчивый человек, способный на Любовь до гроба. Хотя вы, конечно же, понимаете, что это не так, и я олкоголек, норкоман, гопнек и мудак, который просто хочет запудрить мозги какой-нибудь тётке, чтобы её потом оттрахать. Или запудрить мозги какому-нибудь дядьке, чтобы он запудрил, восхищённый, мозги какой-нибудь знакомой тётке, на предмет того, что мол-де есть я, такой весь из себя необыкновенный, эта тётка связалась бы со мной, я бы ей запудрил мозги и оттрахал бы.

Собственно, все мужики-писатели пишут книги для того, чтобы пудрить голову тёткам, чтобы их потом оттрахать, но почему-то только я об этом говорю. Хотя все прекрасно понимают, что писательский труд именно для того и существует, чтобы пудрить мозги тёткам для того, чтобы их потом оттрахать.

Хотя есть целая категория тётек, и даже, удивительно, целая категория дядек, которые, тем не менее, считают, что книги писателями пишутся не для того, чтобы пудрить мозги тёткам, для того, чтобы их потом оттрахать, но их мотивация, разумеется, не выдерживает никакой критики, и стоит только явить свету истинную мотивацию существования писательства, то есть пудренье мозгов тёткам, с целью их (тётек, а не мозги) оттрахать, как сразу лицемеры и глупцы, строящие из себя одухотворённых личностей, которые, как вы могли подумать, вовсе не для того написали книжек, чтобы запудрить мозги тёткам, для того, чтобы их потом оттрахать, тем не менее, терпят мощный крах своего песчаного замка, ибо правда всегда сильнее кривды, бабло побеждает зло, а написание книг, в том числе, конечно же, и этой, преследует лишь одну действенную цель — запудрить мозги тёткам, для того, чтобы их потом оттрахать.

Камо грядеши: 15, 96

ГЛАВА 77. РУБЛЁВКА. ЗЕМЛЯ НЕБОЖИТЕЛЕЙ И ЕЁ СТЫДНЫЕ ТАЙНЫ

Некое нарицательное, символ богатства, престижа, почёта, светскости, брызг шампанского. Чарующее, заманчивое место, где по земле ходят небожители, простым смертным доступные для мастурбации лишь на голубом экране кретиноскопа.

Эльдорадо голубой, куда уж если попал — так все невзгоды отлетают ангельской пылью и остаётся лишь лазурная жизнь, искрящаяся и свербящая в носу, как настоящий колумбийский кокаин.

Здесь проезжает сам царь и его холоуи.

Здесь ходят помятые звёзды, совершающие до умиления житейские вещи.

Рублёвка — шоссе на западе Подмосковья.

Качества недурного — я не помню, когда её ремонтировали, но она стабильно хороша — не расползается, ямы ежесезонно не материализуются. Могут ведь, когда надо, и в России построить дорогу, которую не надо каждый год ремонтировать, с неизменным выделением аховых сумм, растворяющихся опосля в небытии. Теперь не отмажут, что технологий у нас, видите ли, нет и работать некому.

На шоссе нанизаны населённые пункты, в которых испокон лет жил простой люд и продолжает жить.

Вдоволь частных халуп, с петушками на крыше, советских магазинов, типовых многоэтажек.

Одновременно с этим тянутся посёлки, оккупированные бомондом общества, на жаргоне именуемым «виплом», от английского VIP — «очень важная персона».

Очень важные персоны настроили коттеджей, городков под себя, с таким упором, чтобы можно было никуда не выезжать и жить на самообеспечении.

Кто хочет погружения в тему, у вас есть два пути — либо читайте Оксану Робски, представляя себя носителем дорогуших туалетов, либо просто приезжайте на Рублёвку и вклинивайтесь в местную жизнь, фамиллярно хлопая всех по плечу.

Въезжаешь в Жуковку.

Тут отличная природа, скорее сродни Прибалтике, нежели остальному Подмоскovie, с его тёмными, мрачными еловыми лесами, сырыми болотами и чёрными торфяными реками.

Кругом опрятные, хотя и аляповатые, домики без стиля и вкуса.

Торговые центры с громкими брендами, около которых припаркованы в изобилии Бентли, Майбахи а также огромное разнообразие помойно-битых Жигулей. Жигули как на подбор, я не знаю, откуда они их берут в таком количестве.

Милые берёзки. Птички щебечут.

И ничего особенного.

Смотришь кругом, озираешься — не, ну правда мило. Но и — правда, ничего особенного. Совершенно ничего особенного.

Салон элитной недвижимости. Рядом железнодорожный переезд, громяхают электрички.

Что-то огорожено в лесу лентой.

Грустно курят два таджика.

Лужи. Чавкаешь по обочине.

Терема-хайтек, на дороге к которым дежурит на случай распутицы трактор.

То, что есть в Жуковке, выглядит как обыкновенный посёлок где-то в Прибалтике. Ну, только без таджиков. Мило, аккуратно, опрятно.

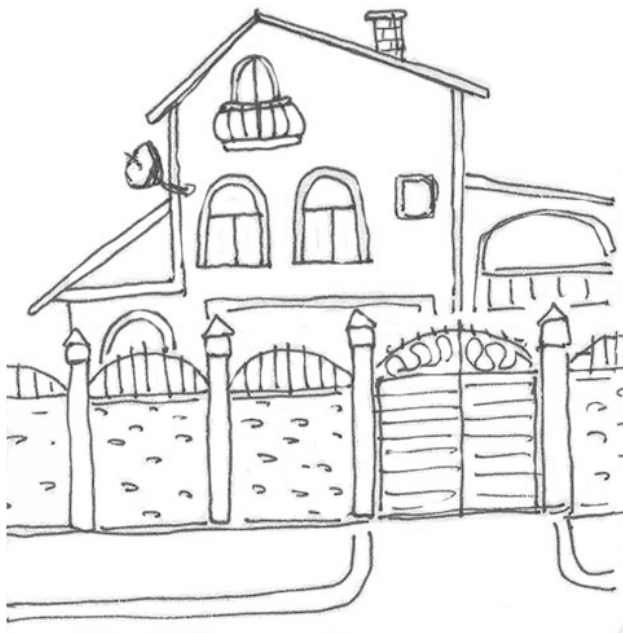
Но там так выглядит любой посёлок, а тут — элита элит небедной, мягко скажем, страны.

Ещё и в советское время Жуковка была не последним местом.

Контингент всегда вписывался символично разнообразный — здесь одна из дачных резиденций Сталина и Ежова. В разные времена тут побывали Долорес Ибаррури, авиаконструкторы и лётчики, академик Сахаров. На даче у Ростроповичей вписывался опальный Солженицын. Дочь Брежнева делила Жуковку с Екатериной Фурцевой.

Вписывались Черномырдин и Павел Бородин, ныне опальные Ходорковский и Чичваркин.

Список можно продолжать.

Но общее ощущение современной Жуковки — слышал звон, да не знал, где закусон.

Снятая форма с полностью упущенным содержанием.

Вспоминаю Швейцарию, где каждый дом, любого сословия и достатка, красив, как пряничный, и утопает в цветах, и в нём виден характер хозяина, его заботливость, кропотливость.

Глядя на швейцарский дом, веришь — хозяин его, высаживая цветы и прилаживая калитку, мурлыкал под нос от умиления и удовлетворения.

Про Жуковку такого сказать не могу.

Пародия на фламандские домики. На всём фасаде грязнучие выносные кондиционеры.

Размноженный типовой проект.

Вкуса нет, характера нет, и это удивляет.

Удивляет потому, что люди, которые здесь живут — они ведь владельцы яхт, газет и пароходов. Они скупают оптом Лазурный Берег Франции и замки английских аристократов, где балки закопчены со времен Кромвеля.

У этих людей есть все возможности научиться, увидеть, сравнить, взять лучшее.

А выходит — можно купить дом, но нельзя купить вкус. Права купил — ездить не купил.

Можно что-то построить, и при этом ничего не создать.

Можно что-то сделать, и ничего при этом не родить.

Одна какая-то вечная мёртвая борьба за то, кто у кого оперативнее перекупит статус.

Статус в собственной мифологии.

Был в моё таксёрское время забавный заказ — привезти еду из ресторана для бизнес-класса частной авиакомпании, где летели всякие шишкарки одной, не к ночи будет упомянутой, сталепрокатной компании.

У меня тогда Жигули-семёрка работала на всякие грузовые заказы — машина мятая, побывавшая в авариях, кустарно покрашенная в разные цвета, во все оттенки синего, от атлантики

до василькового.

Ну и просто картина Репина «Насрали» — трёхметровый забор, пафосный ресторан-терем, чуть ли не декорации к Звёздным войнам, Звезда Смерти с бойницами.

Я дую в дуду, охранник сонный открывает, машет мне — заезжай.

Прошли мы внутрь — там зал-терем с золочёной посудой. Зашли за кулисы — обыкновенная кухня, причём ладно бы ещё оборудованная как-то прилично — не, такая советская столовка, с мятыми алюминиевыми кастрюлями и обшарпанными пузатыми холодильниками.

Дали мне жратву для випла — тупо картонная коробка с порванными уголками. Грязная — видать, её где-то на землю ставили не раз.

Заглянул из любопытства — там обыкновенный салат, нарезки, бутылки с водой, всё это в рядовые пластиковые контейнеры замотано.

Они заказывают для бизнес-класса еду в ресторане на Рублёвке, чтобы кичиться можно было, гоняют специально для этого отдельную машину. Платили, кстати, за это щедро. Еда втридорога.

И при этом — обыкновенная-обыкновенная еда. Вёз её патлатый упырь в грязной коробке на мятых Жигулях, забрав с советской кухни.

Больше всего в Жуковке поражает смесь пафоса и холуйства, гонора и лизоблудства, наглости и неуверенности, небожительства и стыдливости, богатства и дурновкусия, возможностей — и невозможностей их использования.

Ходят по Жуковке люди, каждый из которых успешен, каждый — личность, каждый состоялся в своём деле, и немало ещё славных дел каждому из них уготовано.

Их можно любить или не любить, поддерживать или

не поддерживать, разделять что-то из их жизненного пути или быть яро против.

Но каждый из этих людей достоин уважения и признания.

И вот эти люди, достойные уважения и признания, выходят из своего коттеджа, вверяют хозяйство прислуге, их приветствует личный водитель, они садятся в свой комфортный автомобиль, чудо японской или немецкой техники, выезжают и... и становятся в пробку.

Рублёвка перекрыта. Пузатые господа полицейские озабоченно взирают на опустевшую после отсекаания дорогу, теребят рации.

В чём дело? Ждут царя. Или какого-то царского холоуя.

А поскольку царь — один из самых непунктуальных царей мира и ему совершенно насрать, что происходит — ждать можно долго, и час, и два. Холуи быстро слизывают начальственные привычки, поступают так же.

Никого не пускают, включая Скорую Помощь.

Скорой Помощи ехать надо? Перебьётся.

Царя ждём. Стой жди, смерд.

Кто-то в отчаянии утекает на соседние шоссе, а кто-то этого сделать уже не сможет — часть Жуковки односторонняя, развернуться не получится, сзади закупорили. Встрял, как в сейфе.

Чё ты там вякаешь?! Кто ты есть, а? Артист?! Хуист! Доктор?! Хуёктор! Политик?! Хуитик, ёпта! Стой, сука, жди царя.

Стоят политики, те самые, которые умно глаголют стране о том, как всё будет замечательно, когда правильно проголосуем за тех вот, кто сейчас дорогу перекрыл.

Стоят бизнесмены, которые в состоянии купить коттедж на Рублёвке, но не в состоянии купить уважение.

Чего?! Уважение? Какое такое уважение?!

Каждый из этих людей очень многим жертвовал. Через многое прошёл. Совершенно точно настрадался.

Каждый из этих людей кропотливо учился на своих и чужих ошибках. Падал, поднимался, утирался, вставал, снова падал и снова вставал. Шёл к своей цели.

Каждый из этих людей достоин уважения и признания.

Каждый из них теперь сидит в своей машине словно обосранный.

Он так много прошёл, а в этот момент понимает — зря.

Они рано или поздно приедут туда, куда ехали.

И начнут мстить. Мстить тем, кто вокруг, кто послабее, кто зависим — начнут отыгрываться. На коллегах, на собственных детях.

Будут слепо мстить миру за то позорное, стыдное унижение, от которого они не застрахованы ни в один из дней, возвращаясь к себе домой или выходя из дома, из-за своего монструозного забора.

Мстить за то, что их успешность смешана с дерьмом.

И ничего ты не сделаешь, понял?! Мы тут все в одной лодке. Будешь как миленький лебезить дальше.

Стой, сука. Хер тебе по всей морде, а не уважение.

Ты никто, и звать тебя никак.

У тебя есть деньги, но ты никто, и звать тебя никак.

Ты борешься за свою безопасность, но её не будет, потому что ты никто и звать тебя никак.

Ты любишь свой труд, знаешь его истинную цену? А нам плевать — ты никто, и звать тебя никак.

Ты добился многого в карьере и общественной жизни? Ну, это, быть может, где-то там. А тут ты никто, и звать тебя никак.

«Я охотник, ты сайгак. Я поделом, ты просто так».

Понял, сука? Стой. Жди. Жди пока прикажут, смерд.

Эти люди благодарят Бога за то, что они really, в натуре, VIP. А я им почему-то не завидую.

Камо грядеши: 19, 90

ГЛАВА 78. ДВА ОДИНОЧЕСТВА

Часто в жизни девушки есть мужчина, который был проводником, ступенькой, указателем у дороги, наставником, мудрым советчиком, наглядным примером.

Она уважала его и продолжает уважать. Они интересовалась им, переживала за него.

Она очень ему благодарна. Его помощь была особенной. Вряд ли бы она умерла без него, но жизнь стала много глубже и красочней с ним.

— Спасибо за то, что ты был со мной, — однажды скажет она ему, — спасибо, что был братом, другом, наставником, учителем, примером, попутчиком, соратником. Ты очень-очень мне помог, и я очень тебе благодарна.

Если он это услышит, то не сдержится.

Обзовет её, унизит, ударит, глаза нальются слепой яростью.

— Дура! Я не хочу быть тебе ни другом, ни братом. Я хочу быть твоим мужчиной!

Она отшатнётся, скажет что-то про признательность.

Он будет нападать.

— Засунь в жопу свою признательность! Я не признательность слышать хочу, я хочу слышать, как ты стонешь подо мной и умоляешь не останавливаться.

Она закроется.

Он потеряет веру. Очнётся уже где-то на дне стакана.

Скорее всего, они оба не поймут, что они разные и всего

лишь друг друга придумали.

Не поймут, зачем именно были друг другу даны.

Два одиночества пройдут рядом, не соприкоснувшись.

Она иногда вспомнит его.

Он будет помнить её всегда.

Он останется потерянным попутчиком, к которому застряли в горле невысказанные слова с сестринской нежностью.

Она останется прекрасной, неземной и совершенно недосыгаемой, как Луна, образ которой он будет видеть за стеклом больницы, за границей света автомобильных фар. Он вострепел, увидев в толпе прохожих смутно узнаваемые черты. И вновь заболит незажившая рана, когда черты растворятся в чьём-то чужом лице.

Они больше никогда не встретятся.

Камо грядеши: 26, 86

ГЛАВА 79. ВЕЧНОЗЕЛЁНОЕ ДЕРЕВО

Вновь и вновь мне снится этот мир. Планета, погребённая под снегом.

По насту ходят хищные волки, деревья превратились в стекло.

Земля забыла, как рожать. Солнце скрывается за белым маревом дня и серым маревом ночи.

Кто-то живёт в лабиринтах пещер — там царствуют грибы и ледяные змеи. Кто-то коротает свои дни от привала до привала, неизменно выставляя дозорных.

И лишь в центре этого мира стоит Великое Вечнозелёное Дерево. Дерево-мать.

Его ветви уходят ввысь и теряются. Снег отпускает землю, единственное место, где земля одевается низкой травой и красной ягодой.

Огромные, живые корни уходят вглубь. Прямо под их укрытием, в деревянной толще, расположились небольшие жилища — с уютными ставенками окон, с массивными дверями, на которых железные кольца, с головами драконов.

Чем дальше от Дерева — тем сильнее холода. Никто не знает, что находится дальше. Есть ли там что-нибудь. Осталось ли что-то живое вне Его корней.

Это дерево хотели сжечь враги — оно почернело, но не поддалось. И восстановилось.

Жизнь в нем мощная и медленная, несоизмеримая с коротким веком живого существа.

Глядя из маленького окна, я вижу мир, теряющийся в холоде. И тем более свят жаркий очаг.

Я сплю, вслушиваюсь в треск огня и вижу странные сны о мирах, которых не может существовать — где жаркое солнце, где буйный зелёный цвет листвы, ярче, чем изумруды. Где живут темнокожие люди, большие рыбы и диковинные звери и дуют жаркие ветры.

Вновь и вновь мне снится этот мир. И там, за стеной сна, я перестаю понимать, из какого мира — этого или того, заснеженного, я на самом деле попал сюда.

Кто я и откуда?

И только Вечнозелёное дерево остается со мной всегда.

Оно есть. Где-то там — оно есть. Его не может не быть.

Я слишком хорошо его помню.

Слишком ярко его вижу в своих странных, смешанных снах.

Камо грядеши: 21, 19

ГЛАВА 80. МОРЕ ДОМИНИКАНЫ. МОРОК МЕНЕДЖЕРА СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Есть люди, которые встают утром в понедельник, идут в душ. Потом раскладывают гладильную доску, проводят утюгом пару раз туда-сюда. Сетуют на то, что рубашке скоро придет каюк, а строгому дресс-коду офиса плевать на то, что рубашки-блузки стоят порой как моя почка.

Если они живут с кем-то — встречаются с сожителем за завтраком. Наскоро разбивают на сковороду пару яиц с куском заветренной колбасы.

Мужики при этом мятые, всклоченные, буркающие. Халат с попугаями.

Тётки злые, раздражённые, сонные. Ходят оглушённые в трусах, грудь безвольно колышется, как намокший парус.

Дотянутся до чашки, подаренной на прошлогоднем корпоративе, кинут в неё горсть растворимого кофе и заменитель сахара.

Потом, дежурно чмокнув друг друга в щёчку, разойдутся.

На улице зимние сумерки, машина, съеденная ледяной коркой. Небо зябко розовеет.

Заурчит мотор. В разреженном утреннем воздухе чиркнет по уху шорох метлы таджика о мостовую.

Полтора часа дороги по одному шоссе. Если повезёт.

Встретившиеся посреди ровного места взятые в кредит корейские малолитражки мигают аварийками, люди сосредоточенно и раздражённо корябют пальцем едва заметные царапины на бампере.

Вся дорога считает их в тот миг злейшими врагами и представляет долгую процедуру их медленного расчленения.

В офисе шуршит копир, сжирая последние остатки кислорода.

На крыльце подстриженные люди глотают вонючий сигаретный дым.

День пойдёт своим чередом. В телефонную трубку будут процеживаться сквозь зубы имена и отчества.

Никто не упустит возможности съязвить.

Счёт за бизнес-ланч из целлюлозно-бумажного салатика и булочки приблизится к четырёхзначной сумме.

Последний кусок булки встанет комом в горле.

Время дотикает. Утром сумерки, вечером сумерки. Куда-то умер день.

Полтора часа домой. Если повезёт.

И куда этот Жигуль прёт?! Ну куда ты прёшь?! Купи себе машину сперва, как у нормальных людей, потом при!

Парковочного места нет. Этот жлоб с третьего этажа опять запарковал свой чемодан на два места сразу.

Капот, въехавший на газон детской площадки, уже давно никого не смущает. Не мы такие, жизнь такая.

Так, чёрт, ещё ж в магазин, дома же жрать нечего.

Немигающе лыбится неоновая вывеска. Кассирши из солнечной Киргизии практикуются в русском языке.

В корзину летит пластиковое молоко, ватный хлеб. Холодное дешёвое пиво — охладить пожар молчаливой злости.

Смуглый человек, разговаривающий по телефону на неизвестном языке бывшей союзной республики, вызывает желание ударить его по голове бутылкой уценённого шампанского.

Захлопнется дверь. В квартире бардак.

Вечер закончится руганью. На экране телевизора замелькают кадры визита президента в Хабаровск.

Банка пива отправится в нутро. Вторая войдёт уже не столь

легко.

Вскоре потянет в сон. Может, дряблые ласки перерастут в дряблый секс, подробности которого не вспомнятся.

Ночью на улице будет вопить автомобильная сигнализация.

Утро вторника ничем не будет отличаться от утра понедельника.

Где-то во время всего этого будет толкаться мысль — хватит! Пора стать человеком! Пора наконец-то сделать это!

...В турфирме удушливо пахнет типографским глянцем. Сморщенные люди расскажут о заморском рае. Откроется каталог, мелькнёт картинка с пальмами.

— Если вы действительно уважаете себя — рекомендую обратить свой взор на Доминикану. Прекрасный сервис, роскошное море, всё, что нужно для настоящего, престижного отдыха.

Где это? Звоню другу.

— Это летишь до Майами, потом чуть вниз от Флориды, а там правее Кубы остров — и там пол-острова Гаити, это где французский язык, землетрясения, негры, остров Тортуга и полная жопа, а правая часть — Доминикана. Язык испанский, негры чуть-чуть светлее и ситуация чуть лучше.

Шестизначная сумма исчезнет в окошке кассы. Бухгалтер озабоченно просветит под синим светом купюры, каждая из которых куплена тем самым незамеченным днём, от сумерек до сумерек.

Засветится кривенькая мечта.

13 часов перелёта отделят два мира.

Поразит день. Поразит то, что можно днём видеть солнце.

Поразит море, ласкающее ступни.

Поразят тёмные люди, которые живут какой-то совсем иной, беззаботной жизнью.

Вдруг выяснится, что этим пальмам совершенно всё равно — убивался ли ты, доказывал ли что-то кому-то.

Был ли прав, торжествовал или винулся.

Они просто растут себе тут. Роняют в воду тяжёлые плоды

Хочешь побыть под этими пальмами — побудь. Они не против.

По пляжу ходят люди, которым абсолютно всё равно — кто ты, откуда приехал, что ты так яростно доказывал, убеждая себя в важности и незыблемости.

Мир вообще не добрый и не злой.

Он просто дует разными ветрами — хочешь, лови ветер в парус, хочешь — стой на берегу. Хочешь — переворачивайся вместе с лодкой, хоть будет о чём рассказать соседям по хоспису.

Солнце, жара, фрукты, плотный запах провалят в полудрёму. Время пройдёт быстро.

Купится пляжная шляпа. По приезду обновятся фотки в «одноклассниках».

«Счастливая ты!» — скажут подружки.

...Серый спрут захватит незаметно.

Зашелестят дни. Посмотрит розовым глазом холодный зимний рассвет.

Принтер зажует бумагу. Сломается телефон. Сосед-жлоб таки поцарапает машину.

Заказчик будет орать. Возразить ему будет нельзя, Арутюн Саркисович — заказчик перспективный, нужно проглотить.

Серый спрут снова съест потроха.

Пропищит китайский будильник. На сковородку полетят лом-

ти заветренной колбасы.

Душ, призванный смыть сонливость, только наоборот её напустит.

Морок вступит в свои владения.

Утро вторника ничем не будет отличаться от утра понедельника. Утро среды повторит вторник.

Камо грядеши: 53, 63

ГЛАВА 81. ПРОБЛЕМА

Меня настораживают люди, в лексиконе которых «проблема» — частое слово.

Проблемой, если вот так по-честному, люди называют несовпадение собственной фантазии с действительностью. Они придумали себе что-то, поверили в это, а вышло иначе, более приземлённо. Назвали это проблемой.

Проблема — эдакое безнадёжное слово. Оно как бетонная плита. Из него нет выхода. Либо выход только в сопряжении с потерями.

Ещё «проблема» — слово, прикрывающее гордыню. Люди слишком много о себе воображают, считают себя больше того, чем они являются, пытаются контролировать то, что контролю не поддаётся, и маскируют словом «проблема» только постоянный щелчок по носу от Вселенной, которая напоминает, что негоже человеку смертному мнить о себе слишком уж много.

Иногда это выглядит совсем анекдотично — существует, например, институт по проблемам космоса — это какие-такие у космоса проблемы, хотел бы я узнать? Я знаю, что у людей слушаются проблемы, но чтобы у космоса...

Есть реальность, а то, что она не совпадает с нашими иллю-

зиями — это не проблема, это ситуация.

Да, вот ситуация — совсем иное слово. Оно нейтральное. И если проблема — она тяжёлая и безнадёжная, то ситуация — решаемая и посильная.

Если проблем в жизни слишком много, но хочется их уменьшить — можно начать с того, чтобы каждый раз хотя бы менять слово «проблема» на «ситуация». Помогает.

Когда кто-то говорит, что у него проблема, знайте — у него просто была иллюзия контроля и фантазия, которая, разумеется, не оправдалась. Скромнее ибо быть надо.

«Всё на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян».

Любопытно — чем больше доверяешь миру, тем больше это слово из лексикона само исчезает. И наоборот.

Камо грядеши: 22, 57

ГЛАВА 82. РОМАН С ДЕМОНОМ АЗАРТНЫХ ИГР. ТОЛЬКО СЕКС, НИЧЕГО ЛИЧНОГО

Я не понимаю страсти к азартным играм, но знаю тех, кого этот демон хватает пуще алкоголя, наркоты и похоти (иногда — вместе взятых). Они играют не выигрыша ради, а ради самой игры, ради самого ощущения одержимости, ощущения соития.

Одно время, когда на каждом углу были автоматы, я наблюдал за играющими и заметил — вкладываешь какую-то сумму, сперва проигрываешь, потом резко начинаешь выигрывать, так, что выигрыш становится чуть больше вложенной суммы, а потом начинаешь только проигрывать, пока не остаёшься по нулям.

Игроманов в момент этого короткого выигрыша начинает пья-

нить — «игра пошла!». Они впадают в одержимость, и на этой одержимости всё и спускают.

На что и расчёт.

Я решил поставить опыт с холодными мозгами — сесть играть, дожидаться этого кратковременного выигрыша, который чуть больше вложенной суммы, и как только этот кратковременный выигрыш произойдёт — забрать сумму тут же. Будет там на 100 рублей больше — забрать сто. Будет на 500 больше — забрать пятьсот. Любой возможный плюс забрать, не слушая крики болельщиков за спиной: «давай, пацан, играй дальше, пока фарт идёт!».

Я начал играть — и этот выигрыш стал приходить ко мне в 100% случаев. Я ходил в автоматы как на работу: покручу барабаны — 100 рублей снял. Покручу на другом автомате — 200.

Тут немного, там немного — а в итоге выходит жирненько. И самое главное — автоматов много, куда угодно зашёл, быстренько денег выиграл, потратил куда надо.

Я обнаглел настолько, что начал выходить из дома в магазин без денег на продукты — чтобы по пути их выиграть.

Выигрываю и иду, напеваю песенку Алёши из «Чёрной курицы»:

«Я с чудесами дружен, и мне никто не нужен».

Знающие люди говорили — новичкам везёт, это скоро закончится.

Я посмеивался — ну, с чего бы оно закончилось? Что мне эти суеверия? Я разгадал приманку — этот кратковременный выигрыш нужен, чтобы завлечь игромана, побудить его играть дальше — а я-то умный, меня так просто не поймать.

Ну и что, что я всё время выигрываю? Я выигрываю понемногу, а автоматы с одержимых зарабатывают всё равно гораздо больше.

Я хоть и выигрываю у казино копейки, но зато создаю атмо-

сферу всеобщего выигрыша для других. Полезную карму заведению прокачиваю.

И вот заворачиваю я однажды, как обычно, в автоматы.

Играю — а кратковременного выигрыша нет, и я проиграл вложенную сумму.

Расстроился, но потом подумал — ну, в конце концов, надо иногда и проиграть.

Начал играть дальше. И снова проиграл.

Хм... Ну, день не задался, — подумал я и решил на сегодня повременить.

Но потом, после этого, в самых разных автоматах я начал стабильно проигрывать.

Сбылось пророчество бывалых о том, что новичкам везёт. И только новичкам.

Небесное пушерство — первая таблетка бесплатно.

Я не понял, как это действовало.

Почему я стабильно сначала выигрывал? Почему стабильно пошёл проигрывать потом? Я не знаю.

Это всё было настолько нелогично, что глупо предъявлять к этому логичные претензии.

Пришёл в мою жизнь странный период выигрыша в рулетку. А потом ушёл.

Впрочем, демон рулетки — изначально не мой демон.

Скорее всего, он просто поиграл со мной, я ему быстро своим занудством наскучил, и он меня бросил. Как матрос очередную портовую жену.

Ну что ж — за роман спасибо.

Хорошо, даже влюблённости не было, страдать не пришлось.

Потрахались с демоном — и разошлись. Только секс, ничего личного.

Камо грядеши: 10, 11

ГЛАВА 83. ПРОВИНЦИЯ

Время идёт неспешно, раскатисто, как весенний гром или барское газоизвержение.

Спешить некуда, потому что завтра не будет отличаться от сегодня.

Лишь появятся у матери новые морщины в уголках глаз. Прохудится ведро. Иссохнет рама.

Русская провинция — та самая, которой приписывают мнимую духовность, о которой все говорят, как о явлении бесспорном, и которую никто никогда в глаза не видел.

Как языческие сказки о леших и домовых — нет сомнений, что они есть, да никто не назовёт себя их очевидцем.

Может, кто их и видел, в бане опосля похмелья, да признать-ся в этом — всё равно примета плохая.

Есть смертельная иллюзия — о живительности истоков, об исцелении, которое разыграет как волшебный ручей, смывающий смерть, грех и старость со сведённых жизненной мукой тел.

Горе тому, кто дерзнёт проверить эту иллюзию на действительность.

Это болото, которое не отпускает.

Как русалки — защекочат добра молодца до смерти. Затянет водяной подводным течением под корягу, и будет лишь тело в такт волне колыхаться, пока не растащат рыбы.

Не со зла, нет — просто так заведено. Испокон веков такой

порядок на Руси был — не мы его вводили, не нам его менять.

Очень логично и стройно в провинции всегда рассуждают. Даже обосновать собственный расстрел умеют так, что соглашались пойти на казнь.

Как руки напёрсточника — ловко так всё выходит, обоснованно, грамотно. Не поспоришь.

Хождение в народ — благородная такая миссия, спасение во всеобъемлющем христианском смысле.

Но всё пустое.

Закуют пророка в кандалы — и никто не бросит голоса в защиту.

Замаслятся поволокой мещанские глаза — любая власть от бога. Не со свиным рылом лезть в калашный ряд.

Столицы и дороги не дают уснуть — толкают, рвут, хамят, зубоскалят. Дёрнешься к ним в драку, получишь оплеуху, очнешься от дрёмы.

А провинция — не-е-ет, тут страшнее морок. Он сковывает постепенно, заменяет волю — ватой, мускулы — резиной, очи — донышками бутылок.

Вода растворяется в водке.

Уйдёт навсегда поэт — и лишь застучат по крышке гроба земляные комья.

Капуста в банке, счёт за газ.

Прохудившаяся крыша, заплаты на заплатках — на одежде, на доме, на душе.

— Ляг поспи, — баюкает русалка.

— Ныряй глубже, — бубнит водяной.

— Оставайся тут навечно, — кивает бородой домовый и бесновато вращает глазищами.

Камо грядеши: 36, 52

ГЛАВА 84. ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ. В ОБЪЯТИЯХ РУССКОГО ЭСКАПИЗМА

Станным, подобным морфию, ядом пропитана атмосфера белой эмиграции. Все эти осколки царского воспитания, сложных представлений о чести в пропитке русского нигилизма.

Люди, которым звёздами было написано приносить славу и доблесть Родине, а вместо того судьба вовлекла их в сложное и одновременно простое братоубийство.

Многие из них, вырвавшись из пожара бессонниц Гражданской войны, внезапно оказывались на сытом, тихом Западе. В Париже, или вот здесь, на Лазурном берегу.

Многие из них прошли тяжелейшие испытания, но здесь, оказавшись в сонном дурмане сытой безопасности, предпочли покончить с собой. Им некуда стало жить.

Многие упали в отчаяние и депрессию.

Все эти потомки благородных родов, ползающие по дну горького пьянства в крошечных снятых квартирках.

Все эти князья и графы, работающие водителями такси и экскурсионных повозок.

А то и ушедшие на паперть. Мадам! Месьё! Же не ман шпa си жюр...

Как там у Алексея Толстого в «Эмигрантах», про молодого нищего калеку, вернувшегося с полей Первой Мировой. Он ковыляет по Парижу среди кафешек, лоснящихся господ и степенных дам, не устаивающих его даже мимолётным взглядом.

«Руки, привыкшие к винтовке, не легко протягивались в окошечко кассира за скудной субботней выручкой. Что ни говори о прекрасной родине, а ухлопать такую уйму народа, чтобы вновь одним — с парусиновым свёртком инструментов на плече благонамеренно шагать в дымах рассвета к гудкам кирпичных корпусов, другим — проноситься по тем же мостовым в шикарных

машинах (сонные морды, завядшие бутоньерки, смятые груди смокингowych рубашек), — тут можно было задуматься: «Так что же, выходит — ты чужое счастье купил своей кровью? Дурак же ты!».

Ироничная история постоянно подкидывает потомкам ситуации дежа вю — когда-то это уже было.

Когда в одной части мира идёт война, в другой швартуются яхты и шумно раскупоривается шампанское. По ночам поют цикады, ветер разносит сладкий субтропический зной, с запахами вина и запечённой на углях рыбы.

Шумят пальмы. Сам Господь Бог, кажется, не откажется в забегаловке Ниццы пригубить пузатый бокал холодной сангрии.

Где уж простым смертным отказаться от соблазнов.

Кто-то остаётся жить в войне.

Кто-то извечно бежит и убегает. Унося свою войну с собой.

Даже на Лазурный берег.

Но волны смывают горечь с камней так же, как и сто лет назад.

Романтичным, с волнами французского флёра, чувственным языком поцелуев и минетов изъясняются прохожие, со свободными, раскованными телами.

Женщины и цветы завлекают губами.

Каждый свой ад тащит с собой.

Кто-то умудряется протащить его с собой и в рай.

Тогда ночные огни начинают мерещиться красными, улетающими в темень огнями пулемёта.

Камо грядеши: 35, 54

ГЛАВА 85. ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу можно читать в любой последовательности глав.
Можно от начала и до конца. Можно от конца и до начала.
Можно гадать, открывая на произвольной.
Можно в день по главе.

В конце каждой главы указаны номера глав, которые предлагаю прочитать следующими. Камо грядеши? Сюда давай грядеши.

Но совсем не обязательно ими пользоваться.

Короче — полная свобода, чуваки. Дайте мне свободу или дайте мне смерть. Необходимость прокладывает себе дорогу сквозь случайности.

Камо грядеши: 0, 24

ГЛАВА 86. КЛУБ ВОЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ИЛИ НЕМНОГО О ЛЮДЯХ-ПТИЦАХ

Кто такой Антон Кротов, я рассказывать не буду — общей информации об этом человеке достаточно, а собственное мнение всё равно составляется при личном знакомстве.

Квартира Кротова — обыкновенная двухкомнатная квартира на севере Москвы, где вписываются, собираются и общаются все масти вольных путешественников и им сочувствующих.

Здесь постоянно кто-то ночует. Двери никогда не закрываются.

Иногда здесь проходят «кротовники» — сборища, на которых отмечаются с какими-либо темами докладчики — о неведомой стране, о личном опыте странствий.

Народу набивается, как сельдей в бочке.

Отовсюду идёт бубнёж, поделёжки о том, как ходить пешком по Лаосу, куда пойти развеесться в Боливии или что произошло недавно в Судане.

При входе таз, куда скидываются принесённые с собой печенки. Периодически заваривается ведро чая.

Пространство непьющее и некурящее — это отсеивает пустых тусовщиков, тех, кто без допинга, на чистый разум, не живёт.

Многие, видя отсюда фотки, восклицали — «какой срач, как здесь можно жить?!».

Свидетельствую — срача нет. В квартире чисто. Нагромождение — пожалуй, есть. Срача — нет. Разница ясна?

Лично я в таких условиях, при полностью снесённых личных границах, жить не смог бы, но никаких рефлексий по поводу тех, кого так жить устраивает, не испытываю. Мне ж с ними не детей крестить.

Во всё время моего пребывания там чувства меня преследовали смешанные, больше всего гнетущие. Это касается людей.

Есть простой механизм — если нас что-то раздражает в других людях, это значит, что это есть в нас самих, но нами не признаётся.

Каждый человек нам зеркало, отражает что-то, нами не замечаемое. Мы видим в других только то, что есть в нас самих.

Здесь мне каждый зеркалил мою собственную пустыню и моё собственное бесплодие.

Иногда в зеркало смотреть неприятно. Хочется зеркало завесить и начать на него пенять — плохое, мол, зеркало, неправильно оно отражает, ну его.

У этих людей есть особый вид понтов — покрасоваться списком стран и экзотических названий посещённых мест.

Мне это знакомо — я сам люблю иногда подпустить атмосферы мудрости, подбочениться, что мол-де и там я бывал, и здесь, и тут. В Париже, знаете ли, кофеёк попивал, на Мальдивах задницу грел, на Кубе мулаток потрахивал.

Как, вы не бывали на Капри?! Напрасно! Уверю вас, совершенно напрасно!

Эти люди показно презирают общество потребления, где принято кичиться статусными машинами, бриллиантами и костюмами, но сами при этом поступают точно так же, только предмет кичливости другой, вот и всё.

Ещё эти люди забавно строят из себя мудрецов и, что самое потешное, сами в это верят — верят в то, что они чем-то мудрее, прозорливее. Что они знают какой-то такой особый способ быть счастливым, а кругом овцы заблудшие. Сектантство эдакое.

С другой стороны — раз я это вижу, значит, и во мне самом это есть.

Фу! Какая гадость.

И за что вы меня только любите, не понимаю.

Ещё в этом сообществе, хм... даже не знаю, как это сказать... ну, в общем, говорю как чувствуется — в этом сообществе не уважается женщина. Или, точнее, не почитается женщина. Нет уважения к женщине как к женщине, как к той, кто даёт жизнь и по сути бессмертна.

В этом сообществе есть подруги, попутчицы, соратницы, любовницы, просто случайные контакты, функциональный механизм для определённого вида странствий, посудомойки и уборщицы — но женщины как женщины нет.

По сути, раз нет женщины — нет и мужчины. Мужчине в мире, где нет женщин, грош цена. Это не мужчина уже, а дурацкий танк, произвольно сжигающий излишек топлива.

Мужчины и женщины размазываются в некое одинаковое нечто.

За этим, мне кажется, огромное чувство брошенности стоит.

А ещё — огромные сомнения в собственной ценности и значимости.

Есть в подобных общностях характерный признак — они не развиваются. В какой-то момент развитие стопорится и начинается «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Раздача друг другу титулов, как у тех алкашей — «Ты меня уважаешь? И я тебя уважаю. Мы с тобой — уважаемые люди».

Я могу понять сектантов: это большой соблазн — иметь общность, в которой худо-бедно за заслуги и правильное поведение можно купить уважение.

Но цена такому уважению невелика, и оно недолговечно — оно предполагает, что творческая свобода отныне ограничена и подчинена соответствию группе.

Как там у Пастернака: «Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь».

Перемены предполагают смены авторитетов, а мало кто умеет отказываться от былых заслуг и начинать что-то с самого начала.

Я понимаю, что для многих эти люди открывают новый мир. В буквальном смысле — учат тому, что мир большой и границы в нем открытые. Для многих, оказывается, это не очевидно. Я действительно терял дар речи от изумления, когда слышал фразы: «ну, за границу-то я никогда не попаду» или «везёт же тебе, ты можешь путешествовать», — бля, а вам-то кто не даёт? Что в этом такого-то? Жопу поднял и поехал. Ах, жопу не поднять? Ну, так это не мне везёт, это у кого-то жопа неподъёмная.

Но всё хорошо в меру, а меня накрывало злое, тупое раздражение — чем эти люди кичатся? Тем, что по свету неприкаянные

бродяжничают?

Что эти люди оставят после себя? Список стран? Стоптаные ботинки? Измочаленный штампами паспорт? Кому он будет нужен? Что он даст миру?

Поскольку я бродяжничать умею — для меня это всё выглядит бесплодным мельтешением.

Есть в этом что-то очень болезненное и горькое. Осознание себя пустыней, птицей.

Как там у Марты Кетро: «Птицы болтаются на границе жизни и смерти, поэтому у них плохо с памятью и совестью, а хорошо, наоборот, с лёгкостью и нахальством. На месте остальных людей я бы не стала связываться с тем, в ком отпечаталась пустыня: никогда не знаешь, то ли он сейчас улетит, то ли умрёт у тебя на руках, то ли, наоборот, будет жить вечно, — ясно только, что ты останешься ни с чем».

Для меня это некогда прозвучало диагнозом, очень меня испугавшим.

Я отчётливо ощутил, что начинаю терять связь с землёй и с жизнью. Начинаю забывать — кто я, откуда, что мне говорит сердце. Ухожу в бесплотное существование, где боли нет, но и чувства тоже бестелесные.

С одной стороны — это далеко не самый худший способ бытовать — бесконечные страны, всегда есть где остановиться, всегда есть еда, развлечения, попутчики, искромётность, исследование нового.

Статус для тщеславия, в конце концов — о-о-х, какая приятная, немаловажная штука.

Это такой яркий калейдоскоп, во время которого дыра в груди забивается всяким мусором, и вроде как и нет никакой дыры. Душонке болеть нечем, а сердце — а что сердце, вон сказку про Михеля-голландца помните — и без сердца люди живут.

А что до того, как я лежал однажды под пальмой на тропическом острове и коченел от холода, потому что мне казалось, что внутри меня синий, окоченевший труп — так это было так чудовищно, что мне порой кажется, что я себе это придумал.

Слишком материальный ужас, чтобы быть правдой.

Я тогда боялся до себя дотронуться — мне казалось, что кожа сейчас отслоится, как мокрая бумага с бутылки, и под ней я увижу этот синий труп — и тогда уже меня ничто не спасёт. Я уже никогда не приклею кожу обратно, я посиневший мертвец.

Если дом там, где сердце — куда пойти мертвецу, у которого нет сердца?

«Кто проводит жизнь в странствиях, у тех в итоге гостеприимцев много, а друзей нет. Даже самое полезное не приносит пользы на лету. А сейчас ты не путешествуешь, а скитаешься и мечешься, гонимый с места на место поисками того, что есть везде: ведь всюду нам дано жить правильно».

Это Сенека, если что, 2000 лет назад слово сказано.

Всё приходит вовремя.

Квартира Кротова в том числе — спасибо её хозяину и её обитателям, они указали мне много моих собственных виртуальностей и тем самым предостерегли меня от них.

Смотреть в зеркало тошно иногда. Но полезно.

Камо грядеши: 18, 89

ГЛАВА 87. ДОЙЧЕН ЗОЛЬДАТЕН

Автосервис, в котором гремят немецкие марши — это отлично.

Сдаёшь машину на руки дюжим, статным, не матерящимся прилюдно ребятам, а в это время по цеху маршем гремит «дойчен зольдатен» — позитивом заряжает на весь день.

Хочется распрямиться, подбочениться, осанка, выправка,

белокурая бестия.

И все тебе улыбаются. И у самого рожа в улыбке расплывается.

— Свечи у вас в говно. Меняем?

— Конечно, меняем!

(Дойчен зольдатен, дольчен официрен...)

У автомеханика бесенята в озорных голубых глазах:

— И катушка шалит. Сменим?

— Сменим, ребята...

— Тосольчику плеснём?

— Угу...

И улыбаешься.

Камо грядеши: 25, 59

ГЛАВА 88. В ОЖИДАНИИ МЕССИИ

Людям свойственно ждaть Мессию. Который принесёт им инструкцию «Как надо жить». Если повезёт — с автографом.

Никто, правда, не задумывается, что делать потом — ужель правда жить по ней?

Христос вознёсся на небеса, улетел, но обещал вернуться.

Будда ничего не обещал, лишь прищурился блаженно.

Пророк Мухаммед был слишком занят, чтобы снисходить до комментариев.

Иногда кто-то прозорливый из рода человеческого восклицает — да никто к нам не придёт! Не будет никакого Мессии!

На что ему приходится? Они уже приходили и сказали абсолютно всё, что можно было сказать.

Всё уже сказано. Уже все мудрецы законспектированы.

Нет ничего, что явит смысл более, чем он уже явлен.

«Возвышайте души до осознания вечных нравственных кате-

горий», — напутствовал нас Веня Ерофеев. И совершенно резонно напутствовал.

Всё, чего достаточно для жизни, уже произведено. Жизнь — это сам по себе ответ.

Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, а Бог в нём.

Всё. Этого достаточно.

Что ещё надо? Какой, прости хххосподи, Мессия ещё нужен? Что он ещё может сказать из того, чего не говорил?

На самом деле — Мессия уже приходил. Разные Мессии приходили, и не единожды. Но не были узнаны.

Ну, сами посудите — приходит новый Христос, как Терминатор — бах! — оказывается на ночной московской улице. Подходит к хипстерам: «Мне нужна ваша одежда и мотоцикл», — говорит.

Хе-хе!..

Не, ну а если серьёзно — представьте — пришёл новый Мессия, Христос, Будда или кто там ещё был, из назначенных человечеством. Приходит, и что дальше?

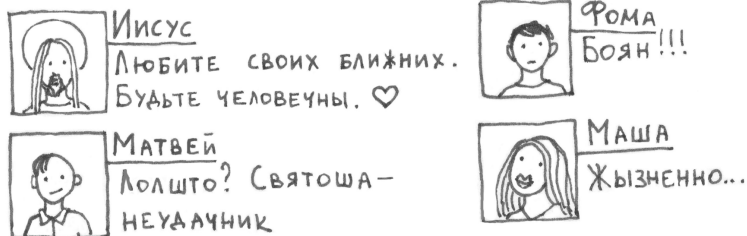
Как он обратит на себя внимание? Он скажет мудрость в идущую толпу, но от него отмахнутся — у всех дела. Он напишет в интернет постик, а его обосрут. Обвинят в патриотизме и непатриотизме, в семитстве и антисемитстве, укропо-ватничестве и ватничество-укропстве — и всё это, вестимо, одновременно.

А под финал ещё и посадят по какой-нибудь новой статье, типа разжигания костров и общественного смутьянства. Тут уж учить никого не надо — был бы Мессия, а статья найдётся.

Где найдёт новый Христос своих апостолов? Что им скажет? Что они ему ответят?

Я всерьёз полагаю, что незачем ждать Мессию.

И не только потому, что Он всё уже сказал.

Просто если он придёт и даже скажет свое мессианское слово — никто ему не поверит.

Любое сделанное им чудо будет объявлено шарлатанством. Любое проявление любви — чванством. Любая скорбь за человечество — лицемерием.

Любое превращённое в кровь вино будет принято за кока-колу.

Мы же по себе всех судим, верно? Больше не по кому. Мы всегда похожи на тех, кого ненавидим. И чем больше ненавидим — тем больше похожи.

Мессия уже приходил.

Заинтересованных не застал и вознёсся обратно.

Камо грядеши: 17, 20

ГЛАВА 89. ДО ПОСЛЕДНЕГО МОРЯ

Я пройду по Азии, по солёной земле, через гул велосипедных звонков, криков разносчиков.

Через запах горелого дерева, жира, имбиря, благовоний. Запах мокрых тряпок, мочи и карри.

Земля как пепел, люди как призраки. Я, наглец, украду их тени. Обворю нищих.

Когда истреплется одежда — заменю её местными цветастыми узорами.

В горах будет саднить глотку разреженный воздух. В квартале нищих станет нечем дышать.

Я просто лягу на землю, став невидимым для толп попрошайек.

Имя станет иероглифом, сон — звенящим наваждением, звук сломанным и гортанным.

Ещё один торговец, торгующий одиночеством — я войду в сказочную страну со сказочным названием.

Пройду её насквозь. Пролечу. Проползу.

Вновь украду запахи и тени.

Я сменяю монеты на плошку супа. Первородство отдам за чечевичную похлёбку. Возрадуюсь выгодной сделке, перемигнусь со стариком-бородачом.

Растворюсь в воздухе, поймаю ветер, улечу.

На последний фронтир. До последнего моря.

Камо грядеши: 12, 80

ГЛАВА 90. В ДЕРЕВНЮ, В ГЛУШЬ, В ПОДВАЛЫ / О ДРЕВЛЕРУССКОЙ ТЯГЕ К ЗЕМЛЕ

А может и правда — ну его всё к чОрту, как говаривал Серёжа Костриков.

Покинуть эту столичную жизнь убогую, блеск и нищету пидорасов, да припасть к живительным истокам, к настоящему среднерусскому труду.

Скучать не придётся — наколот дров, закинул в печку. Скотину накормил, сам себя тоже накормил.

Ухватом закинул в жар котелок со щами.

Вставать на рассвете, ложиться на закате.

Вдыхать вкусный древесный дым, нюхать влажную землю да прохладные ветры.

Долой рафинированность больших городов, долой унисекс! Долой всех этих менеджеров, все эти тачки-шмачки, весь этот нездоровый корпоративный пафос.

Все эти: «Кем вы видите себя в нашей компании через пять лет?».

Или это вот: «Здравствуйте, я продавец-консультант, могу я вам чем-то помочь?». Да ты сам себе помочь не можешь. Найди нормальную работу.

Покину всё это сало, всех этих тошнотиков, все эти коктейли, все эти рассуждения для высоколобых интеллектуалов.

Не ваш я, не интеллигентский. Я из народа, как говорится — парень свой. Вам что, кулаком в стол бухнуть в доказательство?! Я могу. Могу и не только в стол.

А летом, сбросил майку, махать огородным кайлом, утирать богатырский пот.

У самого торс накачанный, а не дряблый городской жирок, тщетно сбиваемый фитнесом.

Пойти к соседу вечером на партийку в шахматы, чекушку раздавить.

А потом самовар, чай с вареньем.

За забавами — по деревне, девкам подолы обрывать. Или в военную часть — солдатики там маются, и жёны офицерского состава скучают.

Сидит девица в темнице, а коса на улице.

За ту косу её — хватить!

Время по-другому течёт. Молочка парного — пожалуйста.

Козьего — запросто.

Хлеб у бабушки купил, яблочек своих в подвале припас.

Урожаю — тьма. Утром яблоки просто, в полдень — с мёдом, днём печёные, вечером шарлотка — а их всё равно меньше не становится.

Перебрал пророщенную картошку, нажарил с салом и луком — эй, городские, едали ли такую вкуснятину, а?! Да нифига вы там не едали, что вы там в своей Москве вообще видали.

Одни педерасты, чесслово.

Раззудись рука, растянись гармонь!

В народ пойду. Поминайте потом как звали.

Кушаком перепоясаюсь.

Карету мне, карету! — истерил Чацкий.

Уеду. В глушь. К тётке. В Саратов.

Кто-то когда-то сказал про евреев — они не любят природу. Потому что у них своей национальной нет, оттого им любая до фонаря.

Смех смехом, но что-то в этом есть — у Народа Книги действительно своей природы нет, в отличие от того же Народа Бутылки, и они в своих жизненных путях на неё нечасто закладываются.

Для русского же природа — больше чем природа. Она всегда есть, она живая, она в любых народных сказаниях — отдельный персонаж.

Ну правда — любую сказку вспомни — шумит самовар, полнится шорохами деревянная изба, а сразу за забором — мисти-

ческий мир, где размывается грань между живыми и призраками, где вспать текут волшебные реки, скрипят рассказчики-дубы.

Эстетика русской жизни проходит там, где лес — господин, где человек ничтожен и сир рядом с природой. Где любой деятель дел социальных — отступник от чего-то древнего, от веры отцов. И напротив — где смиренный сожитель медведя Сергей Радонежский — святой заступник и молитвенник, одарённый людскими чествованиями, хотя — чего он такого сделал, кроме молитв и сожительства с медведем?

У русского человека есть эта вечная тяга на природу, где природа — абсолютная самоцель. Русский русскому не станет объяснять подробностей — «Поехали на природу!» — это и вопрос, и ответ, и пароль.

У меня с одной из жён конфликт вышел. Она могла сказать: «Поехали на природу». Я, без всякой задней мысли, задаю логичный для меня вопрос: «Зачем?». Она: «Ну как это зачем?! На природу!». Я начинаю сердиться, она тоже. «Зачем на природу? Для того чтобы что?» — занудно пытаюсь осмыслить что-то мне непонятное я.

А для неё этот вопрос не имеет ни малейшего смысла: «Ну как что?! Ну как зачем?! На природу! Как ты не понимаешь?! На природу! Ферштейн? При-ро-ду!».

Как-то она предлагала купить по дешёвке домик в Мордовии, в какой-то глухой лесной деревне, на который один наш знакомый дал наводку.

Плюсы тоже для неё были понятны и очевидны — своя земля, деревянный дом, лес кругом. И она даже подумать не могла, что у меня именно эти факторы вызывают тревогу — зачем мне земля в Мордовии? Под могилку? Зачем мне деревянный дом? Чтобы всё свободное время, финансы и силы вкладывать в то, чтобы он не завалился набок и чтобы не обрушилась дырявая крыша?

Зачем мне лес кругом, если от леса мне единственное, что хочется делать, это по-волчьи выть в тоске? Ладно бы ещё как инвестиция — но так и то нет — кому нужен глухой мордовский дом, который со временем будет только ветшать?

По мне если и попадать в Мордовию, так на казённом транспорте и под казённую крышу, упаси господи, а добровольно — как-то смысла ноль.

Она была убеждена, что природа для меня — такой же не требующий осмысления пароль, что и для неё.

Ей необходимо было бывать в лесу, разводить там костры, ставить палатки, рубить дрова, петь песни под гитару про запах тайги и про изгиб гитары жопой.

И это целый русский культурный пласт. Быть сожранным комарами, гадить за пять секунд, чтобы не умереть от высосанной комарами из задницы крови — это всё неприятные, но абсолютно неважные мелочи на фоне величайшего-величайшего блага — встречи с природой. Точнее — с Природой, ибо природа тут нечто большее, чем леса, поля, белочки в дуплах и зайчики в норках. Природа — нечто настоящее, а социальное — это такая требуха, недоразумение. Природа как храм, а остальное рядом с храмом бренно.

Из тяги к Природе вырастает последующая тяга — иметь свой домик в деревне. А деревня в лесу. Эдакое посольство в стане Природы.

Наметилось в России большое, масштабное движение, о котором я не слишком много знаю, но его масштабы уже таковы, что трудно игнорировать — все эти неоязыческие организации, родноверы, анастасийцы, смесители каких-то индийских учений с родными осинками.

Все эти медитирующие мужики в вышиванках с бородами и бабы в сарафанах, которые живут в экопоселениях, плетут

лапти, водят хороводы, принимают божественную прану, ходят по воду с коромыслом и привозят периодически в избу джилом покупки из Ашана на месяц.

Меня смущают и настораживают все они, прежде всего, от напускной благообразности. Как-то в них предьяву вроде с ходу и не кинешь — ведут здоровый образ жизни, занимаются созидательным трудом — чем это плохо?

Но горе, если налетишь на проповедь — начинаются рассказы про древних ариев-гипербореев, которые вместе с инопланетянами основали 50 миллионов лет назад Святую Русь, на которой люди жили по сто лет и ничем не болели, ходили завоёвывать Австралию, учили папуасов кулинарии и эскимосов оленеводству.

Всё это сопровождается ссылками на каких-то самоназванных профессоров несуществующих институтов, на какие-то святы книги, написанные левой ногой лет пять назад какими-то обормонтами в Омске, на основе древних нижневартовских берестяных грамот и табличек Гильгамеша. На какие-то события из ведических времён — да ещё таким тоном, как будто абсолютно все, кроме меня, в ведических временах сами бывали и своими глазами видали, как пять тысяч лет назад древние русичи громили древних американичей, вместе с древними украми, да бухали на дружеских пьянках вместе с шотландскими горцами и Уильямом Уоллесом, поедая пироги с Вишну.

С первых же минут хочется убежать, потому что никаких сомнений — попал в сумасшедший дом. И ладно бы там были Наполеоны да Чингисханы — которые хотя бы обаятельные.

Это вы не слушайте рассказы про экопоселения, про нисходящую благодать Ярилы — это обыкновенный сумасшедший дом.

Эти люди не пьют и не курят? Лучше бы пили и курили, ей-богу. Всяко веселее.

Поэтому в России я свой дом как-то не вижу, потому что не понимаю, где ему быть.

То место меня смущает, то соседи. Лес и сумасшедшие эко-поселенцы — нет, благодарю покорно, если мне захочется сойти с ума, я справлюсь самостоятельно.

Я совсем не утверждаю, что мне не интересна природа — интересна, и ещё как. Но природа мне интересна в сочетании всё-таки с человеком.

Мне интересны города в необычных местах, людской быт, местные культурные и этнические особенности, вписанные в природу.

Но тяги уйти одному в лес, встретить там медведя и зажить с ним в берлоге, иступлённо чеканя в молитвах лбом пол, у меня никогда не было. Пристрелите меня кто-нибудь, пожалуйста, если она у меня вдруг появится.

Одно смущает — я до сих пор недооцениваю реальные масштабы явления древлерусской тяги к Природе (не путать с просто природой) и убеждённости древлерусов в том, что «это у всех так».

Я вспоминаю человека, который переехал в деревню, и там и умер, больной и всеми забытый. Успев сказать напоследок о том, что фантазии на тему какой-то там деревенской душевной чистоты людей — это не более, чем фантазии. Город ещё как-то держит в тонусе, а в деревне некому в тонусе держать — исчезают блага, накрывает тупик и лишь бесформенные колдыри-соседи всё зовут с собой на погост.

Как говорил один Нобелевский лауреат — в России всё нетвёрдо, ненадёжно, зыбко, и даже стулья плетёные держатся здесь на болтах и на гайках. И аборигенам это на подкорке понятно.

А мне почему-то не очень.

Камо грядеши: 49, 69

ГЛАВА 91. ДАР

Я умею колдовать. Каждый раз я забираю у несчастного его тень.

Он получает Дар. Но его тень остается у меня.

Если он попросит меня вернуть её — я прогоню его прочь.

Я ходил тропами паломников, поднимаясь всё выше и выше, где разреженный воздух, пыльные бури и люди перестают быть похожими на людей, а их языки — на известные нам.

Песок и ветер.

Однажды они тоже приходили ко мне, и им даже удалось меня ненадолго одурачить.

Мы пили чай, я подливал им ещё, как дорогим гостям. Ели заморские сладости, которые принесли нам торговые караваны.

Они были небескорыстны. Они попросили отдать им Дар.

Я согласился. Взамен я хотел лишь тень.

Они отказались, и я прогнал их прочь.

Я вновь шёл бесконечной горной тропой, куда редко заходят и горные козлы и где лишь считанные разы бывали горные пастухи.

Ветры были холодные, но они не были страшны мне.

Иногда мне встречались люди. Мы кивали друг другу, как старые знакомые.

Мы кивали друг другу даже тогда, когда люди переставали быть похожи на людей.

Их язык мне неизвестен.

Я умею колдовать. У меня есть Дар. Я не могу отказаться от него. Но я могу его отдать.

Взамен я забираю у несчастного его тень. Она остается у меня.

Теперь и у него есть Дар.

Но если он попросит меня вернуть его тень — я прогоню его прочь.

Есть ли край этого пути? Я давно разучился думать. Я лишь ловлю эти горные ветры — таких ветров нет и никогда не было на равнине.

Даже когда ветры приносят острую, секущую пыль — она не ранит. Дар меня охраняет.

Всё больше я учусь слышать. И всё меньше думать.

Мысли бесполезны среди людей, которые не похожи на людей, и чей язык не напоминает ни один из земных.

Когда встретишь человека без тени — знай, он уже встречался со мной, и у него есть кое-что, переданное мне.

Но если ты упомянешь ему моё имя — он прогонит тебя прочь.

Камо грядеши: 9, 39

ГЛАВА 92. ПОДМОСКОВНЫЙ ЭТНОГЕНЕЗ. НОВЫЙ НАРОД, КОТОРОГО НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

*Этногенез Подмосковья вступил в фазу
обскурации.*

© почти Лев Гумилёв

Москва исторически стала столицей достаточно случайно.

А современное Подмосковье невольно стало её спальным районом, большой подбрюшиной, подушкой безопасности для новоприбывших и понаостававшихся.

Сослагательное наклонение в этой ситуации уже припоздало — это не хорошо, не плохо, это свершившийся факт.

В каждой стране есть свои центры притяжения.

Не всегда это столица — оттягивать на себя могут индустриальные монстры, где есть рабочие места, тёплые побережья, где вкусно и солнечно жить.

Интересно, что исторические центры сами по себе оттягивают редко — в ходу не былые заслуги, а актуальные на сей день. Как говорил многожды мною вспоминаемый Аркадий Иванович Сурин, мой достоправный учитель по экономике — «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Каждый центр притяжения обречён на иммиграцию, причём порой весьма разнородную.

Именно так в Париж прибыли гасконцы Д'Артаньян и Де Тревилль, при том что Гасконь тогдашнего времени для Франции — что дальше Закавказье для России.

И именно так в современную Францию прибывают выходцы из французских колоний Африки и Карибов, образуя новые семьи, смешанные пары, становясь всё ещё франкоязычным, но уже другим этнически и культурно народом.

Это естественный процесс — ни один развивающийся народ не знает, где он начинается и где он заканчивается.

Если представитель народа может чётко определить свой центр и свои границы — значит, этот народ либо малочисленный, либо вымирающий.

Этногенез, то есть формирование народа, идет непрерывно.

И успешность зависит от смелости — хватит ли силы духа смешаться, ассимилироваться, сохранив при этом прошлое и получив новые перспективы в будущем.

Тут некий парадокс этногенеза — те, кто призывают к «чистоте расы и нации», пропагандируют изоляцию, границы, а как следствие — получают неминуемое угасание народа.

Любой народ угасает, если его не питает постоянный приток новой крови.

Любой народ угасает, если не интересуется другими народами, не выходит за рамки своей культурной привычки.

Да-да, привычка свыше нам дана, замена счастью она.

Есть коллективный разум народа.

Народ — саморегулирующаяся система, которая ищет свои пути развития.

Иногда бывает так, что народ неким образом распределяет внутри себя ответственности — эти люди будут размножаться, а эти будут интеллектуальной элитой.

Это как мозг и репродуктивная система в одном организме. Одни люди обеспечивают здоровье и численность, другие — условия и выживаемость, развитие и обустройство.

Это то, что происходит сейчас с Европой — волна мигрантов ассимилируется с европейцами.

Мигранты — свежая кровь, коренные европейцы — культурное, техническое наследие нового поколения, условия его жизни и развития.

Распространенная европейская пара — европеец, нередко уже в годах, благообразный белый господин, и рядом с ним жена — молодая марокканка, или уроженка чёрной Африки, или Азии.

Взаимовыгодный симбиоз — он свою жизнь посвятил достижению определённого социального статуса, обеспечил условия жизни. Она — молодая, сочная и фертильная — обеспечивает ему здоровое потомство.

То, что огульно зовут закатом Европы, на деле оказывается её новым рождением, оздоровлением.

Точно так же в Европу пришли варвары, разорившие культурную, но погрязшую в деградации Римскую империю, и внезапно много веков спустя стали благообразными немцами.

Кто сейчас вспомнит про то, какие мавританские, берберские крови намешаны в современных испанцах? Кто сейчас

вспомнит, что нарочито европейские аристократы Венгрии когда-то вслед за сказочным орлом Турул пришли аж из-за Урала?

Лицо Европы поменяется, это неизбежно.

Мне нравится новое лицо Европы. И новое потомство Европы тоже.

Подмосковье тоже стало одним из центров этногенеза.

В Москву за зарплатой и карьерными перспективами устремились разнородные люди, объединяемые порой лишь одним — знанием русского языка и вращением в русскоязычном информационном пространстве.

Язык — вообще самый главный фактор притяжения — не территория, не политика.

Мне жаль, что в современном мире Москва стала единственным центром русскоязычного мира.

Мне жаль, что нет русскоязычных центров притяжения вне России. На мой взгляд, это очень обедняет, лишает естественного развития в конкуренции. Делает интернациональный русский язык придатком всего лишь одной страны.

Если говоришь и думаешь по-русски — все пути только в Москву. Предсказуемо и оттого скучно.

Подмосковье оказалось в ситуации заложника — оно невольно вынуждено принять многочисленных переселенцев русскоязычного мира, при том, что не может в полной мере обеспечить им достойного культурного фона, сподвигающего на развитие.

При другом витке истории — здесь был бы просто один из регионов, каких достаточно в центральной России, где жили бы своим ровным бытом не слишком многочисленные города и посёлки.

Но сейчас здесь — спальный район столицы русскоязычного мира.

Куда принять многочисленных гостей? А хрен его знает куда.
Быт — не самая сильная сторона русскоязычного мира.
Тут и до гостей был не Версальский дворец.

Раньше жили деревенскими династиями — парни брали в жёны девок из своей же деревни, или, на крайний случай, из соседних сёл.

Если и случались национальные смешения, то тоже в одной деревне.

Ну, взял мой прапрадед в уральской деревне в жёны прапрабабку-цыганку, но а чего не взять — семья оседлая, кузнецы да барышники-шорники, с доброй мастеровой славой, а что цыгане — какая, помилуй, разница, если они христиане да односельчане.

Ныне — мало кто умирает там, где родился. По местам рождений в родословной одной семьи можно изучать географию.

Уже сейчас в Подмоскovie обживаются разные люди, разных национальностей, разных происхождений.

Местные порой недовольно, но принимают их.

Появляются азиатские лица среди врачей подмосковных больниц, кавказские лица в подмосковной полиции, вывески «хаш» и «халяль» на подмосковных дорогах, узбекские строительные рынки, армянские автомастерские, дополнительные турецкие объяснения на подмосковных стройках.

Землячества ещё жмутся друг к другу, но уже на новой земле рождаются дети.

Идут в детский сад, в школу. За одной партой 1 сентября садятся рядом Иван да Фатима, Ибрагим да Марья, Гиви и Вера, Арсен и Надежда, Батыр и Любовь.

Они уже не будут понимать разницы. Разность национальностей для них будет не более важна, чем разность цвета глаз.

То, что родители Бахыта приехали из Киргизии, будет

таким же ровно-нейтральным фактом, как и то, что русская девочка Настя, которой он спустя много лет признается в любви, приехала вместе с родителями из Владивостока.

Разница религий? Да полноте вам. Они такие же мусульмане, какие мы православные. То есть никакие.

Сработает инстинкт народа, инстинкт молодого поколения — зачать здоровое потомство.

Половозрелые дети Подмосковья оглянутся вокруг. И сделают свой выбор.

И выбор этот не будет подчиняться стереотипам, убеждениям их родителей. В каком-то смысле выбор сделают не мозги, выбор сделает тело — оно безошибочно найдёт тех, от кого можно рожать детей.

И цвет волос, глаз, и иноземные словечки, которыми иногда перекидываются родители, уже не будут иметь никакого значения.

Прямо сейчас, на наших глазах, появляется новый народ. Он будет не такой, как мы.

Хотя, скорее всего, будет условно называться русским и по-русски говорить.

То же самое, что произошло, когда пришедшие на современные земли центральной России славяне ассимилировали живущих тут угро-финнов.

То же самое, что произошло с малыми народностями Урала, которые ещё называли себя некогда кунгурами или бакалами, но с какого-то поколения вдруг стали русскими.

Что даст этому народу Подмосковье? Сложно представить.

Подмосковье кажется иногда слишком пустым, чтобы вспоить на своих мелких водах новую культуру.

В каком-то роде Подмосковье становится новой Америкой, местом, где попавшие в один плавильный котёл люди будут искать новые точки соприкосновения, изобретать новые ценно-

сти, импровизировать по ходу пьесы.

Иногда болезненно друг к другу притираться — не без этого.

В Америке приметами эпохи становились зачастую банальные вещи, просто изобретаемые на ходу — вся культура фаст-фуда, например.

Возможно, те вещи, которые в Подмоскowie кажутся сейчас ходовыми и банальными, получают какое-то символическое развитее.

Шаурма — символ Москвы. А вот шашлык, например, который готовится на полянках рядом с однообразными каменными джунглями новостроек-муравейников — символ Подмоскowie. Почему нет?

Подмоскownые города неизменно обрastут своими новыми мифами и легендами.

В лабиринтах одинаковых, типовых домов начнётся какая-то новая история.

Она в любом случае будет. Она всегда есть там, где есть люди. Хочется, чтобы она была интересной. Хочется, чтобы у новой истории были красивые дети.

Москва не сразу строилась.

Подмоскowie тоже.

Камо грядеши: 70, 46

ГЛАВА 93. РОДИНА ВСТРЕЧАЛА СЫНОВЕЙ

Звучно выпустилось шасси, борт затрясло.

За иллюминатором сквозь дождь и туман проглянуло лесистое Подмоскowie.

Сидевший впереди пацан лет восьми от роду заорал: «Не хочу в Москву! Не хочу!». Всклипнул и продолжил: «Хочу

обратно в Киев! Или к бабушке в Керчь. Или к тётке Зине в Харьков!».

Замолчал. Потом в отчаянии: «Куда угодно хочу, только не в Москву!».

Бу-бух! Шасси коснулось плит, за стеклом поплыли терминалы.

Камо грядеши: 47, 28

ГЛАВА 94. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ДАННОСТИ

Сколько на свете существует разных недовольств, претензий, страхов, обвинений, возмущений? Да просто несчётные миллионы.

Но на самом деле — на свете есть всего лишь шесть поводов испытывать неудовольствие. Все миллионы поводов — всего лишь вариации от этих шести.

Каждый повод для неудовольствия сводится к какой-то непринятой экзистенциальной данности. И если размотать клубок — придёшь к какой-то из них.

Экзистенциальные данности — это то, с чем мы рождаемся и чего мы не в силах изменить. Мы можем только научиться принимать это и смириться с этим.

Мы приходим в этот мир, голые и встревоженные, и получаем следующий набор:

- Одиночество;
- Конечность бытия, она же Смерть;
- Свобода и необходимость делать выбор (ответственность);
- Материальность и сексуальность (бытование в определённом биологическом поле, в материальном теле);
- Несовершенство;
- Невозможность нахождения смысла жизни.

Всё. Есть ли ещё сферы, в которых возможно печалиться? Нет, нету. Можно разочароваться, но вся наша разнообразная, драматичная жизнь — это всего лишь непринятые в разных вариациях эти шесть данностей.

Одиночество

Мы одиноки, и это навсегда. Никто и никогда не поймёт нас во всей полноте наших ощущений. И неважно, сколько людей при этом толпится вокруг.

Как там у Ирвина Ялома: «Все мы — одинокие корабли в тёмном море. Мы видим огни других кораблей, нам до них не добраться, но их присутствие, свет этих огней и сходное с нашим трагическое положение дают нам большое утешение в нашем экзистенциальном одиночестве».

Признание собственного одиночества — это точка роста, именно через одиночество идет взросление.

Как ребёнок — он привязан сперва к родителям-кормильцам, но всё более учится жить сам, пока не научится собственные потребности удовлетворять самостоятельно.

Но признать собственное одиночество страшно и жутко. Жутко признаться себе, что никто и никогда не найдёт меня здесь, в моей изоляции, не прикоснётся ко мне по-настоящему, не узнает меня.

Этот страх так силён и жуток, что многие посвящают всю жизнь пустым, мусорным занятиям, лишь бы от него убежать — придумывают идеологии, религии, окружают себя кучей случайных людей — хоть с кем-то, лишь бы не в одиночестве. Что угодно делать, лишь бы не остановиться, не взглянуть в зеркало, не встретиться с собой.

И лишают себя тем самым развития — скоро самим с собою

становится скучно, всё больше зависимость от чего-то внешнего и преходящего, нет точки опоры внутри. Сердце вырвано из груди, а рана засыпается каким-то хламом, дерьмом и опилками.

Одиночество сподвигает на творчество. Именно когда одинок — чувствуешь этот звенящий порыв выплеснуть собственный мир. Одиночество даёт возможность слышать сердце и идти за своей звездой.

Те же, кто в побеге от ужаса признания одиночества забегают от самого себя далеко, себя теряют. Теряют свое творчество. Перестают слышать сигналы. Перестают исследовать мир. Меняют доверие на доверчивость и вверяют собственную уникальность в руки случайных проходимцев. Становятся просто безликой частью какой-то общности — все эти пустые и праздные творческие тусовки, секты и идеологии, политиканство, созависимые семьи, где все занимаются делами всех и никто своими собственными.

Мы одиноки. От рождения и до смерти. Рождаемся в одиночестве и уходим в одиночестве.

Конечность бытия. Смерть

Мы все умрём.

Можно утешать себя, опять же, очередным уходом от реальности, попыткой скушать сладкую пилюлю — о том, что мы бессмертны, о том, что наша душа вечна, что кто-то там пришёл и грех мой взял, и мне теперь жизнь вечная, прочие бла-бла-бла — это всё тоже не более чем придумки, чтобы заглушить ужас от неизбежной смерти.

Мы ничего не знаем о том, что будет после нашей смерти. Мы всё это себе придумали. Это не более чем фантазии.

Знаем мы лишь то, что умрём.

Полувядавших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет. (с) З. Гиппиус

Смерть придумана для того, чтобы у жизни был вкус.

Если бы не существовало смерти — развитие остановилось бы. Никто не стал бы рожать детей, чтобы продолжить себя. Пропали бы стимулы вообще делать хоть что-то — добывать еду, строить дом, учиться, стремиться, развиваться.

Исчезла бы история и память. Исчез бы стимул оставить что-то после себя — чтобы помнили.

А так — мы не можем дать взятку и отменить собственную смерть. Мы с ней встретимся, каждый один на один.

Помни — ты должен умереть.

Свобода. Выбор. Ответственность

Чтобы жить, нужно обладать невероятным мужеством.

Мы созданы исключительно по собственному проекту, мы творцы своей реальности. Мир вокруг нас — это мы его сделали.

Но страшно признать свои 100% ответственности за всё происходящее, поэтому начинается то, чем пользуются секты — попытка сбросить ответственность за собственную жизнь. Поиск мифического «как надо жить» — некоего трактата, некоей святой книги, где всё уже написано и остаётся только этому следовать.

Поиск кумира, того самого, которого «не сотвори себе».

«Если кем-то слишком восхищаться, никогда не стать свободным, — внезапно произнёс Снусмумрик. — Я это знаю».

Каждую секунду мы вынуждены делать выбор — куда пойти, что сделать, что сказать. Причем отказ делать выбор — это тоже выбор, и он тоже будет иметь последствия.

Мы каждую секунду выбираем то, каким будет наш мир.

И каждую секунду — перед нами тысячи вариантов. Но как только мы выбираем из них один — все остальные умирают. Мы делаем свой выбор, а остальные варианты перестают существовать. Каждую секунду мы являемся благодетелем одного мира и убийцей тысячи миров, созидателем одного чада и убийцей тысяч детей, которые отныне никогда не родятся.

Мы можем воссоздать какие-то схожие условия, но мы никогда не вернёмся в прошлое, чтобы выбрать что-то по-иному.

Мы делаем выбор — и принимаем за это ответственность. Нам с ней жить.

И всё, что мы получим, вступив на этот выбранный путь — это всё мы выбрали сами. Нет тут сторонних виноватых или благодетелей.

Это свобода. Наша свобода, та свобода, которой мы обладаем. Свобода, прямо пропорциональная ответственности. Ответственность за свою жизнь, прямо пропорциональная свободе.

А свобода собственной жизни — это счастье, скажу вам по секрету. Да-да, то самое, которое многие ищут, отказавшись от свободы, надеясь найти его в каких-то книгах, у кого-то другого, хоть где-нибудь, в то время, как все ответы на все вопросы уже есть внутри.

Жизнь в материальном теле. Сексуальность

Мы получаем тело, мы можем его любить или не любить, но это единственное, что будет в нашем распоряжении всю нашу жизнь.

И в этот мир мы приходим в определенном поле, коих — вы, наверное, об этом уже знаете — всего два, Мэ и Жо, мужской и женский.

И не надо про однополые браки, операции по перемене

пола — это всё совершенно о другом. Это о так называемом социальном понятии гендера — понятии социальных ролей, принятых или не принятых в обществе, которые принимаешь на себя или не принимаешь. Гендер — сугубо социальное понятие. А пол — материальное, физиологическое.

Наше тело уже накладывает на нас ряд ограничений — мы не сможем, например, погрузить его на дно Марианской впадины или забросить без скафандра в открытый космос. Не можем его чрезмерно нагрузить или заставить творить невероятное (хотя тело может творить порой совершенно удивительные вещи — мы до сих пор о нём мало что знаем, если так уж разобраться). Но тело — необходимое условие нашего здесь пребывания.

Материя — есть объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Все наши ощущения — они всё равно в теле. Нет тела — нет нас.

И мы не можем отказаться от всех наших физических нужд.

Несовершенство

Мы все — штучный товар. И нет идеальной мерки, то, чего тщетно пытаются достичь перфекционисты.

Мы сами назначаем себе нормативы. Только мы знаем, что нам под силу, что нет, чего мы на самом деле хотим.

И мы несовершенны — у нас нет абсолютной власти и возможностей, мы всегда вынуждены соизмерять свои деяния.

Смысл жизни и невозможность его нахождения

«Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы», — писал Эрих Фромм.

Смысла жизни не существует.

Но если принять это — сойдёшь с ума от нигилизма.

Остается только одно — придумать самому себе смысл, достаточно привлекательный для поддержания жизни.

А если вообще в идеале — то после изобретения смысла забыть о том, что это сам его себе придумал, и убедить себя в том, что где-то удачно его нашёл.

Камо грядеши: 8, 65

ГЛАВА 95. МУХА

Перед смертью является огромная стальная муха.

Неуязвимое существо, с чёрными плошками стеклянных глаз, с переплетением металлических волокон.

Видит её только тот, за кем она пришла.

Когда задолго, когда за мгновенье.

Она подлетает, с жуткой неумолимостью, зависает перед лицом.

В следующий миг из мухи вылетают два стальных щупальца, одно пробивает сердце, другое горло — высасывают в специальное хранилище душу. Это такой матовый цилиндрический резервуар.

То тело, которое валится после оземь — это лишь отработанная оболочка. Души в нем уже нет.

Унося в чреве душу, муха улетает. Куда-то. Я не знаю, куда.

Иногда, увидев муху, начинают умолять, унижаться, торговаться. Понимая, что это конец.

Муха лишь выполняет свою работу. Она глуха.

Встреть свою муху с достоинством.

Иногда происходит странное — муху видят со стороны. Видят, как она медленно планирует над назначенным.

Видят миг, когда душа ещё в теле, а когда уже нет.

Словно какая дымка соскользнула с тела, и тело враз лишь серое, старое, уродливое.

Это может происходить в людной толпе.

Над ней летит стальная муха, я её вижу, но понимаю, что она не ко мне.

В этот момент я испытываю даже что-то вроде любопытства.

Её не видит никто, кроме её адресата.

Кто на этот раз?

Ага, вот этот.

Какие у него испуганные, плачущие, детские глаза.

Доля секунды металлического лязга, стальные шнуры уже в теле. Доля секунды — они вышвыриваются обратно.

В толпе видели лишь то, как шёл человек, шёл и вдруг рухнул как подкошенный.

Муху видел лишь я.

Я не знаю, зачем она мне показалась.

Камо грядеши: 29, 31

ГЛАВА 96. ЖИЗНЬ КОРОТКА — ПОТЕРПИ НЕМНОГО

Индеец из «Пролетая над гнездом кукушки» говорил знаковую фразу про свой народ: «Мы хороним не в землю, мы хороним в небо».

Мне это близко. Есть люди, вышедшие из земли. Они рождаются от земли, живут на ней, а потом уходят кормить её же, расползаясь по земле в брюхе червей.

И могила — важный след. Упоминание того, что человек оставил что-то на земле, не ушёл бесследно.

Для этих людей Родина — это там, где могилы предков. Я нередко это слышал — «куда же я отсюда поеду — здесь могилы прадедов» — и очень долго мне это было непонятным. Было неясно — зачем ограничивать возможности живых в мнимую угоду мёртвым?

Знаете, есть порода мэтров от искусства. Именитых стариков, которым принято поддакивать, аплодировать на выставках, слушать их велеречивые поученья, и они оттого со временем, с возрастным слабоумием, начинают и вправду считать себя ницшеанскими сверхчеловеками.

Нередко они действительно хорошие мастера, но они ужасные педагоги. Ужасные, потому что им плевать на индивидуальность и талант своего студента — им важно оставить след, осеменить по самое темечко, чтобы студент дальше нёс именно их отпечаток.

Делается это неминуемо в ущерб собственно студенческим чаяньям и особенностям. Чтобы, если их студент прославится, обязательно вспомнили и его учителя — «а он из школы Ивана Ивановича...».

Больше всего эти старики боятся того, что с ними со всеми неминуемо и происходит — их действительно забывают.

Происходит это обычно так — на каком-нибудь творческом сборище, за столом, с водочкой и колбаской, встаёт какой-нибудь солидный муж и произносит — «бла-бла-бла, мужайтесь, нас постигла ужасная утрата, ещё один поэт погиб — изжога доконала».

И они встанут, помолчат минуту. Потом сядут, поедят колбаску, балычок, выпьют коньячку.

Река и пыль, фальшивый крик кларнета.

А после их похоронят. И забудут. На их могилу прольётся

дождь и птичий помёт.

Вскоре те, кто подобострастно смотрел им в рот, начнут коверкать, забыв, их фамилии.

Вот почему я не люблю поминки. В большинстве своём люди туда приходят не мёртвого помянуть, а гадко порадоваться — «сегодня смерть забрала не меня».

Они все очень боятся забвения, именно потому, что сами мгновенно забывают тех, кто был рядом. Они слишком хорошо знают, как это бывает. Но всё равно, не в силах совладать со страхом, надеются, хватаются за любую соломинку — только бы оставить след, только бы не уйти бесследно.

Я всё больше и больше точно убеждаюсь лишь в одном — жизнь коротка.

Есть чёрное небытие до нашего рождения, и есть чёрное небытие после. Первое редко кого пугает — оно как бы осталось позади, а второе пугает безмерно — неизвестно, будет ли из него выход.

Время ЗДЕСЬ — неимоверно короткое, песчинка супротив вечности. Плотник супротив столяра.

Но и то мы, мясные-костяные людишки, умудряемся его просирать впустую на клоунаду.

Мне кажется — чем больше личностный рост человека, тем меньше страх смерти. Тем большее умиротворение смерть приносит — как будто жизнь была аквариумом на дне океана, а после смерти у этого аквариума просто исчезли стенки, вода воссоединилась со своим большим домом.

Но я могу ошибаться — мне далеко до просветления.

Я делаю лишь то, что в моих силах — выплёскиваю свой страх смерти в вечность в надежде, что вечность приласкает меня, маленького человека в огромном глазу Бога.

Что Бог прочтёт эту книжку. Ну а что? Рукописи не горят. Электронные особенно. Я люблю эти плевочки и зову их жемчужинами.

В последнее время мир нередко напоминает мне о том, что жизнь очень коротка.

Прихожу я к другу — у него пёс, пудель. А пуделя уже одолевают болезни, он уже не тот резвый, озабоченный и экзальтированный, каким был ранее.

И тут до меня доходит — я ведь его видел щенком. А сейчас он старик.

«Ну, вот и жизнь прошла», — говорю я ему, глядя в его слезящиеся глаза.

Осознание краткости жизни приходит, говорят, к старикам — я рад, что осознал это раньше старческой немощи, паралитического кашля, импотенции, грелки и судна.

Всё больше я начинаю понимать цену своему времени. Всё лучше я учусь прекращать споры и не разминывать жизнь на копейки.

Что-то очень важное, одновременно хрупкое, зреет во мне.

Спешите жить, скажу я вам банальность.

Жизнь коротка — потерпи немного.

Камо грядеши: 97, 48

ГЛАВА 97. ВЫДЕРНИ ШНУР, ВЫДАВИ СТЕКЛО

Всё когда-то заканчивается.

Ежегодная мантра за новогодним столом — что новый год будет лучшим, чем предыдущий. В этом все увещевают друг друга, прежде всего самому сияясь поверить — то, во что действи-

тельно веришь, не нуждается в таком множественном повторении.

Если я вам этого не скажу — никто не скажет, вы же знаете, и именно за это меня цените. За честность.

Лучше быть в шоке от услышанного, чем в жопе от происходящего.

Так вот, я не обещаю вам перемен к лучшему. Вероятнее всего, станет хуже. Но интереснее.

Мир меняется так быстро, что не успеваешь осмыслить один опыт, а он уже устарел.

Остаётся опираться даже не сколько на опыт, сколько на направления.

Мир ужесточится. Станет больше нетерпимости.

Это страшно, но страшнее другое — мир ещё и станет более равнодушным.

Что-то в человеческом бытии неуловимо обратится более примитивным своим ликом. Похерится длинный эволюционный путь. О гуманистическую идею станет ещё моднее вытирать ноги.

В будущем мы совершенно точно потеряем друзей. А вот приобретём ли — ой, в этом совершенно нет никакой уверенности.

Ну и, я тоже об этом скажу — мы все постареем. А кого-то не станет, и я сегодня на всякий случай с ними прощаюсь. Прощайте. Вы были, но вас больше не будет. Мы не встретимся.

Я всё больше и больше упираюсь в ощущение тупика. Смутное предугадывание того, что все пути человечества, что бы я ни выбрал, ведут туда, где мне не понравится.

Вот, развилка. Как там в русских сказках, с их глубочайшим

символизмом — налево пойдёшь — коня потеряешь, направо пойдёшь — себя потеряешь. Прямо пойдёшь — пидорасом будешь.

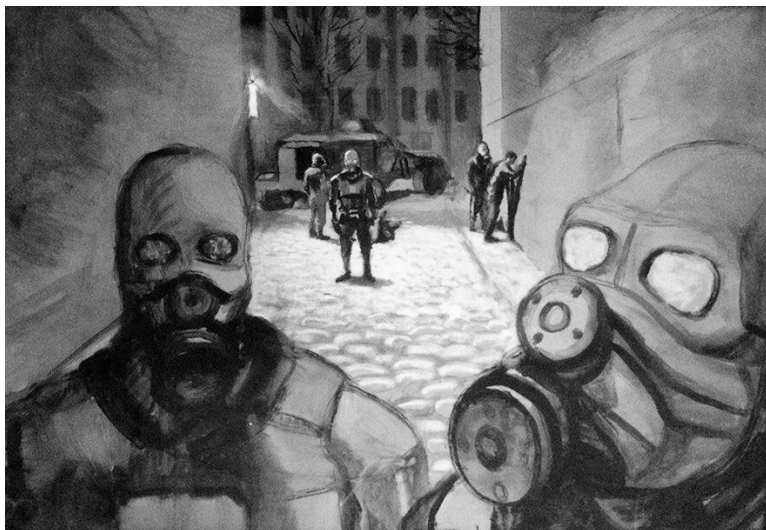
Выбирай. А не станешь выбирать — прямо тут пидорасом будешь.

Будешь революционером — получишь тюремные застенки и пулю в затылок. Будешь антиреволюционером — получишь тюремные застенки и пулю в затылок.

Пойдёшь по пути человеколюбия, дорогою добра — будешь человечеством распят. А ежели пойдёшь по пути тирана и людоеда — то тоже будешь человечеством распят.

Будешь западником — будешь в дерьме. Будешь славянофилом — тоже будешь в дерьме.

Выбирай, браток, а не то прямо тут будешь в дерьме.

Бывает, ты ешь медведя, а бывает, что медведь ест тебя.

И какой вариант выпадет — это лишь игральные кости ведают. Мы — нет.

Мы живём в особенное время, я смутно чувствую, что сейчас, вот прямо сейчас изобретается какой-то совершенно новый путь развития человечества, путь, которого не было раньше.

Человечество должно измениться.

Если не изменится — пойдёт дорогами, которыми уже ходило. Получит результат, который уже получало.

Да-да, будут войны. Да, восторжествует самое низменное — и мы все, нашими одиночными белыми парусами, ничего не сможем сделать. Придется спасаться, кто как может.

И долго буду тем любезен я народу, что уже сейчас, до того, как началась главная резня, призываю к милости к павшим.

Мне кажется, сейчас настало время, впервые в человеческой истории, когда человечество может, условно говоря, разделиться. Безопасно, я имею в виду.

Как? А вот так.

Нас всех забросили с непонятной целью голыми и беспомощными в этот странный мир. И мы по нему сейчас бредём, не зная, камо грядеши. Не всегда голые, но беспомощные по-прежнему.

Кто-то хочет спасать, а кто-то хочет нажимать на курок. Кто-то считает, что нужно идти к сияющим звёздам державности, переступая через трупы, а кто-то считает, что нужно питать данью невидимую руку рынка — тоже, не без трупов тех, кто не сможет прокормиться.

Человечество долго брело, попадая в крайности. Каждая из крайностей не заканчивалась ничем хорошим.

Но весь этот долгий путь мы все, где-то на подкорке, жили иллюзией, что мы вместе. Нас вместе закинули в этот мир, мы и должны друг друга держаться.

Именно поэтому строить светлое будущее всегда рвались скопом. А кто не согласен был строить светлое будущее по указанным лекалам, так того в тайгу — строить светлое будущее уже оттуда.

Так вот — сегодня мир совершенно другой. В нём действуют другие, информационные законы. В нём совершенно по-иному распределяются блага, совершенно неравномерно ценится труд и его характер.

И сегодня есть техническая возможность человечеству разделиться.

Кто хочет строить очередную империю, где золото, гимны, флаги, поющие, марширующие и где ни одного пандуса для инвалидов (в том числе инвалидов постройки этой же империи) — вам туда.

Кто хочет построить царство обетованное, где в почёте музыканты, поэты и голубцеватые менестрели — вам сюда. Попробуйте. Постройте.

Кто хочет ручку патриархам целовать — вам сюда. Кто хочет лежать под пальмой и ловить падающие бананы — вам сюда.

Сегодня это возможно. Каждый может строить собственный мир.

Доменная печь между ног, каждому — свой бог.

И если с кем-то из человечества не по пути — расходитесь на следующей развилке и забываете.

Пусть каждый строит свой рай. По результатам поглядим, у кого выйдет привлекательнее.

Поэтому, повторяя изначально сказанное — мир, в основной своей массе, станет более жёстким, более злым, дёрганным, опустошённым, увядшим.

Но это — в основной своей массе. Совершенно не обязательно выбирать основную массу.

Можно её выбирать — и тогда да, тогда не до ропота на общие закономерности, захлёстывающие общую раскачивающуюся лодку.

Но — совершенно необязательно лезть в эту лодку, вот в чём дело.

Любой узколобый режим (и человек) первым делом станет убеждать в отсутствии выбора, в том, что лодка одна и единственная. Это ложь.

Лодок много. Лодку можно сделать самому.

Кому хочется плыть — пусть плывёт. Кто хочет плыть другой лодкой и в другую сторону — можно. В современном мире — можно. Раньше нельзя было. Но сегодня — можно.

Поэтому — в мире станет больше нетерпимости, но я, напротив, собираюсь становиться более тонким и чутким, более многогранным, сложным, ловким, гибким. Мне так интереснее.

Повысится градус общего равнодушия, укрепится убеждение в том, что герои теленовостей умирают без боли и без крови. Но лично я намереваюсь, напротив, быть более любопытным, более смекалистым, зорким, точным, равновесным.

Будут маршировать полки деревянных солдат. Кто-то пойдёт пополнять их ряды. Я — не пойду.

Будет выбор между бедностью и подлостью? Я выберу богатство и великодушие.

Будет выбор между мёртвым львом и живым шакалом? Я выберу живого льва. Тем более, что это радостнее и легче всего остального.

Мир будет становиться хуже — но лично нам-то что с того?

Наступает новое время. Оно не будет похоже на прежнее.

Хочется покоя, но покой нам только снится. Успеем в гробу налегаться.

Я вас прошу быть честными и мужественными.

Если понадобится разделить с человечеством, с которым вы до сего дня шли вместе — разделяйтесь. Поплачьте, погорюйте о чудесных пережитых временах — но разделяйтесь. Не предавайте себя и свой истинный путь.

Будет трудно. Но так хоть есть шанс.

Я вступаю в новое время с некоторой тревогой. Но с силами прокладывать свой собственный путь.

Присядем на дорожку. Посидели? Ну, тогда с Богом.
Выдерни шнур, выдави стекло.

Камо грядеши: 0, 98

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я благодарю людей, при поддержке которых эта книга увидела свет. Спасибо за веру и за радость жизни.

Светлана Бутенко — vk.com/kosmonozhka

Лариса Бутенко

Сергей Архандеев — arkhandeev.ru

Ольга Кашпарова

Дмитрий Люмет

Екатерина Алёшкина

Александр Качар — reido.bandcamp.com

Егор «Kodo9» Тимофеев

Марина Кулакова

Лариса Семёнова

Алексей Зайцев — ne-sinie-veschi.livejournal.com

Дмитрий Алфёров

Дмитрий Нижников

Глеб Мальцев

Вячеслав Мельников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 0. Эпиграф	3
Глава 1. Глория Мунди	4
Глава 2. Арахисовое масло. Боже, храни Америку. И Китай ..	5
Глава 3. Поезд по России	9
Глава 4. Как я уверовал в Бога	11
Глава 5. Москва-Сити. В назидание народам древности	14
Глава 6. Битие определяет сознание	19
Глава 7. Когда уйдём мы со школьного двора, под звуки нестареющего вальса	21
Глава 8. Утро — время для любви	28
Глава 9. Евреи. Окончательное решение еврейского вопроса	29
Глава 10. Как я стал генеральным директором. Сказка-быль ..	37
Глава 11. Гермес	39
Глава 12. SMS от Бога	43
Глава 13. Мода с ссексом. О детской сексуальности. Когда неподсудны педофилы	47
Глава 14. Учитель и армянин. Непоучительная история без морали	54
Глава 15. Москва. Город-шаурма	56
Глава 16. Однажды в Крыму. Три литра	57
Глава 17. Радио Внутренняя Венгрия. Танцуя с демоном	73
Глава 18. Незнайка. От Земли до Луны	78
Глава 19. 95 лет одиночества	88
Глава 20. Терминатор. Сара и Кайл. История одной любви ..	91
Глава 21. Межпланетный караван	94
Глава 22. Африканцы	95
Глава 23. Общество информационного потребления	97
Глава 24. Румыния. Вяликае Сяло	102
Глава 25. Рабыня Изаура	109
Глава 26. Инь и Янь	111
Глава 27. Кто заказывал такси на Дубровку?	116
Глава 28. Люди гибнут за металл	122
Глава 29. Бог — байкер	125

Глава 30. Смех мертвецов	128
Глава 31. Когда Бог был Змеёй	130
Глава 32. Майн кампф. Бессмертный полк	131
Глава 33. Донбасс порожняк не гонит	136
Глава 34. Целуя щиколотки Богини	141
Глава 35. Моя Москва	146
Глава 36. Подмоскowie. Что ты милое, смотришь искоса, низко голову наклоня?	150
Глава 37. Собеседование	153
Глава 38. Белград. Город под огнём	154
Глава 39. Российский Мордор	156
Глава 40. Лица подо льдом	160
Глава 41. Снусмумрик	161
Глава 42. Ло. Ещё один дождь	163
Глава 43. Нежить	170
Глава 44. БГ	173
Глава 45. Погнали наши городских. Думы на берегах канала Грибоедова	173
Глава 46. Израильский флаг	178
Глава 47. Гей славяне	180
Глава 48. Женская краса. Почти притча	185
Глава 49. Инопланетяне. Братья по разуму	190
Глава 50. Если бы в Беларуси была легализована проституция	191
Глава 51. Ниша в социальном пространстве	197
Глава 52. Счастье	204
Глава 53. Люди-кошки и люди-собаки	205
Глава 54. Спасая рядового узбека	210
Глава 55. Они поехали дальше	214
Глава 56. Рыба	216
Глава 57. Судьба Фаины	220
Глава 58. Модный голландец	225
Глава 59. Пьянство — наше постоянство	227
Глава 60. Дадим стране угля	229
Глава 61. Azaq Deñizi / Азовское море	232
Глава 62. Сдавайте, граждане, стеклотару	233

Глава 63. Госдума, или как я провёл день	236
Глава 64. Тау. Однажды во Вьетнаме	244
Глава 65. Ааре. Прыжок с моста	251
Глава 66. Врачу — исцелился сам	255
Глава 67. Нерождённые дети	259
Глава 68. Журавли летят над нашей зоной	261
Глава 69. Голова старого вепря	264
Глава 70. Орехово-Зуево, или история одной песни	265
Глава 71. Повесть о невероятномъ приключеніи, произошедшемъ со мной въ Альшани	272
Глава 72. IKEA	274
Глава 73. Когда я на почте служил ямщиком	280
Глава 74. Нарциссизм	282
Глава 75. Русский рок. Сводный брат / Просто быть живым ..	283
Глава 76. Резюме писателя	291
Глава 77. Рублёвка. Земля небожителей и её стыдные тайны	292
Глава 78. Два одиночества	299
Глава 79. Вечнозелёное дерево	300
Глава 80. Море Доминиканы. Морок менеджера среднего звена	302
Глава 81. Проблема	306
Глава 82. Роман с демоном азартных игр. Только секс, ничего личного	307
Глава 83. Провинция	310
Глава 84. Лазурный берег. В объятиях русского эскапизма ..	312
Глава 85. Предисловие	314
Глава 86. Клуб вольных путешественников, или немного о людях-птицах	314
Глава 87. Дойчен зольдатен	319
Глава 88. В ожидании Мессии	320
Глава 89. До последнего моря	322
Глава 90. В деревню, в глушь, в подвалы / О древлерусской тяге к земле	323
Глава 91. Дар	330
Глава 92. Подмосковный этногенез. Новый народ, которого никто не заметил	331

Глава 93. Родина встречала сыновей	337
Глава 94. Экзистенциальные данности	338
Глава 95. Муха	344
Глава 96. Жизнь коротка — потерпи немного	345
Глава 97. Выдерни шнур, выдави стекло	348
Благодарность	355

Александр Бутенко

Если бы Конфуций был блондинкой

Иллюстратор Светлана Бутенко

Иллюстратор Дмитрий Алфёров

Дизайнер обложки Сергей Архандеев